

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RGGU BULLETIN
№ 1 (81)

Scientific journal

Political Science.
Social and Communicative Studies Series

Moscow
2012

ВЕСТНИК РГГУ
№ 1 (81)

Научный журнал

Серия «Политология.
Социально-коммуникативные науки»

Москва
2012

УДК 309
ББК 66.0я43

Главный редактор
Е.И. Пивовар

Заместитель главного редактора
Д.П. Бак

Ответственный секретарь
Б.Г. Власов

Серия «Политология.
Социально-коммуникативные науки»

Редколлегия серии:

Логунов А.П. – ответственный редактор

Клягин С.В. – заместитель ответственного редактора

Амбросьева Г.В. – ответственный секретарь

Антонова И.Б.

Борисов Н.А.

Гринько А.Е.

Гордеева М.А.

Калмыков А.А.

Логвинова И.В.

Мелкумян Е.С.

ISSN 1998-6769

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Коммуникации в политической совместности

<i>Аксеновский Д.И.</i> Интегративные проекты конкурентоспособной власти.....	11
<i>Калмыков А.А.</i> Четвертая политическая сила.....	21
<i>Борисов Н.А.</i> Формирование национальной идеологии и проблемы легитимности политического режима: на примере идеологии белорусского государства	29
<i>Антонова И.Б.</i> О политических понятиях и ценностях: совместное и несовместное в современном дискурсе власти.....	41
<i>Гусейнов О.Г.</i> Возможность совместного существования гражданской власти и армии в Турции: теоретико-игровой анализ.....	55

Политики совместного в обществе

<i>Барышева Е.В.</i> Формирование идеи «совместного» в ритуальных политических событиях 1920–1930-х годов.....	65
<i>Гордеева И.А.</i> Совместность и насилие: «свободные христиане» в условиях советской России 20 – начала 30-х годов	74
<i>Журухина А.А.</i> Совместное историческое прошлое как предмет политического дискурса	84

<i>Межиева А.К.</i> Политико-коммуникативные практики и технологии в деятельности администрации президента РФ (2000–2008 гг.)	92
---	----

<i>Пичугина О.А.</i> Перформанс в общественно-политическом дискурсе современной России	101
--	-----

Практики исследований в политологии совместного

<i>Медушевский Н.А.</i> Технологии совместности: переосмысление сути термина «фабрика мысли».....	111
---	-----

<i>Суший Е.В.</i> Идентичность как фактор государственно-политической трансформации.....	122
--	-----

<i>Амбросьева Г.В.</i> Опыт развития политических институтов в постсоветской Молдове.....	136
---	-----

<i>Луговой Г.А.</i> Интеграционный потенциал пантюркизма: на примере внешней и внутренней политики Турции.....	144
--	-----

<i>Круглов М.С.</i> Гражданские инициативы и оппозиция в политическом процессе России	152
---	-----

Исследования практик совместности

<i>Шатилов А.Б.</i> Внутриэлитный консенсус в Российской Федерации: этапы формирования	162
--	-----

<i>Володенков С.В., Зверев А.Л.</i> Современные онлайн-ресурсы и традиционные средства массовой информации в политике: опыт компаративного анализа.....	174
--	-----

<i>Гавриш Г.Б.</i> Своеобразие политического текста в советской традиции	188
<i>Барышев Е.В.</i> Современные возможности политического Интернета	201
<i>Смехов Л.В.</i> Жанр кризисной президентской риторики как средство объединения нации	209
<i>Шати И.М.</i> Монолог в Сети: совместность информационно-коммуникативных технологий в политических инициативах российской власти	217
<i>Белинский А.В.</i> Формирование позитивного имиджа современного политика	226
<i>Штейнман М.А.</i> Матрицы массовой культуры и механизмы создания общности в политическом дискурсе XXI в.	236
Abstracts.....	245
Сведения об авторах	257

CONTENTS

Communication in political cohesiveness

<i>Axenovsky D.I.</i> Integrative projects of the competitive power.....	11
<i>Kalmykov A.A.</i> On emerging of new agencies in the nowadays political field	21
<i>Borisov N.A.</i> National ideology and the legitimacy of political regime (in case with the Belorussian state ideology)	29
<i>Antonova I.B.</i> Concepts of common and state values in the contemporary political discourse: the nature of cohesive and non-cohesive	41
<i>Guseynov O.G.</i> The compatibility of civil government and army in Turkey: a game-theoretic analysis.....	55

Politics of cohesive in modern society

<i>Barysheva E.V.</i> The idea of the “cohesive” in political rituals (1920–1930ies)	65
<i>Gordeeva I.A.</i> Cohesiveness and violation: Cartesian subject in Soviet Russia in the 1920–1930	74
<i>Zhurukhina A.A.</i> Common historical past as the subject of political discourse.....	84

<i>Mezhieva A.K.</i> Political and communicative practices in the activities of the Russian Presidential Administration (2000–2008 гг.).....	92
--	----

<i>Pichugina O.A.</i> Performance in socio-political discourse in modern Russia.....	101
---	-----

Case studies in politology of cohesive

<i>Medushevsky N.A.</i> Redefining the “think tank” term meaning in the context of confrontation between multiculturalism and the “melting pot” concepts.....	111
--	-----

<i>Sushy E.V.</i> Identity as the factor of political transformation.....	122
--	-----

<i>Ambrosieva G.V.</i> Experience of development of political institutions in post-soviet Moldova	136
---	-----

<i>Lugovoy G.A.</i> The integration potential of Pan-Turkism ideology	144
--	-----

<i>Kruglov M.S.</i> Contemporary forms of civic activity in the political process of Russian Federation	152
---	-----

Researches in cohesive practices

<i>Shatilov A.B.</i> Stages of ruling elites` development in the post-soviet Russia: from liberalization to innovativeness.....	162
---	-----

<i>Volodenkov S.V., Zverev A.L.</i> Features of modern online resources and how they differ from traditional media in the politician	174
--	-----

<i>Gavrish G.B.</i> The identity of the political text in soviet tradition	188
---	-----

<i>Baryshev E.V.</i>	
Modern opportunities of political Internet	201
<i>Smekhov L.V.</i>	
Genre of presidential crisis rhetoric as a tool of the national consolidation.....	209
<i>Shatin I.M.</i>	
Media-space of political communication between society and power in Russian politics: public discussion of the legislative drafts in the internet.....	217
<i>Belinsky A.V.</i>	
German media in the modern political process	226
<i>Shteynman M.A.</i>	
Mass culture matrix and means of building up of community in the political discourse of XXI century	236
Abstracts.....	245
General data about the authors	260

ИНТЕГРАТИВНЫЕ ПРОЕКТЫ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОЙ ВЛАСТИ

В статье речь идет о наблюдаемом сегодня срыве государственной проектности, направленной на выработку ответов основным вызовам современности – преодолению пределов роста и интеграции в мировое сообщество. И глобальные госпроекты (США, ЕС, Япония), задающие общемировые тенденции развития, и десятки локальных госпроектов, осваивающих эти тенденции с учетом местных реалий и интересов, и попытки создать на отдельных территориях государства инновационные зоны (кластеры) – все они по-своему оказались уязвимыми. Такая ситуация обнажила ранее слабо осознаваемые зависимости и актуализировала потребность в создании международного механизма интеграции для работы с генерируемыми новациями средствами разных традиций.

Ключевые слова: глобальный государственный проект, локальный государственный проект, кластерная политика, логистика инновационных проектов.

Сегодняшний взрывной интерес к инновационным социально-политическим мегапроектам обусловлен очевидным «идейным застоем», который возник в начале этого века как результат провала модели «устойчивого развития» и ознаменовался резким сокращением периодов относительной стабильности между мировыми кризисами. В поиске ответов на вызовы современности все более отчетливо осознается то, что развитие не бывает устойчивым, а процессы изменений в жизни общества становятся все более динамичными и сложными и, следовательно, все менее управляемыми. Рост неопределенности особенно сильно ударил по самым амбициозным концепциям – глобальным государственным проектам,

под которыми здесь понимается способность государства сформировать собственную уникальную цивилизационную миссию как ответ на вопрос о смысле своего существования. Наблюдаемый идейный кризис имеет множество проявлений, но наиболее важными из них являются кризис промышленной цивилизации и рост политической дезорганизации¹. Соответственно, ожидания, которые связываются с мегапроектами, прежде всего направлены на решение проблемы достигнутых пределов роста и на выдвижение инициатив по интеграции в международное сообщество. Однако до выхода из идейного кризиса еще далеко. Скорее можно говорить о начале периода «несбывшихся надежд», когда на первый план выходят не успешные примеры, а неудачные попытки инновационного развития.

Государственные проекты значимы тем, что и сегодня, и в ближайшем будущем государства по-прежнему будут крупнейшими владельцами обобщенных ресурсов. Конкурентоспособность современного государства определяется как возможность предложить свой проект развития, благодаря которому оно занимает особое место в мировой системе разделения труда. Такой государственный проект становится глобальным потому, что с его идеями начинают соотносить свою деятельность население и элиты других стран, воспринимающих государство-инициатора проекта как лидера развития. Привлекательность подобных проектов обусловлена их способностью к производству новых смыслов, производству перспективных ценностей и целей. Именно выдвижение таких проектов и позволило их инициаторам занять лидирующие позиции в современном мире: во-первых, это проект США по построению неолиберального общества, во-вторых, усилия Евросоюза по созданию мультикультурного общества, в-третьих, японский проект когнитивного общества. Здесь показательно то, что более половины мировых ресурсов² (природных, человеческих, финансовых и иных) используются для реализации лишь трех глобальных проектов.

Этот идейный дефицит объясняется не столько сложностью глобального проектирования, сколько отказом власти от выполнения сложной работы в пользу «простых решений» – это либо консервация общества до катастрофического взрыва (свежий пример последствий такой политики – революции в арабском мире), либо модернизация, проводимая в произвольно выбранных отраслях экономики при сохранении дотаций для отраслей-аутсайдеров, как это делается, например, в России. Бесперспективность же «простых решений» в том, что противостояние между проектами и остальным миром ведет к постоянному увеличению оттока ресурсов из стран, не предлагающих свои проекты. А конкуренция между самими гло-

бальными проектами ужесточает борьбу за перераспределение все более дефицитных ресурсов.

Очень точно охарактеризовать идейную основу глобальных государственных проектов позволяет обращение к практике форсайтов, являющихся популярным средством прогнозирования будущего. Это объясняется тем, что «результаты форсайтов, вне зависимости от рациональности, в которой эти форсайты выполнены, группируются в соответствии с господствующей онтологией социальной среды разработчиков»³. Проведенный С.Б. Переслегиным анализ форсайтов, выполненных в странах-носителях мировой проектности, дал следующие результаты.

Особенностью форсайтов, созданных по запросам правительства США, является «американоцентричный псевдореализм», характеризующийся следующими чертами: мессианство – США воспринимается как наиболее развитая держава, способная влиять на все процессы всего мира; технократичность – технологии являются определяющими для развития общества; экономическая модель мира – развитием можно рационально управлять, применяя рыночные инструменты; геополитичность как борьба за распределение сфер влияния. Установление неолиберального цивилизационного стандарта видится через распространение свободного рынка как экстенсивно – в международном масштабе, так и интенсивно – на все сферы жизни общества. При этом все системы отношений, препятствующие этой цели, подлежат нейтрализации, поскольку неолиберализм оценивается как единственно «прогрессивная», «гуманистическая» и «современная» идеология.

Форсайты Евросоюза в соответствии со своими онтологическими принципами выражают стремление к сохранению и развитию культурных различий через признание прав за коллективными субъектами (этническими и культурными группами), что противоположно концепции «плавильного котла» (реализуется США), где предполагается слияние всех культур в одну. Основные характеристики еврофорсайтов: экологичность – вопросы экологической безопасности и энергосбережения доминируют в решении любых проблем; наднациональность – интересы ЕС выше государственных, а евроструктуры являются «страховкой» для всех членов ЕС; идеализм – многие решения предполагают уверенность в обязательном исполнении международных договоренностей, а также в том, что представители разных культур будут жить «в мире и согласии».

Видение будущего Японии определяется акцентом на эффективном использовании преимуществ высоких технологий в создании новой социальной организации, основанной на ценности

знания и гуманистических приоритетах. Основные характеристики японских форсайтов: японоцентризм – Япония является технологическим и культурным лидером, ее интересы превыше всего; гипотеза о переходе – Япония первой пройдет «постиндустриальный барьер» и создаст общество нового типа; социэкономика – модель мира объединяет социальное и экономическое пространство, развивающееся через интеграцию высоких гуманитарных (хайхьюм) и технических (хайтек) технологий.

В последнее время эти глобальные проекты-ориентиры стали давать сбой. Американский проект расшатывается внутренним конфликтом элит. С одной стороны, ставка на массовое производство привела к глобальной культурной гомогенизации и монополярному диктату США (именно эти последствия и указываются оппонентами в качестве основной причины сопротивления неолиберализму). А с другой – желание компенсировать указанные негативные последствия «демассификацией» в производстве «бесконечного разнообразия» идей, ценностей и образов жизни стимулирует не только сопротивление неолиберализму как «единственно правильному» цивилизационному стандарту через увеличение сторонников традиционализма, но и дезорганизацию самих США через рост сепаратистских тенденций⁴.

Европейский проект руководителями Германии, Франции и Великобритании уже объявлен провалившимся из-за наплыва мигрантов, подавляющее большинство которых не хотят интегрироваться в систему отношений принявшего их общества⁵. Это провоцирует острые дискуссии о сохранении национально-религиозно-культурной идентичности и подъеме националистических настроений в качестве ответной реакции на то, что средства демократии могут быть использованы против демократических целей и ценностей общества, особенно в случае получения меньшинством исключительных прав, ущемляющих права большинства.

И наконец, японский проект, объявивший своим приоритетом технологическое развитие, поставлен под угрозу срыва именно техногенной катастрофой (продолжающаяся утечка радиации на АЭС «Фукусима-1»)⁶ – и дело здесь не в том, что теперь надо пересматривать ставку на атомную энергетику, без которой у Японии нет энергетического потенциала для развития, а в том, что произошла демотивация общества, ранее мобилизованного идеей цивилизационного прорыва.

В указанных условиях «идеологической паузы», которую взяли инициаторы глобальных проектов для корректировки своих концептуальных оснований в изменившихся условиях, все более заметную роль играют локальные государственные проекты. И если

глобальные проекты демонстрируют макростратегии конкурентоспособности, то локальные проекты – это мезостратегии власти, когда нет стремления к осуществлению какого-то качественного скачка в развитии, но прилагаются все усилия по формированию потенциала для дальнейшего роста. И если глобальных проектов только три, то локальных – уже десятки. К ним можно отнести все проекты, имеющие неоригинальный, подражательный характер (например, проекты Китая, Индии, Австралии, Индонезии, Бразилии и Израиля прямо указывают на использование японской или американской модели) – хотя они и выполняют роль локальных «центров силы», но уступают глобальным проектам в конкурентоспособности, так как не предлагают идей развития, а тиражируют «лучшие образцы».

Дело в том, что в идейном плане эти проекты пусты, так как в них лишь аккумулируется все то позитивное, что есть в лидирующих обществах: права человека (включая экономические), соединение свободы со справедливостью и благом, высокий уровень благосостояния, приемлемый социальный порядок и прочее⁷. Поэтому здесь фокусируются не на идеях, а на измеримых фактах – социальная политика, состояние экономики, размер инфляции, дефицит бюджета, распределение доходов и власти, ведущая роль образования, экология, миграция, бедность и др. По сути дела, в локальных проектах речь идет только о росте, направленном на решение внутренних индустриальных проблем, и совсем не говорится об общемировом уровне. Это позволяет сделать вывод о том, что такие страны определяют себя как площадки для постиндустриальной колонизации со стороны глобальных проектов, чтобы, в свою очередь, взять на себя роль индустриальных колонизаторов для слаборазвитых стран (пример – политика Китая в Африке). Иначе говоря, в локальных проектах осуществляется трансферт современных тенденций, создаваемых глобальными проектами, в регионы сознательно сдерживаемой модернизации, потому что рост, на который ориентированы локальные проекты, подразумевает свободное от производства-потребления пространство, откуда черпаются новые ресурсы – сырье, люди, рынки.

Еще одним способом работы с общемировыми тенденциями, создаваемыми глобальными проектами, является так называемая кластерная политика, под которой понимают «любые усилия государства по созданию и поддержке кластеров в определенной зоне»⁸. Географическая концентрация экономической деятельности выступает в качестве микростратегии глобальной конкурентоспособности – такой подход оценивается как минимальный по своим амбициям проект. Государство, которое избирает для себя эту стра-

тегию, осознает свою неспособность реализовать другие стратегии и ограничивает свою ответственность решением о том, каким отраслям «новой экономики» следует оказать особое внимание, а каким нет. Чтобы обосновать выбор в пользу тех или иных кластеров (которые, как это показывает практика, государственные чиновники отождествляют либо с отраслями промышленности, либо с «модными» технологиями), используются экономические аргументы, однако эти аргументы зачастую носят не столько научный, сколько политический характер и игнорируют особенности региона.

Причина в том, что чиновники в своем стремлении реализовать «стратегическую инициативу» не учитывают важнейшее обстоятельство – только качество нестандартных знаний, воплощенных в человеческом капитале, определяет успех или провал любой инновационной деятельности. Эти нестандартные знания (а поэтому неявные, неформализованные и не копируемые, но только приобретаемые при переходе их носителей – людей – на другую работу) просто не затрагиваются информацией о текущем состоянии и перспективах развития конкретного рынка. В этой связи очевидно, что решение о выборе того технологического направления, которое следует развивать, является произвольным и мотивируется аргументами, не связанными с понимаем потенциала соответствующего региона. Поэтому-то копирование опыта наиболее известных кластеров следует оценивать скорее как модный политический прием, позволяющий присоединиться к привлекательной идее «управляемого инновационного рывка».

Обобщая вышеизложенное, следует отметить, что состояние международного сообщества представляет собой сосуществование трех видов мегапроектов, сложным образом взаимодействующих друг с другом по принципу соконкуренции как синтеза кооперации и конкуренции. Представлена, во-первых, зона глобальных проектов, генерирующих общемировые тенденции, во-вторых, зона так называемого «продолженного индустриализма» (куда включаются все локальные проекты), адаптирующая постиндустриальные новации к региональным традициям, и, в-третьих, отдельные попытки «инновационного рывка» за счет создания высокотехнологичных кластеров в пространстве сознательно сдерживаемой модернизации (весь остальной неглобализированный мир). Это подразумевает исключительно сложную, многофакторную и многоструктурную систему динамических сред, для интеграции в которые требуется принципиально новая роль государства.

При этом возникает вопрос: если результаты обобщения опыта реализации государственных проектов развития показывают, что эти проекты либо находятся в кризисном состоянии, либо являются

их «клонами», то нужны ли вообще такие государственные проекты? Может быть, сама идея управляемого государством развития является нежизнеспособной: «Всякое возрастание государственной власти представляется непосредственным ущемлением свободы каждого, всякое увеличение государственных ресурсов – непосредственным сокращением доходов каждого. Эта явная угроза должна была вызвать единодушный заговор, и тогда прогресс Власти неминуемо был бы остановлен. Отчего же она, наоборот, продолжает свое победное шествие сквозь историю?»⁹. Ответ заключается в том, что власть может быть другой, не ориентированной исключительно на взимание ренты с общества, а направленной на создание механизмов интеграции.

Изучение наиболее успешных проектов развития демонстрирует интересную зависимость – чем меньше была роль государства в управлении проектом, тем более успешным был проект. Классическим уже примером стал составленный Г.-Я. Хосперсом перечень успешных европейских инновационных проектов¹⁰, которые возникли спонтанно «методом проб и ошибок» за счет сочетания местных традиций и современных общемировых тенденций, а государство брало на себя ответственность за их инфраструктурную поддержку и коммуникационное обеспечение на международном уровне только после того, как эти проекты прошли испытание рынком.

Такое ограничение участия государства объясняется прежде всего тем, что государство неспособно генерировать знания, необходимые для успешной организации инновационных проектов. И дело здесь не столько в компетенциях тех, кто принимает политические решения, сколько в недостатке специализированной информации, необходимой для разработки и принятия решений по переходу на инновационный путь развития. Так, в России в настоящее время при разработке стратегических инициатив используются устаревшие и упрощенные методики сбора и анализа информации, не позволяющие учитывать интеллектуальные, маркетинговые, правовые, политические, социальные, экологические, экономические, инновационные, производственные, рыночные, психологические, управленческие и другие аспекты организуемой деятельности, которые необходимы для обеспечения конкурентоспособности проектов. В результате многие вопросы в программах стратегического развития либо вовсе не исследуются, либо определяются поверхностно. Например, в разработанной стратегии социально-экономического развития России до 2020 г. отсутствуют программы обеспечения доступа к информационным, научным, человеческим, финансовым, производственным, логистическим и другим необходимым ресурсам: «Констатация задач и определение

параметров – необходимое, но недостаточное условие достижения поставленных целей... Иными словами, план политики развития должен отвечать не только на вопрос, что делать, но и на вопрос, как делать. К сожалению, на последний вопрос четкого ответа в стратегии не содержится»¹¹.

Еще один значимый вывод – инновационный путь развития страны или отдельного региона зависит от их «исторического опыта», т.е. тех особенностей, которые определяются накапливающейся десятками лет суммой явных и неявных знаний, заложивших фундамент для современных проектов. А это значит, что возникающая при подражательном характере «идейная пустота» локальных проектов является следствием того, что заимствовать «лучшие образцы» как хорошо формализованное знание оказывается для власти более простой задачей, чем исследовать «местные традиции» как преимущественно неформализованное знание и определять на этой основе потенциал собственной конкурентоспособности через поиск «новых сочетаний» имеющихся особенностей с общемировыми тенденциями развития. Тогда как для обеспечения глобальной конкурентоспособности нужно осуществлять «самомаркетинг» своих территорий и создавать карты открытого знания, чтобы повысить вероятность его использования. Ведь суть конкуренции не в том, чтобы создавать что-то похожее на чужие образцы, а создавать что-то отличное от них.

Таким образом, новая роль государства в процессе инновационного развития определяется тем, что государство не должно (потому что не может из-за недостаточной информированности) разрабатывать и принимать решения о выборе направления развития. Такой выбор осуществляется рынком через отбор частных инициатив, а государство берет на себя функцию сервиса по выявлению имеющегося потенциала знания как страны в целом, так и ее отдельных регионов для того, чтобы на этой основе определить возможности интеграции в наблюдаемые глобальные тенденции. Возможности интеграции должны обеспечиваться не только традиционным набором инструментов (бюджет и налоги, денежное предложение, регулирование цен и внешнеэкономической деятельности, антимонопольная политика), но и коммуникативными средствами для привлечения заинтересованных сторон в глобальном масштабе. В этой связи представляется актуальной потребность в создании международного коммуникационного механизма, поддерживающего поиск сочетаний локализованных знаний с глобализированными нововведениями. Дальнейшее развитие данного механизма должно привести к созданию нового феномена в жизни общества – логистики инновационных проектов как

возможности работать с одними и теми же смыслами, целями и ценностями, производимыми глобальными проектами, во многих регионах средствами разных традиций (нестандартного знания, приобретаемого только за счет опыта). Выход на указанный уровень интеграции позволит снизить риск попадания нового знания к таким агентам, которые не смогут полностью использовать его потенциал.

Примечания

- ¹ Под политической дезорганизацией здесь понимается центробежная тенденция, приводящая к появлению не столько новых центров эффективной власти (это скорее исключения из правила), сколько таких самопровозглашенных политических образований (19 непризнанных государств и десятки регионов, где ведется «освободительная борьба»), которые оказались не в состоянии самоорганизоваться и превратились в «неконтролируемые зоны» с единственным способом выживания – применение «криминально-террористических технологий». Термин «криминально-террористические технологии» введен в оборот в 1996 г. А.И. Неклессой после изучения процессов мировой дезинтеграции в контексте макроэкономических связей.
- ² Подробнее о сравнительном международном анализе см.: *Фатхутдинов Р.А.* Глобальная конкурентоспособность. М.: Стандарты и качество, 2009.
- ³ *Переслегин С.Б.* Новые карты будущего, или Анти-Рэнд. М.: АСТ Москва, СПб.: Terra fantastica, 2009. С. 35. Здесь же см. подробнее о практике исследования будущего.
- ⁴ Подробнее о «двух Америках» и реглобализации см.: *Тоффлер Э., Тоффлер Х.* Революционное богатство. М.: АСТ Москва, 2008. Ч. 10. С. 455–559.
- ⁵ См.: А. Меркель: Попытки построить мультикультурное общество в Германии полностью провалились // Информационное агентство «Росбизнесконсалтинг». URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/20101017070445.shtml>; Британский премьер осудил политику мультикультурализма // Электронное периодическое издание «Лента.Ру». URL: <http://www.lenta.ru/news/2011/02/05/multicult>; Саркози признал провал мультикультурализма // Электронное периодическое издание «Лента.Ру». URL: <http://lenta.ru/news/2011/02/11/fail>.
- ⁶ См.: Правительство Японии возмущено сокрытием данных об аварии на «Фукусиме-1» // Информационное агентство «Росбизнесконсалтинг». URL: <http://top.rbc.ru/society/30/05/2011/597513.shtml>
- ⁷ Подробнее о конструировании локальных проектов см.: *Федотова В.Г.* Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция, 2005. Разд. 7. С. 442–486.

Д.И. Аксеновский

- ⁸ *Хосперс Г-Я., Дероше П., Соте Ф.* Новая Кремниевая долина? Географические кластеры и политика государства // Информационно-аналитический сайт «InLiberty.ru». URL: <http://www.inliberty.ru/library/study/2828>
- ⁹ *Жувенель Б.* Власть: Естественная история ее возрастания. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2011. С. 219.
- ¹⁰ Подробнее см.: *Хосперс Г-Я., Дероше П., Соте Ф.* Указ соч.
- ¹¹ *Глазьев С.* Стратегия и концепция социально-экономического развития России до 2020 года: экономический анализ // Агентство политических новостей. URL: <http://www.apn.ru/publications/article19384.htm>

А.А. Калмыков

ЧЕТВЕРТАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИЛА

В статье говорится о появлении новой политической силы – интернет-сообществ, оказывающих на политические процессы возрастающее влияние. Представлена классификация политических акторов на основании различия открытых–закрытых и вертикальных–горизонтальных организованностей. Это открывает возможность учитывать коммуникативные факторы возможных социальных потрясений и трансформаций.

Ключевые слова: политические акторы, социальные сети, открытые–закрытые и вертикальные–горизонтальные политические структуры.

Политический ландшафт XXI века дополнился новой силой – горизонтальной открытой структурой, формирующейся в информационно-коммуникативном пространстве. Причем оказалось возможным не только ввести различия политических акторов по основаниям вертикальные–горизонтальные и открытые–закрытые, но и доказать, что они находятся в системном противоречии друг с другом. Последнее обстоятельство заставляет учитывать коммуникативные факторы возможных социальных потрясений и трансформаций. Иными словами, можно констатировать рождение открытой и горизонтальной четвертой политической силы, уходящей от традиционной культуры древа к постмодернистской культуре ризомы¹.

Недавно стало известно, что США намерены создать так называемый «теневого Интернет»² в помощь иностранным диссидентам. Иными словами, запланировано создание системы, которая будет обеспечивать возможность доступа в Сеть в тех странах, где власти контролируют и при желании отключают Интернет и сотовую связь.

Речь идет о мобильном устройстве, которое можно будет переправить через границу какого-либо государства и быстро настроить там беспроводную связь, способную, в частности, обеспечить попадание во Всемирную сеть, обеспечивая таким образом координацию действий оппозиций. По данным *The New York Times*, на эти разработки уже выделен государственный грант в два миллиона долларов.

Вероятно, эта идея связана с тем, что эффективность подобной координации оппозиции с помощью интернет-технологий блестяще была продемонстрирована вначале на Манежной площади в Москве, а затем, уже в полном масштабе, во время так называемой арабской весны в странах Северной Африки.

Подобный опыт у США имеется, в частности они создали телефонную сеть в Афганистане, которую не смогли бы отключать талибы, поскольку трансляторы были расположены на территории военных баз. Впрочем, в данном случае речь идет о другой технологической базе. И дело вовсе не в технологии.

Вероятно также, что именно в связи с «фэйсбукowymi революциями» Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев предложил ввести в международное право понятие «электронного суверенитета» государства. Это понятие предполагает легитимность не только территориальных границ, но и электронных. Как заявил Назарбаев 15 июня на саммите Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), «сетевой деструктив» можно поставить в один ряд с такими угрозами, как терроризм, сепаратизм, экстремизм и глобальный наркотрафик.

Более сдержанно выступил по этому поводу Президент России Дмитрий Медведев. Он сказал, что ШОС намерена представить на рассмотрение ООН проект правил поведения государств в области обеспечения международной информационной безопасности³.

Важно отметить, что инициатива США и инициатива ШОС совмещены по времени. Они появились после того, как интернет-коммуникации проявили себя в качестве значимого политического ресурса.

Политики стали относиться к Интернету всерьез, однако пока не до конца поняли, с чем столкнулись на самом деле.

Государственный департамент США увидел в Интернете еще одно средство распространения своей идеологии, которую по наивности, вслед за коммунистами, полагает единственно верной, и не понимает, что Интернет и демократия по-американски системно несовместны. Стало быть, строительство «теневого Интернета» – это «пиление сука, на котором сидишь».

Назарбаев и страны ШОС – прежде всего Китай, имеющие опыт когда-то весьма эффективной тоталитарной бюрократии, почувст-

вовав реальную угрозу привычной структуре власти, пытаются отгородиться от нее прежними методами. Такой подход обречен на провал, не только потому, что технологически это невозможно, но и потому, что уже во всех странах появилось поколение с иным форматом общения, не допускающее применения герметизирующих информацию мер.

Эти идеи непосредственно противоречат тому факту, что в список базовых прав человека⁴, регулируемый ООН, уже включены права на доступ во Всемирную сеть. В докладе ООН проводится мысль, что полноценное существование человека XXI века без использования веб-сервисов невозможно. Практическим следствием включения «права на Интернет» в список базовых прав будет ужесточение риторики международных организаций против интернет-цензуры. В самом докладе ООН, который цитирует издание *The Atlantic*, с осуждением отмечается, что ограничение сетевой активности возведено рядом стран в ранг государственной политики. Критике в этом отношении подвергаются не только авторитарные режимы, но и демократические Швеция и США. В частности, отмечается уголовное преследование основателя Wikileaks Джулиана Ассанжа.

Право на доступ в Интернет трактуется в докладе как возможность его полноценного использования, что подразумевает приравнивание ограничения на подключение к популярным ресурсам Всемирной паутины, таких как Twitter и Facebook, к нарушению базовых свобод, среди которых свобода совести и собраний.

Таковы в общих чертах современные тенденции выстраивания отношения политики, как национальной, так и международной, к интернет-пространству. К сказанному следует только добавить, что интернет-коммуникации активно используются политиками всех уровней для решения своих задач. При этом Интернет чаще всего рассматривается в качестве дополнительного средства реализации политических задач, в то время как ясно, что это уже не средство, а новая форма индивидуального, социального и политического бытия.

Речь идет прежде всего о необходимости оценки социогенности виртуальных коммуникативных структур и, как следствие, допустимости рассмотрения интернет-сообществ в качестве политических акторов, а также их отличия от политических структур оффлайна.

В этом отношении можно исходить из двух предположений.

Первое: все, что происходит в Сети, т.е. все возникающие в ней организованности, реализуют выдвинутый еще Э. Каппом принцип органопроекции. Сеть как вещь, сделанная руками человека, есть

проекция человеческих органов, точно так же, как и другие вещи: молоток, самолет, телевизор, бомба. Этот подход в интерпретации Маршалла Маклюэна, хотя он и не использует термин «органопроекция», приводит к пониманию медиа как продолжения человеческих органов чувств (модальностей). Прежде всего – зрения, слуха и осязания. Сеть, таким образом, можно рассматривать как медиарасширение тактильной и кинестетической модальностей. Они в комбинации с органопроекцией человеческого мозга составляют достаточно жуткое существо, способное думать и осязать окружающий мир. Однако в этом существе нет ничего внечеловеческого. Следовательно, все, что происходит в Сети, есть продолжение того, что происходит во вне ее. Онлайн-социальность здесь – переведенная на язык интернет-коммуникаций оффлайн-социальность. Даже новые виды социопатий, возвращенные в Сети, всего лишь сетевая форма знакомых посюсторонних от экрана социопатий. Например: многониковость – одна из форм расслоения личности – шизофрениии, лудомания – одна из форм наркомании, и так далее. Мы найдем в Сети проявления эпилепсии, истерии, аутизма, сексуальных перверсий, короче говоря, всего того, что наблюдалось психиатрами и психологами задолго до появления Интернета. Но тогда и политика как форма регуляции социальной связности в Интернете – все та же политика вне его, только вооруженная новыми инструментами и вынужденная реализовываться в ситуации ускоряющихся процессов.

Второе предположение основано на том, что принцип органопроекции на Сеть уже не распространяется. Возрастающая сложность информационно-коммуникативных структур привела к качественно новому скачку, при котором в Сети стали образовываться структуры уже не человеческой, а иной природы. В этом случае онлайн-социальность следует рассматривать как иной вид социальности, формирующей отношения и коммуникации иного рода. Причем не исключена возможность трансляции этих отношений из Сети в обыденность и повседневность. В пользу допущения такой возможности говорит, например, культурный феномен – флешмоб. Классический флешмоб – это собрание незнакомых друг с другом людей для занятия бессмысленной деятельностью в неуместном для этого месте. Иными словами, имеет место проявление трех качеств: некоммуникации, бессмысленности и неуместности. Теоретически такое не могло бы существовать в культуре в принципе, однако существует. Флешмоб вряд ли мог существовать без Интернета и мобильной связи, то есть без Сети. В современной сгущенно-коммуникативной реальности всякое действие есть слово, а слово есть действие (перформативное высказывание, по Д. Ости-

ну), следовательно, «некоммуникация, бессмысленность и неуместность» – тоже высказывание. Но кто спикер? Очевидно, что не люди, которых собрали по Сети, и даже не инициаторы, поскольку последние ничего этим сказать не хотели. Спикером, стало быть, является сама Сеть, которая говорит нам: «Я есть. Я здесь. Я могу модифицировать поведение людей».

Впрочем, это слишком смелый вывод. Однако он заставляет задуматься о том, как сетевое общение влияет и будет влиять на нормы и ценности повседневности. То, что даже политики поняли, что Сеть сегодня – существенный фактор в политической игре, говорит само за себя. С помощью Интернета Обама, например, разорвал американский семейный политический традиционализм, а Медведев стал активно наращивать политический вес, используя видеоблог и аккаунт в ЖЖ. Политика, таким образом, вошла в Сеть, или, точнее, Сеть вошла в политику.

Здесь не представляется возможным провести детальный анализ форм социальности, генерируемой сетевым общением и виртуальными сообществами. Кроме того, возникает вопрос: годятся ли современные методы социологии, социальной психологии и политологии для решения этой задачи или нужны новые методы? Так что, может быть, и не стоит спешить с разработкой типологий и вскрытием закономерностей. Важнее другое – осознать, что эта проблема действительно назрела, причем не только в теоретическом, но и во вполне практическом ключе. И конечно же, нужно ответить на вопрос: какова природа нетсоциальности, все еще человеческая или уже нет?

Высказанные допущения имеют прямое отношение к идеологиям будущего. В самом деле, следствием признания действия органопроекции на Сеть является признание антропоцентричности, а для христианской культуры – Христоцентричности – мироздания, о котором очень точно сказал русский философ В.Н. Лосский: «... земля – духовно – центральна, потому что человек, прорываясь сквозь бесчисленное видимое, чтобы связать его с невидимым, есть существо центральное, то существо, которое объединяет в себе чувственное и сверхчувственное, и потому с большей полнотой, чем ангелы, участвует во всем строе “земли” и “неба”. *В центре вселенной бьется сердце Человека* (курсив мой. – А. К.)»⁵. Напротив, отказ от этого принципа приводит к допущению возможности постчеловеческого мира, идее сингулярного перехода цивилизации в какое-то иное машинное состояние, к фактическому отказу от истории. Речь здесь идет о новой коперниканской революции, с той лишь разницей, что вместо Солнца в центр Вселенной выдвигается оцифрованная коммуникация.

Несмотря на то что лично мне безусловно ближе позиция антропоцентризма, не могу не отметить эвристическую продуктивность и противоположного взгляда, позволяющего с новых позиций проблематизировать коммуникацию. Прежде всего, становится возможным рассматривать коммуникацию в качестве самостоятельной вещи, способной существовать без своих коммуникантов, в некотором информационно-коммуникативном универсуме. Коммуникации придается онтологический статус, чем преодолевается разрыв между метафизической и эпистемической природой коммуникативного действия. Однако онтологичность коммуникации особого рода, поскольку, оторванная от своих коммуникантов, она, по сути, является чистой потенцией, или, по выражению О. Генисаретского – «возможностью», которая реализуется только актуально (здесь и сейчас). Иными словами, коммуникация оказывается определена лишь в виртуальной реальности⁶ и, следовательно, именно в виртуалистике необходимо искать ответы на вопросы о природе сетевой социогенности.

Виртуалистика, привнесшая в науку парадигмальную идею полионтологичности реальности, на самом деле возвращает человеку его законное центральное место, поскольку требует субъекта для сборки этих реальностей, и этим субъектом может быть только человек. Этим обесмысливается и дискурс о пост-человеческом мире. Но, к сожалению, лишь в теоретическом плане, поскольку на практике искус техноцентричных цивилизационных моделей остается достаточно сильным и вполне может становиться основой господствующих идеологических и политических доктрин.

Оставаясь с этими нерешенными вопросами, тем не менее уже сейчас можно сделать вывод о том, что в политике, как национальной, так и международной, интернет-фактор становится все более ощутимым. Можно говорить о выходе на политическую арену нового политического актора, качественно отличающегося от действующих ранее.

Действительно, если рассматривать политику в целом как регуляцию совместности различных социальных групп, то возникает необходимость различения субъектов этой регуляции, политических акторов. Причем под термином «регуляция» подразумевается не столько управление, сколько воздействие как в направлении структурирования совместности, так и в прямо противоположном – разрушении устоявшихся форм общественных отношений и коммуникаций. Это обстоятельство оправдывает рассмотрение политического действия с позиции коммуникативных наук. Речь идет о воздействии, результатом которого становятся изменения в

системе социальных коммуникаций. Ясно, что структура, свойственная политическому актору, будет стремиться разворачиваться во внешнюю социальную среду. Политическое действие, таким образом, – это не что иное, как трансляция системных свойств актора в социум, и насаждение в нем родственных себе моральных и нравственных норм, ценностей, эпистем.

Будем различать политических акторов, а точнее, их структурные свойства с помощью конструкторов: вертикальные–горизонтальные⁷ и открытые–закрытые.

Закрытые вертикальные политические акторы появились в момент формирования политической власти в патриархальном обществе. Классическим примером могут служить наследственные монархии, при которых социальный статус человека непосредственно зависел от близости к правящей элите.

Почти одновременно внутри системы власти возникли закрытые горизонтальные структуры, т.е. всякого рода тайные общества, цеховые союзы, масонские общества, рыцарские ордена, религиозные секты, магические школы. Этим организованным был свойствен эзотеризм, который, собственно, и позволял их адептам буквально пронизывать систему управления государствами и влиять на политику. Отличие закрытых вертикальных и горизонтальных политических организаций состояло в том, что в вертикальных структурах социальный статус был зависим от места в управляющей иерархии, а в горизонтальных – нет. Политическое действие в них осуществлялось в тени, за кулисами представления.

С развитием демократических институтов стали формироваться вертикальные открытые структуры, создающие управляющие иерархии со свойством обратной связи и допускающие множественность социальных лифтов.

Явлением XXI века можно считать актуализацию в качестве политической силы открытых горизонтальных структур, т.е. социальных сетей, сгенерированных современными коммуникативными технологиями.

Перечисленные выше политические акторы находятся в системном противоречии друг к другу, что и приводит к сменам систем управления, т.е. к революциям. Не умаляя экономических причин социальных потрясений, следует все-таки обратить внимание политологов на коммуникативные факторы, которые иногда в истории оказывались определяющими. Появление четвертой политической силы – открытой и горизонтальной, ризоморфной и синергийной – знак будущих глобальных цивилизационных трансформаций.

- ¹ О «Ризоме» см.: *Deleuze G., Guattari F. A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia*. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1987.
- ² См.: U.S. Underwrites Internet Detour Around Censors // *The New York Times*, 2011. 12.06.
- ³ См.: Всеобщая декларация прав человека. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml
- ⁴ См.: URL: <http://www.km.ru/v-mire/2011/06/07/oon/dostup-v-internet-pri-ravnyali-k-bazovym-pravam-cheloveka>
- ⁵ *Лосский В.Н.* Догматическое богословие. М., 1991, С. 234–235.
- ⁶ См.: *Носов Н.А.* Манифест виртуалистики. М.: Путь, 2001. (Тр. лаб. виртуалистики. Вып. 15.)
- ⁷ Из последних работ на русском языке, вскрывающих сущность вертикальных и горизонтальных связей в политических структурах, отметим: *Дюверже М.* Политические партии: Пер. с фр. М.: Академический Проект, 2000. (Серия Концепции.)

Н.А. Борисов

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ И ПРОБЛЕМЫ ЛЕГИТИМНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА НА ПРИМЕРЕ ИДЕОЛОГИИ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

В статье рассматриваются основные компоненты идеологии белорусского государства в контексте легитимности политической власти. Анализируются представления о национальной истории и истоках национальной государственности, исторических деятелях, национальной символике, о будущем страны. Подчеркивается, что концепция «идеологии белорусского государства» представляет собой сочетание советских и национальных белорусских идеологических компонентов, а ее внедрение направлено на формирование соответствующей «белорусско-советской» идентичности граждан. Идеологические основания легитимности политического режима Беларуси тесно переплетены с персональной легитимностью. Основным субъектом формирования и внедрения новой идеологии является президент республики. Преобладание персональной легитимности над идеологической и структурной ставит легитимность и стабильность политического режима в зависимость от личности президента, что создает серьезные угрозы для стабильности политического режима.

Ключевые слова: Беларусь, идеология, легитимность, национальная государственность, идентичность.

После обретения независимости в 1991 г. перед всеми постсоветскими государствами встала проблема формирования собственной государственности и национальной идентичности. Не все государства справились с этой задачей, подтверждением чему стали государственные перевороты, этнические конфликты, про-

Статья выполнена в рамках Гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых, грант МК–320.2011.6.

© Борисов Н.А., 2012

тиворечия между политической идентичностью и национализмом, дефицит легитимности политических режимов.

Республика Беларусь представляет в этом отношении уникальный случай, прежде всего потому, что она является единственным постсоветским государством, на официальном уровне закрепившим государственную идеологию, причем не в виде набора символов и абстрактных тезисов, а в виде законченной системы с внедрением ее в образовательный процесс в качестве обязательной дисциплины. Именно поэтому пример Беларуси наиболее интересен для анализа в контексте процессов политической социализации, оснований легитимности и стабильности политических режимов на постсоветском пространстве.

Данная статья посвящена анализу идеологии белорусского государства как одного из оснований легитимности политического режима, рассматриваемой, с точки зрения известного подхода Д. Истона, на трех уровнях: идеологическом, структурном и персональном¹.

Понятно, что идеология в том или ином виде присутствует в любом государстве и вырабатывается любым политическим режимом. Политическая идеология выступает прежде всего как способ формирования совместности в общественно-политической жизни, транслируя смыслы и ценности, направленные на создание новой политической идентичности. Она также призвана служить основанием легитимности власти, определять истоки государственности, создавать образы «славного прошлого» и «великого будущего»², что особенно характерно для молодых независимых государств, реализовывать познавательную, прагматическую и мобилизующую функции.

Среди факторов формирования новой белорусской государственности и идеологии можно назвать отсутствие в досоветский период национальной государственности; маргинализацию в годы Советской власти национального языка и культуры в ходе масштабной русификации; создание высокоразвитой индустриальной и крайне милитаризованной экономики и достижение связанного с ним высокого уровня образования и пропаганды; относительно высокий уровень жизни населения.

Задача создания идеологии белорусского государства была поставлена Президентом Беларуси А. Лукашенко. В своем докладе на семинаре руководящих работников республиканских и местных государственных органов в марте 2003 г. он заявил: «Общество не может существовать без целостного свода идей, ценностей и норм, объединяющих всех граждан. Государство без идеологии, как и человек без мысли, не может жить и развиваться, тем более про-

тивостоять внутренним и внешним угрозам и вызовам. Идеология для государства – то же самое, что иммунная система для живого организма... Если мы хотим видеть Беларусь сильной, процветающей державой, то должны прежде всего думать об идеологическом фундаменте белорусского общества»³.

Вскоре было образовано Главное идеологическое управление Администрации Президента Республики Беларусь на областном уровне и в Минске – управления идеологической работы облисполкомов и горисполкома, на городском и районном уровнях – отделы идеологической работы горисполкомов и райисполкомов. Установлено, что персональную ответственность за состояние идеологической работы в коллективах работников несут руководители государственных и иных организаций, а непосредственная организация этой работы в коллективах возлагается на одного из заместителей руководителя⁴. Это привело к введению на предприятиях и в учреждениях должностей заместителей руководителей по идеологии. А. Лукашенко также отметил, что во всех бывших советских республиках вакуум, образовавшийся после разрушения коммунистической идеологии, был сразу же заполнен национализмом. Национальная идентичность при этом выстраивалась прежде всего как антироссийская и антирусская. В этом же выступлении президент подчеркивает: «Устойчивость, точнее, «живучесть» идеологических систем определяется в первую очередь тем, что они создаются не под личности, а под народы, под общества. Для государства будет катастрофой, если его идеология станет меняться с каждыми выборами»⁵. Тем самым, с одной стороны, подчеркиваются рационализация идеологии, ее отделение от конкретной личности, с другой – преемственность политического курса страны независимо от смены президента.

Следствием этого выступления президента стало включение курса «Основы идеологии белорусского государства» в качестве обязательной дисциплины в программу обучения студентов вузов всех специальностей.

Определяя истоки белорусской государственности, «официальный» учебник подчеркивает, что в период Киевской Руси и Великого княжества Литовского закладывались лишь ее культурно-исторические предпосылки. Однако древнерусское государство, подчеркивает автор, «нельзя квалифицировать ни как собственно белорусское, ни как собственно украинское и ни как собственно русское государство: оно было общим государством для всех восточных славян»⁶. Здесь проявляется ключевое отличие от понимания природы Киевской Руси как колыбели украинской цивилизации, отстаиваемого М. Грушевским и рядом других современных укра-

инских историков. Полемизируя со сторонниками альтернативной истории Беларуси, полагающими, что историческим этнонимом белорусов было название «литвины» в Великом княжестве Литовском, с потерей которого нация утратила свое имя и историю, автор «официального» учебника полагает, что Великое княжество Литовское не было белорусским государством⁷.

Вхождение в состав Российской империи рассматривается официальной идеологией как положительное явление и называется не присоединением, а воссоединением белорусов с русским народом⁸. Напомним, что в современной украинской историографии термин «воссоединение» был заменен на «присоединение».

Официальной идеологией отвергается и оппозиционный тезис о якобы имевшей место русификации, проводимой Российской империей на белорусских землях: «Бессмысленно говорить о русификации народа, который по рождению своему, по своей социокультурной сути является славяно-русским народом»⁹. Такая политика, означающая лишь возвращение к собственной культуре, никогда не вызывала протестов со стороны белорусов, в отличие от кампаний по «белорусизации» 1920-х годов и 1991–1994 гг. – именно они приводили к росту общественного недовольства. Важно отметить, что вхождение Беларуси в состав России рассматривается автором как предпосылка для создания собственно белорусской государственности.

Первым реальным собственно белорусским государством официальная идеология называет Белорусскую ССР, а не Белорусскую Народную Республику (БНР), провозглашенную 9 марта 1918 г. группой депутатов Всебелорусского съезда 1917 г. в качестве независимого государства. Здесь также очевидна полемика с точкой зрения оппозиции, считающей именно БНР первым белорусским государством. Аргументируется это следующим образом: БНР не была признана ни одним государством, не была создана собственная армия, отсутствовала финансовая система, не были сформированы органы власти на местах¹⁰.

Напротив, в результате образования Белорусской ССР республика обрела территорию с четкими границами, органы власти в центре и на местах, систему законодательства и международно-правовое признание. В качестве последнего аргумента приводятся слова президента: «Мы признаём, что именно с образования в составе СССР Белорусской ССР начинается наша государственность»¹¹. Таким образом, делается однозначный вывод о том, что белорусская государственность началась именно с советской государственности. Подчеркивается и тот факт, что современной территорией Беларусь обязана советской власти, поскольку первоначально ее территорию

составляли только 6 уездов бывшей Минской губернии. В 1924–1926 гг. БССР были переданы 15 уездов Витебской, Гомельской и Смоленской губерний, в 1939 г. – Западной Белоруссии, в результате чего территория государства увеличилась в четыре раза (!)¹². Бесспорно, что в этом смысле современная Беларусь полностью «сконструирована» правящей элитой СССР.

1991 год, с точки зрения официальной идеологии, стал не началом, а лишь новым этапом в развитии государственности. Среди альтернативных подходов к новой государственности идеология выделяет совершенствование существующей государственности в рамках нового союзного образования; поиск идеала государственности в прошлом и стремление к воссозданию того, что было (национал-радикальная позиция); заимствование государственности одной из стран Запада как образца для белорусской государственности (либерал-радикальная позиция)¹³. Подчеркивается, что сторонники второй и третьей концепций выступают за слом нынешних государственных институтов Беларуси. Именно поэтому они являются не просто политической оппозицией действующей власти, но еще и антигосударственниками в отличие от А. Лукашенко. Примечательно, что сторонники «западного» подхода обвиняются также в стремлении к упразднению в Беларуси самого института президентства¹⁴. Иначе говоря, «западная модель», по мысли официальных идеологов, является моделью антипрезидентской.

Воссоздание «белорусского» государства приведет, по мысли автора учебника, к превращению национального государства в тоталитарное (!), поскольку наряду с белорусами в стране проживает значительное число представителей иных национальностей. Поэтому «белорусизация» расценивается как утопическая и крайне реакционная идеология¹⁵ (с. 164).

В официальную идеологию вписано обоснование необходимости Союзного государства России и Беларуси. Подчеркивается, что в условиях глобализации сохранить свою национальную идентичность могут только те народы, которые объединяются в союзы государств, имеющих общие цивилизационные основания¹⁶. Современная белорусская идея и есть идея союзного государства, утверждает В. Мельник, аргументируя этот тезис тем, что, во-первых, белорусы исторически всегда составляли союз с каким-либо государством, а во-вторых, белорусы и русские фактически являются единым народом. Здесь также заметна скрытая полемика с политическими оппонентами президента: их целью является вхождение в Европейский Союз за счет разрыва с Россией, а это утверждение считается признанием отказа белорусов от своей цивилизационной идентичности и по сути самоуничтожением нации. Таким образом, противники

союза с Россией также объявляются противниками белорусского государства и белорусской нации.

Итак, официальная версия об истоках белорусской государственности однозначна: первым собственно белорусским государственным образованием является Белорусская ССР, что явно противопоставляется оппозиционной точке зрения, согласно которой таким образованием была Белорусская Народная Республика¹⁷.

Официальная идеология относит Беларусь к славяно-русской (славяно-православной) цивилизационной общности и определяет традиционные идеалы и ценности белорусского народа: гуманизм, демократизм, свободолюбие, патриотизм, идеалы социального равенства и справедливости. Среди особенностей национального характера выделяют толерантность, трудолюбие, соборность (понимаемую как принцип гармонии общего и личного блага)¹⁸. Очевидно, что все эти особенности не являются специфически «белорусскими» и применимы к большинству других этносов (хотя каждую характеристику сопровождает развернутая аргументация со ссылками на национальных героев), однако определение «национального характера» призвано стать важной частью формируемой национальной идеологии.

В качестве национальных героев Беларуси официальная идеология называет просветителей Франциска Скорину и Симеона Полоцкого, поэтов Янку Купалу и Якуба Коласа. Важное место в национальном пантеоне занимают герои Великой Отечественной войны: партизаны-герои Марат Казей, Елена Мазаник, партизан, а затем партийный деятель, руководитель ЦК Компартии Белорусской ССР Петр Машеров. Культ войны в современной Беларуси также можно считать советским наследием: именно в Белорусской ССР военно-патриотическому воспитанию уделялось более важное место, чем в других союзных республиках. Подчеркивалось, что в годы войны Белоруссия, во-первых, понесла самые тяжелые потери, поскольку именно на ее территорию пришелся главный удар немецко-фашистских войск при наступлении на Москву; во-вторых, республика была крупнейшей базой партизан, внесших большой вклад в победу. К этому можно добавить, что в 1960–1980-е годы, в разгар холодной войны, Белоруссия стала главной ударной базой советских стратегических ядерных сил, и на ее западных границах неоднократно проводились крупные военные учения. В этом же контексте следует рассматривать появление президента А. Лукашенко с 2003 г. на военных парадах в форме Верховного Главнокомандующего, напоминающей маршальскую. Примечательно, что документа, учреждающего подобную форму и знаки различия, не существует, а высшим воинским званием в Беларуси является звание «генерал-полковник»¹⁹.

Среди великих белорусов по происхождению упоминаются также физик Лев Арцимович, космонавт Петр Климук, Нобелевский лауреат Жорес Алферов и даже (через предков – выходцев из белорусских земель) Николай Коперник и Иммануил Кант²⁰. «Нет такого уголка на земле, где бы ни трудились выходцы из Беларуси», – подчеркивает В. Мельник²¹. Тем самым утверждается, что белорусская земля дала множество выдающихся людей не столько самой Беларуси, сколько всей человеческой цивилизации. Таким образом, официальная идеология с легкостью преодолевает неявное противоречие: Беларусь довольно поздно обрела свою государственность, зато много уроженцев белорусских земель прославились на весь мир.

Любая идеология не только включает в себя представление о прошлом, но и формирует образ будущего. Стратегической целью развития Беларуси официальная идеология объявляет общество постиндустриального типа, что предполагает стратегию постмодернизации с ориентацией на превращение производства информации и знаний в основную сферу человеческой деятельности²². Условиями реализации такой стратегии названы национальная консолидация, национальная безопасность и соблюдение внешнеполитических интересов страны. Противниками национальной консолидации выступают «разные партии», предлагающие избирателям «диаметрально противоположные решения»²³. При этом прямо подчеркивается, что Беларусь сможет трансформироваться в общество постиндустриального типа только в стратегическом союзе с Россией. Таким образом, России отводится роль государства, которое за счет своих ресурсов приведет Беларусь к информационному обществу. Вместе с тем не рассматривается вопрос о разной структуре экономик и разных политических стратегиях России и Беларуси, не указываются и сроки реализации этой стратегии.

Важнейшим компонентом любой государственной идеологии является государственная символика страны, система государственных праздников и памятных дат. С приходом к власти А. Лукашенко она претерпела кардинальные изменения. 19 сентября 1991 г. Верховный Совет Беларуси принял решение о восстановлении в Беларуси герба и флага Великого княжества Литовского, использовавшихся также в качестве символов Белорусской Народной Республики. В 1995 г. по итогам референдума в Беларуси был установлен новый государственный флаг, представляющий собой флаг Белорусской ССР без серпа и молота, и государственный герб, созданный на основе герба БССР, из которого также были изъяты серп и молот и добавлены контуры границ Беларуси в лучах солнца²⁴. Текст гимна Беларуси, утвержденный в 2002 г., представляет

собой переработанный текст гимна Белорусской ССР при сохранении прежней мелодии²⁵. Прежняя символика стала использоваться оппозиционными движениями, прежде всего Белорусским народным фронтом. Таким образом, и в символике правящая элита подчеркивает, что первым белорусским государством была не БНР и не Великое княжество Литовское, а Белорусская ССР, правопреемницей которой и является современная Беларусь.

Государственные праздники и памятные даты в Беларуси, в отличие от других стран СНГ, устанавливаются не Трудовым кодексом, а Указом президента²⁶. В соответствии с Указом праздничными нерабочими днями объявлены Новый год (1 января); православное и католическое Рождество (7 января и 25 декабря), День женщин (8 марта), Радуница, Праздник труда (1 мая), День Победы (9 мая), День Независимости (3 июля), День Октябрьской революции (7 ноября). Таким образом, к традиционным советским добавлено несколько религиозных праздников и праздник Дня независимости республики. В праздновании Дня независимости, как и в символике, смещены смысловые акценты: прежде он отмечался 27 июля, в день принятия Декларации о суверенитете Белоруссии в 1991 г. Независимость, таким образом, понималась как независимость республики от СССР. С 1996 г. День независимости отмечается 3 июля, в день освобождения Минска от немецко-фашистских войск в 1944 г.²⁷ Тем самым президент вновь переносит основания своей легитимности с событий, связанных с обретением независимости Беларуси от СССР, на события времен Великой Отечественной войны, подчеркивая преемственность с Белорусской ССР.

В этом же контексте следует рассматривать переименования двух важнейших проспектов Минска: проспекта Франциска Скорины – в проспект Независимости, и проспекта Машерова – в проспект Победителей. Тем самым символически независимость увязывается исключительно с победой в Великой Отечественной войне²⁸.

Обратим внимание на то, что эти переименования были произведены Указом президента²⁹, хотя в соответствии с законом президент «присваивает названия (переименовывает) областям, районам, городам областного подчинения и их районам, а также районам города Минска», а переименование улиц относится к компетенции местных Советов депутатов³⁰. Примечательно, что право переименования областей, городов и районов в Беларуси также принадлежит не парламенту, как в большинстве государств СНГ, а исключительно президенту.

Из проведенного анализа видно, что официальная идеология белорусского государства построена на отрицании тех идеалов и

ценностей, которые транслировала правящая элита Беларуси в 1991–1994 гг., с целью окончательно вытеснить их в маргинальную оппозиционную среду.

Официальная идеология предельно четко формирует новую модель национальной государственности (или новый миф о государственности), полностью отрицающую прежнюю, и закрепляет официальный политический дискурс. Уникальность белорусской идеологии заключается в том, что Беларусь является единственным постсоветским государством, официально датирующим начало своей государственности учреждением государственности советской. По официальной версии, первым белорусским государством считается не БНР, а Белорусская ССР; вхождение в состав Российской империи оценивается как исключительно положительное явление; независимость берет начало не в 1991 г., а в 1944 г., государственная символика прочно связана с советским прошлым, стратегической целью развития страны объявлен переход к информационному обществу, но только в союзе с Россией. Тем самым реализуется прагматическая (оправдывающая) функция идеологии как инструмента легитимации правящей элиты. С другой стороны, идеологией неявно создается образ оппозиции: это те силы, которые ведут начало государственности Беларуси от БНР, негативно оценивают русификацию, выступают за возвращение символики БНР, стремятся к вхождению Беларуси в Европейский союз за счет разрыва с Россией и т. д. Здесь отчетливо проявляется мобилизующая функция идеологии, выражающаяся в побуждении граждан к определенным действиям, в частности голосованию на выборах и референдумах.

В целом идеология белорусского государства направлена на формирование причудливого сплава советской и национальной белорусской идентичностей с преобладанием первого компонента. Очевидно, что правящая элита во главе с президентом умело использовала ностальгию большинства граждан по советскому прошлому и их неприятие политического курса начала 1990-х годов, направленного на радикальный разрыв с этим прошлым на всех уровнях. Акцент на советских, а не национальных ценностях служит дополнительным инструментом борьбы правящей элиты с оппозицией, которая в официальной идеологии представляется не обычной политической оппозицией, могущей сменить правящую элиту, а оппозицией антигосударственной, нацеленной на разрушение всех государственных ценностей и в итоге на утрату самобытности и независимости Беларуси.

При внимательном анализе становится понятно, что идеологические основания легитимности политического режима Беларуси

Н.А. Борисов

тесно переплетены с персональной легитимностью. Субъектом формирования и внедрения новой идеологии является лично президент Лукашенко, он же устанавливает государственные праздники, переименовывает улицы и города, определяет акценты и направления распространения идеологии. Очень важно, что субъектом формирования идеологии не является (даже формально) политическая партия (необходимый элемент формирования легитимности на структурном уровне). Очевидно, что у президента, сохраняющего апартийный режим, нет планов по ее созданию, а оппозиционные партии вытеснены в маргинальную сферу. Все это содержит в себе серьезные потенциальные угрозы для стабильности политического режима: преобладание персональной легитимности над идеологической и структурной, даже в условиях формирования и трансляции официальной идеологии, ставит легитимность и стабильность политического режима в зависимость даже не от одного политического института, а от одной личности – личности первого Президента Беларуси А. Лукашенко, поскольку именно он является главным субъектом и фактором формирования идеологии белорусского государства. Проблема заключается и в том, в какой степени транслируемые государством ценности смогут повлиять на формирование новой белорусской идентичности, породить новую совместность белорусского общества на основе «воспоминаний о прошлом» и создать новую политическую нацию как основание для долгосрочной политической стабильности.

Примечания

- ¹ См.: *Easton D.* A systems analysis of political life. N.Y., 1967.
- ² О структуре национальных мифологий молодых государств и связанных с ней проблемах см.: *Levinger M., Lytle R.F.* Myth and mobilisation: the triadic structure of nationalist rhetoric // *Nations and nationalism*. 2001. Vol. 7. P. 104–119.
- ³ См.: Доклад Президента Республики Беларусь на семинаре руководящих работников по идеологической работе 27 марта 2003 г. // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. URL: <http://www.president.gov.by/press29213.html>
- ⁴ См.: Указ Президента Республики Беларусь «О совершенствовании кадрового обеспечения идеологической работы в Республике Беларусь» от 20 февраля 2004 г. № 111 // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь URL: <http://www.president.gov.by/press15325.html>
- ⁵ См.: Доклад Президента Республики Беларусь на семинаре руководящих работников по идеологической работе 27 марта 2003 г. // Официальный интернет-

- портал Президента Республики Беларусь. URL: <http://www.president.gov.by/press29213.html>
- ⁶ Мельник В.А. Основы идеологии белорусского государства: Учеб. пособие. Минск, 2010. С. 149.
- ⁷ Там же. С. 150.
- ⁸ Там же. С. 156.
- ⁹ Там же. С. 157.
- ¹⁰ Там же. С. 159.
- ¹¹ Там же. С. 162.
- ¹² См.: Нарысы гісторыі Беларусі: У 2 ч. Мінск, 1995. Ч. 2. С. 104–106.
- ¹³ См.: Мельник В.А. Указ. соч. С. 163.
- ¹⁴ Там же. С. 163.
- ¹⁵ Там же. С. 164.
- ¹⁶ Там же. С. 169.
- ¹⁷ См., например: Праграма Партыі БНФ: прынятая VIII-м Зьездам Грамадзкага аб'яднання БНФ «Адраджэньне», ухваленая VI-м Зьездам Партыі БНФ 1 сьнежня 2002 г. // Партыя абароны народных інтарэсаў – Партыя БНФ: офіцыйны сайт. URL: <http://narodny.org/bnf/partyja/prahramabnf/86.shtml>.
- ¹⁸ См.: Мельник В.А. Указ. соч. С. 187–210.
- ¹⁹ См.: Закон Республики Беларусь от 5 ноября 1992 г. № 1914-XII «О воинской обязанности и воинской службе» (в действующей редакции) // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <http://www.pravo.by/webnpa/text.asp?RN=V19201914>; Грузьдзіловіч А. Почему подполковник Лукашенко носит маршальскую форму? // Хартія'97 – Новости Беларуси. URL: <http://www.charter97.org/rus/news/2004/07/07/luka>
- ²⁰ См.: Мельник В.А. Указ. соч. С. 221.
- ²¹ Там же. С. 221.
- ²² Там же. С. 279.
- ²³ Там же. С. 291.
- ²⁴ См.: Закон Республики Беларусь от 5 июля 2004 г. № 301-З «О государственных символах Республики Беларусь» // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <http://www.pravo.by/webnpa/text.asp?RN=N10400301>
- ²⁵ См.: Указ Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь ад 2 ліпеня 2002 г. № 350 «Аб Дзяржаўным Гімне Рэспублікі Беларусь» // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. URL: <http://www.president.gov.by/press15629.html>
- ²⁶ См.: Указ Президента Республики Беларусь от 26 марта 1998 г. № 157 «О государственных праздниках, праздничных днях и памятных датах в Республике Беларусь» // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <http://www.pravo.by/webnpa/text.asp?RN=P39800157>
- ²⁷ См.: Декрет Президента Республики Беларусь от 11 декабря 1996 г. № 1 «Об установлении государственного праздника – Дня Независимости Республики

Н.А. Борисов

Беларусь» // Сборник действующих нормативно-правовых актов Президента Республики Беларусь: 1994–2000. Минск, 2001. С. 52.

²⁸ Заметим, что в Минске сохранен весь традиционный советский набор наименований улиц: проспекты Ленина, Дзержинского, Свердлова, улицы Клары Цеткин, Розы Люксембург, Карла Либкнехта, Фрунзе, Чапаева и др.

²⁹ С формулировкой «В ознаменование 60-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне». См.: Указ Президента Республики Беларусь от 7 мая 2005 г. № 216 «О переименовании некоторых проспектов и улиц в г. Минске» // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <http://www.pravo.by/webnpa/text.asp?RN=P30500216>

³⁰ См.: Закон Республики Беларусь от 5 мая 1998 г. № 154-З «Об административно-территориальном делении и порядке решения вопросов административно-территориального устройства Республики Беларусь» // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <http://www.pravo.by/webnpa/text.asp?RN=N19800154>

И.Б. Антонова

О ПОЛИТИЧЕСКИХ ПОНЯТИЯХ И ЦЕННОСТЯХ: СОВМЕСТНОЕ И НЕСОВМЕСТНОЕ В СОВРЕМЕННОМ ДИСКУРСЕ ВЛАСТИ

В статье анализируется природа современного политического дискурса, в том числе и те общегосударственные и общечеловеческие понятия, которые актуализируют его, формируя и/или изменяя общественное сознание. Частое несоответствие между истинными и навязанными властью значениями одного и того же понятия, равно как и изначальное несоответствие понимания общечеловеческих и общегосударственных понятий властью и обществом, провоцирует властные структуры к созданию многочисленных технологий манипулирования общественным сознанием, что приводит к отмиранию основополагающих институтов общественной жизни и, в первую очередь, института демократии.

Ключевые слова: политический дискурс, понятие общечеловеческих и государственных ценностей, «игра в понятия», «борьба за понятия», языковая политика

Хрестоматийным считается утверждение о том, что условием существования всякой власти является ее выражение в языке. Конечным результатом такого выражения выступает политический дискурс (далее – ПД). В задачи настоящей статьи входит: определение и краткий экскурс в историю зарождения и становления понятия «политический дискурс»; риторическая характеристика понятий общечеловеческих и государственных ценностей в ПД; анализ целого ряда несоответствий в понимании концептов национальных ценностей властью и обществом, а именно:

- традиционного несоответствия между истинными, исходными и навязанными властью значениями одного и того же понятия;

- частого несоответствия содержания и стиля ПД топосфере массовой аудитории;
- локального (характерного только для бывшего Советского Союза) несоответствия между высоким официальным стилем государственного языка и низким стилем бытовой разговорной речи;
- локального (характерного только для США) несоответствия политической риторики верховной власти США политическим действиям этой власти на фоне очевидного соответствия понятий национальных ценностей американскому массовому сознанию.

Итак, трактовка дискурса вообще и политического дискурса в частности выходит далеко за рамки лингвистического (дискурсом называется все, что «выше предложения») или лингвокоммуникативного (дискурс – разновидность речевой коммуникации) подходов, приближаясь к предельно широкому его пониманию как способа конструирования мира и/или сообразуясь с максимой Ж. Дерриды «Всё есть дискурс». Аналогично широкой выступать и трактовка текста: «Мир – текст. Он представляет собой осмысленное сообщение (создателем текста могут выступать Бог, естественные законы природы, абсолютная идея и т. п.). Культурное освоение мира человеком – изучение его языка, дешифровка этого текста, *перевод* его на доступный человеческий язык. В этой связи можно было бы указать на устойчивый образ природы как *книги*, а постижение ее загадок как *чтения* в текстах...»¹. Сравнения по типу «Природа – книга/текст», «Постижение природы – чтение текста», «Освоение мира – перевод текста» обобщают и упрощают наше представление о таких объектах, как «мир» и «природа», но никак не проясняют само понимание текста и/или дискурса. Более того, определения типа «Текст – это мир» или «Дискурс – это всё» носят умозрительный характер, поскольку предельность по типу «всё» и «ничто» лишена в контексте наших рассуждений какого-либо смысла. Тем более что в качестве примера, подтверждающего верность заявленных тезисов («Мир – текст», «Всё есть дискурс»), выступают не аргументы в защиту метафорического представления об освоении мира как о чтении Великой Книги, а вполне конкретный факт из истории языка (а не из истории мира вообще!) о раннесредневековом представлении, основанном на том, что «принятие христианства (приобщение к истине) связано с переводом священных книг на национальный язык»². Сам собой напрашивается вывод о том, что и трактовка дискурса отнюдь не претендует на научное определение, а лишь предлагает один из способов отношения к окружающему нас миру как к дискурсу.

Не менее широкой является и трактовка политического дискурса. С одной стороны, это дискурс, в основании которого лежит политический язык и который восходит к идеологии, а значит, вмещает в себя всё, что можно отнести к политике. С другой – обоснованием связи языка и идеологии выступает традиционное теперь уже рассмотрение последней как дискурса, «в основании которого лежит политический язык»³, т. е. идеология нередко приравнивается к ПД. Исходя из этого, непременным свойством ПД становится привнесение в него идеологической компоненты, которая предполагает наличие в нем «устойчивого набора высказываний на темы важнейших общественных категорий, норм, ценностей и теорий, используемого для публичного объяснения намерений и действий элиты того или иного общества»⁴. То, что актуализатором «общественных категорий, норм, ценностей и т. д.» становится политическая элита, делает дискурс официальным. Политическая элита всегда персонифицирована (президент, председатель правительства и т. д.), из чего следует, что эта часть языкового коллектива (в лице, например, президента) отличается от всех прочих носителей языка наличием властных полномочий, которые распространяются не только на социум, но и на язык: «Конкретная политическая идеология/концепция возникает и существует благодаря наличию субъективной персонифицированной точки зрения в руководстве страны, партии, государства. Персонификация в политике придает статус легитимации конкретной должностной персоне или группе должностных лиц»⁵, что превращает их официальный ПД в «мощный инструмент, регулирующий правовые, экономические, социальные направления тактического и стратегического развития»⁶. Давая оценку феномену языковой власти, Р. Барт определяет в качестве объекта, «в котором от начала времен гнездится власть», саму языковую деятельность «или точнее, ее обязательное выражение – язык»⁷.

Возникновение и становление официального ПД в России берет свое начало в XIX в., когда на политическую арену выходят идеологии консерватизма, либерализма, социализма и коммунизма. Язык политики того времени – это язык открытой конфронтации, в котором как никогда впоследствии сталкивались противоречивые интересы буржуазии и пролетариата.

К середине XX в. проводником господствующей идеологии становится мощная индустрия массмедиа, которая делает ПД более разговорным, а значит, более упрощенным и уплощенным для массового читателя/слушателя/зрителя (косвенным объяснением использования именно такого языка можно считать тот факт, что, как утверждает А. Богданов, «толпу можно выровнять только по низшим реакциям, поскольку высшие реакции у всех разные»⁸.

С политической арены позднего модерна уходит традиционное для модерна раннего деление на «буржуазию» и «пролетариат», а это значит, что и в политике, и в языке политики начинается процесс абстрагирования от идеологических противоречий, а по основным вопросам развития цивилизации устанавливается «виртуальный, но все-таки консенсус»⁹. Для актуализации последнего в речи ведущих политических лидеров все чаще используются отдельные понятия, связанные с общечеловеческими ценностями и обозначающие позитивные символы прогрессивной политики (солидарность, дружба, сотрудничество и т. д.). Перечисленные концепты многократно актуализируются в речи ведущими политиками страны – президентом или его окружением, – предлагая, а иногда и просто навязывая массовому сознанию определенную точку зрения или целый сценарий, позволяющий заданным образом интерпретировать, а иногда и реинтерпретировать политическую реальность. Актуализация такого дискурса требует от политика не только и не столько спорадического использования единичных смысловых концептов, даже и представленных в различных языковых рядах и положениях. Необходима твердая опора на тщательно отобранную политическую лексику, которая ориентируется на аудиторию, повод, место и топику ПД. Все это способствует массовой концептуализации окружающего мира в соответствии с выбранной политической стратегией: собранные в единый фрейм (термин Дж. Лакоффа), концепты прогрессивной политики (одновременно выражающие общечеловеческие ценности) воспринимаются массовым сознанием как некие традиционно позитивные и единогласно принятые единицы политического языка. Однако употребление этих же концептов, но в других контекстах приводит к несовместимости дискурса власти и плюралистических интересов массового сознания. Природу подобной *несовместимости* английские исследователи речевых практик Джойет и О’Доннел объясняют более чем банальной причиной: «Люди не склонны менять свои убеждения, а тем более – менять свое поведение даже под речевым воздействием политического лидера; поэтому, чтобы убедить их сделать это, оратору необходимо соотносить это изменение с чем-то, во что безоговорочно верит аудитория»¹⁰. Хрестоматийный пример *совместности* ПД и массового сознания (а точнее – с уже имеющимся в массовом сознании фреймом) – это словосочетание «освобождение от налогового бремени», анализ которого свидетельствует о его «уживчивости» с одними контекстами и сопротивлении другим, вплоть до рефрейминга, т. е. полного изменения видения политической реальности и ее реинтерпретации. Рефрейминг как процесс плохо совмещается с уже имеющимися в массовом сознании понятиями и ценностями. Действительно, отри-

цательная коннотация понятия «бремя» автоматически предполагает негативный смысл и самого понятия «налоги», а все сочетание «налоговое бремя» позитивно воспринимается только при условии неперемного освобождения от него. Помещенное в негативный контекст («необходимость платить налоги»), традиционно популярное понятие «налоги» отторгается массовым сознанием, и требуются время и дополнительные языковые усилия для создания и закрепления нового фрейма, т. е. требуется рефрейминг. Но если понятию «освобождение от налогов» возможно противопоставить прямо противоположный контекст («необходимость платить налоги») и создание (хотя и не без дополнительных языковых усилий) нового фрейма, то какому рефреймингу подлежат неоспоримые, с точки зрения нравственности, концепты прогрессивной политики и «вечные» государственные ценности? Да простит меня читатель за тавтологию, но неоспоримость любых, даже самых абсолютных ценностей, оспорима, ибо контекстуально субъективна, а значит, и неоднозначна их интерпретация разными адресантами и восприимчивыми реципиентами. Данные слова подтверждаются пророческим выводом, сделанным К. Поппером еще в конце прошлого столетия, но до сих пор вызывающим общественное беспокойство (по причине полного соответствия данного пророчества исторической реальности): «Среди всех политических идеалов желание сделать людей счастливыми является самым опасным. Такое желание сводится к непосредственным попыткам навязать другим людям свое понимание высших ценностей, чтобы создать такое представление о вещах, которое казалось бы им для понимания собственного счастья самым важным»¹¹. Обязательным свойством любой тоталитарной системы Поппер считает наличие в ней таких политических идеалов, которые в силу «существования единого, центрального и монополизированного субъекта всякой правды и власти» теряют иммунитет против критики (именно по этой причине современную риторику вообще и политическую в частности обвиняют в неисторичности, некритичности и нейтральности).

Власть не просто тщательно отбирает и провозглашает свои политические ценности, но и привязывает их к определенным политическим контекстам, закрепляя впоследствии в массовом сознании. Закрепление подобного рода почти всегда носит характер навязывания (создания фреймов, по Лакоффу, или риторических прецедентов, по Хазагерову) либо через принуждение (тоталитарное государство), либо через манипулирование (демократическое общество). И в том и в другом случаях мы нередко имеем дело с изначальным *несоответствием* понимания концептов национальных ценностей властью и обществом: «...существует индивидуальная и

общенациональные концептуальные системы, которые различаются в представлении индивида и коллектива»¹². Чувствуя несоответствия и нюансировки смыслов внутри большого количества понятий такого рода, специалисты речевых практик США предприняли ряд попыток по внедрению в массовое сознание тех концептов, которые бы способствовали формированию необходимых политических смыслов. Одной из таких попыток стала разработка списков слов, заменяющих те, которые, в силу их *несоответствия* массовому восприятию, использовать вообще не стоит. Так, вместо *приватизация* рекомендуется использовать слово «персонализация», вместо *глобальная экономика – экономика свободного рынка*, вместо *иностранный торговля – свободная торговля* и т. д. Такие замены были вызваны разными обстоятельствами: например, пользоваться словом «глобализация» не рекомендуется, поскольку оно ассоциируется у американцев с чем-то далеким, а слово «иностранный» (иностранный торговля) изначально несет в себе отрицательное к нему отношение и т. д.

Замены такого рода могут касаться и слов, находящихся в смысловой оппозиции друг к другу, образуя сентенции типа «Война – это мир», «Социализм – это свобода», «Свобода – это рабство», «Незнание – это сила» и т. д. Цель этих парадоксов – не столько укрепление своей собственной смысловой конструкции, сколько ниспровержение идеологического противника, а точнее – языка противника, ибо ниспровержение идеологического противника есть ниспровержение его языка и обеспечение себе «привилегий в интерпретации» действительности, которое (обеспечение) также достигается языковыми средствами: «Насильственное занятие цитаделей государственной власти не является более предпосылкой для революций. Сегодня революции осуществляются другим способом. Вместо зданий правительств захватывается понятийный аппарат, присваиваются *понятия*, которыми мы описываем наш государственный порядок, наши права и обязательства, наши институты власти»¹³. Н.А. Кащей использует здесь слова Биденкофа, чтобы проиллюстрировать «борьбу за понятия», предпринятую консерваторами против «левых языковых стратегий» в 70-е годы прошлого столетия. Со временем поле «борьбы за понятия» значительно расширилось, перекинулось и на другие политические силы, а запоминающаяся воинственная метафорика типа «оккупация понятий», «освобождение понятий от незаконных владельцев», «ликвидация языковых барьеров» и т. д. стала общеупотребительной для ПД любой политической группы или партии.

Вся метафорика, связанная с «борьбой за понятия», существует как отдельный фрейм, формулируя при этом ряд методов, необхо-

димых для ведения языковой политики государства (термин «языковая политика» был введен Ф. Кайнцем в 1965 г.). В тоталитарных системах языковая политика, как правило, сводится к запрету на свободу слова, а в демократических – к «политическому препирательству», т. е. к «идеологической борьбе за понятия». Господство в этой борьбе получает тот, кто «в состоянии находить ключевые понятия и эксплуатировать в них величайшие потрясения времени или страсти поколений»¹⁴. Именно такую языковую ситуацию переживала Россия в 1917 г., когда в ленинской риторике эксплуатировались ключевые понятия, по природе своей совместные с рабоче-крестьянским сознанием того времени и по этой причине предопределившие победу большевиков за власть. Каталог понятий, оформленных в виде большевистских лозунгов, невелик, и ключевыми, идеологически узаконившими будущий режим концептами стали прежде всего слова «свобода», «власть», «правда», «государство». «Эксплуатация» этих понятий была характерна для политической борьбы за власть во все времена, но именно в советской России навязанное властью содержание понятия изменяло его подлинное значение на прямо противоположное, что обнаруживало вопиющее *несоответствие* между истинным, исходным и навязанным политической властью значениями одного и того же понятия: «Власть бюрократии называется *властью народа*; от имени рабочего класса поработен рабочий класс; всеобъемлющее унижение человека декларируется как его окончательное *освобождение*; изоляция от информации выдается за доступ к информации; манипуляция властью называется *общественным контролем* власти, а произвол называется *соблюдением правопорядка*...»¹⁵ В качестве примера несоответствия (если не сказать противоречия) подобного рода выступает риторика многих ленинских статей и выступлений. Так, в работе В.И. Ленина «О государстве» автор... «противопоставляет понятие государства в обычном смысле слова государству пролетарскому, которое суть государство навыворот, государство для отмены государства. Другими словами, пролетарское государство должно было в конце концов ниспровергнуть власть, но в действительности революционные концепты политической символики стояли «на службе государственного строительства, а не ниспровержения власти»¹⁶. За счет такого «раздвоения» внутри одного и того же концепта последний терял признаки восприятия его как единого целого.

Ленинское понятие пролетарского государства, сталинское – ленинизма, хрущевское – культа личности, – все они (равно как и горбачевская «перестройка», и рейгановская «империя зла», и джонсоновская «война с бедностью») искусственно вбрасывались через СМИ, закреплялись в массовом сознании, актуализируя

новую, доселе не существующую реальность. На языковом уровне при создании нового концепта (состоящего, как правило, из двух имеющихся, например, «война с бедностью», «культ личности») или реинтерпретации имеющегося («кризис», «перестройка») его автор проделывает все то, что описал в своей книге «Партия, власть и риторика» Г.Г. Хазагеров: вначале выбранный в качестве концептуализируемого феномен получает имя, затем с ним связываются определенные словесные формулы и яркие образы, и наконец, создаются публичные тексты, которые надолго (если не навсегда) остаются в общественной памяти. Иногда новорожденный концепт должен быть немедленно соотнесен с некоторой политической ситуацией, которая, в случае успешной маркировки этим концептом, начинает восприниматься и интерпретироваться социумом как таковая. Иначе говоря, происходит *соотнесение* концептуализированной властью действительности с общественным сознанием. Именно таким был итог неоднократного маркирования ситуации как кризисной в эпоху правления Дж. Кеннеди или риторическое конструирование реальности, населенной врагами и шпионами, в эпоху Сталина. Навязывание массовому сознанию интерпретации политической реальности «глазами политического лидера» (вне зависимости от того, насколько точно эти интерпретации соответствуют исторической реальности) наводит на мысль о метафизической природе риторики власти в целом. Действительно, произнося речь, президент посредством своей риторики создает реальность, которая, по его мнению, требует с его стороны действий, а со стороны населения – поддержки этих действий (так было при Кеннеди, риторика которого вызвала к жизни новый пласт политического языка, называемого кризисной риторикой, под воздействием которой вся нация воспринимала окружающую жизнь как «жизнь в условиях кризиса»). Преобладание именно такого восприятия действительности целиком зависит от того, насколько искусно сконструирована, актуализирована и растиражирована концептуальная система власти и нет ли более искусно созданной концептуальной системы, рекламирующей контрдействительность. Отсутствие «более искусной...» вовсе не означает отсутствие оппозиции в этой борьбе. Более того, правящие и оппозиционные силы давно пришли к общему выводу о необходимости завоевания понятий, в которых только и может определяться и интерпретироваться демократическое общество.

На первый взгляд может показаться, что борьба вокруг понятий есть борьба за истинную политическую интерпретацию действительности. Но зададимся вопросом, несут ли политические понятия только истинные значения (Г. Майер называет такие понятия за-

конными¹⁷ или их внутренний интерпретационный ресурс изначально выражает «пропасть между языком и реальностью» (по Майеру, критические понятия)? Другими словами, насколько достоверны политические понятия в описании и регистрации социального опыта (и то и другое, к слову сказать, выступает как критерий истинности понятий)? И не теряют ли они эти свойства, выступая больше как понятия ожидания и/или обещания? История языковой практики свидетельствует о такого рода потерях, и тем не менее есть надежда, что понятия смогут успешно осуществлять интерпретацию социальной действительности при условии их погружения во внутриобщественные аргументационные процессы. Г.Г. Хазагеров называет эти процессы политическими топосами и/или общеизвестными темами, «с помощью которых легко развертывать аргументацию», и призывает власть к обсуждению с социумом этих, как правило, болезненных тем, что само по себе «гораздо более естественный путь, чем пытаться внедрить в его сознание новый концепт»¹⁸. Считая политические топосы барометром, с помощью которого можно «гибко реагировать на движение общественных настроений», Хазагеров высказывает мнение о *несоответствии* содержания и стиля ПД топосфере массовой аудитории: «Чем более однообразно поле СМИ (имеется в виду ПД, опосредованный массмедиа. – И. А.), тем менее важным материалом становится реальная топка, т. е. то, что находится вне этого поля, в зоне не услышанных дискуссий»¹⁹.

Как повлияли процессы создания новых и реинтерпретации старых концептов на языковое развитие той или иной страны? Очевидно, что процессы такого рода не затронули, да и не могли затронуть структуры языка и/или его системы. Речь может идти лишь «о трансформации самой проницаемой подсистемы языка – лексики»²⁰. Так, для советского официального ПД, «напичканного» понятиями о высших человеческих ценностях, характерно присутствие множества однотипных гиперболических эпитетов (небывалый, неслыханный, невиданный, недостижимый, незабываемый и т. д.), в то время как речь населения изобиловала лексикой с уменьшительными суффиксами (сберкнижка, текучка, кремлевка, столовка, продленка и т. д.). Отсюда – *несоответствие* пафоса официальной риторики власти низкому стилю бытовой речи советских людей.

Тесная связь между риторикой и политикой существовала всегда, но значимость появившейся в 60-е годы прошлого века новой риторики (неориторика) в ее взаимодействии с политикой трудно переоценить: именно она в отличие от догматических риторик прошлого обладает мощным потенциалом, раскрывающим механизмы современного социально-политического взаимодействия. Справедливости ради следует сказать, что первая волна популярности

неориторика совпала с упрощенным пониманием ее как «техники речи», «универсальной техники», «социальной технологии», которыми можно овладеть как инструментами для дальнейшего использования в своей профессии. Если под профессией подразумевалась руководящая должность, то безусловным и неизменным условием ее эффективной реализации становилось красноречие, владение словом («Слово является самым действенным средством в руководстве людьми» – именно такой или приблизительно такой была реклама риторических пособий этого периода). При этом само понятие «управление людьми» толковалось расширительно: от управления экономикой и армией до управления страной.

В таком, повторяем, упрощенном понимании риторики Ю. Хабермас увидел засилье «символической техники» вообще как веяние современности, заболевшей глобализацией: «Науки, изучающие деятельность, начинают выдвигать техники по управлению социальным действием, сродни естествознанию и его техникам освоения природы. Они становятся производительными силами технической научной цивилизации, которая развивается на чистом фундаменте нейтрализованной истории в глобальном масштабе». Следует расценивать как ошибочную попытку декларировать прямую зависимость социальной компетенции от компетенции риторической. Такой же ошибкой, продолжает Хабермас, следует считать обвинение в упадке политической стабильности и гармонии не социально-экономические условия и структуру их общественного существования, а риторическую дидактику и педагогику, которые не в состоянии «сделать будущего гражданина... искусным мастером применения своих демократических прав»²¹. От себя добавим, что не менее ошибочно объяснять общественные конфликты языковыми недоразумениями или оценивать политическую деятельность того или иного президента с точки зрения его умения пользоваться риторическими стратегиями, приписывая ему политические успехи исходя из преимуществ его риторики.

В подтверждение этой мысли достаточно привести примеры чисто риторического президентства Дж. Кеннеди и Р. Рейгана. Первый, считаясь одним из самых публичных президентов Америки, рассматривал ПД в качестве приоритетного средства президентской коммуникации, а значит, и президентского правления. Второй не просто сохранил риторическую традицию своего предшественника, но и дополнил ее политическим спектаклем и свойственной любому спектаклю театрализации. При этом и тот и другой благодаря своим риторическим умениям лишь создавали видимость успешного президентства, и это в буквальном смысле слова защищало их от политического скандала, а их администра-

цию – от обвинений в многочисленных политических ошибках. Перед нами налицо *несовместность* политической риторики верховной власти с политическими действиями этой власти. Наиболее ярко несовместность такого рода проявляется в броских запоминающихся фразах, которые лишь на первый взгляд выражают истинную позицию политических лидеров, их произносивших. Так, фраза Мартина Л. Кинга (ставшая хрестоматийной не только в США, но и за их пределами) «I Have a Dream» на самом деле не выступает в качестве ключевой и к логосу всей речи имеет более чем косвенное отношение. Главным требованием Кинга в этой речи была реализация обещания демократии, борьба за гражданские права в американском обществе. Сама же фраза служит не более чем эмоциональным компонентом, призванным романтизировать и идеализировать будущую демократию. Еще более противоречивой, с точки зрения интерпретации ее в ходе истории, является фраза, произнесенная Дж. Кеннеди во время инаугурации его в президенты: «Ask not what your country can do for you; ask what you can do for your country» («Не спрашивай, что твоя страна должна сделать для тебя, а скорее спроси, что ты можешь сделать для своей страны»). Прежде чем Кеннеди начал свое президентство с этой фразы, он пришел к выводу, что памятная риторика его предшественников Вудроу Вильсона и Франклина Рузвельта уже не имеет того воздействия, которое отличало ее на момент произнесения. Программа Вильсона «Новая свобода» обещала нации новую экономическую политику, а «Новый курс» Рузвельта – безопасность и помощь тем, кто в ней нуждался. Программа Кеннеди «Новая граница» (как и вся его инаугурационная речь) не была пакетом обещаний, скорее пакетом вызовов. Новый президент не предлагал народу ничего конкретного, а выражал намерение спросить с самих американцев. Но содержательная несовместимость этого памятного заявления с дальнейшими политическими шагами Кеннеди стала заметной чуть ли не с первых шагов его президентства, поскольку он сразу же заявил о себе как о ярком стороннике федерализма, проповедующем принципы государственной поддержки и финансовой помощи. Действия, предпринимаемые Кеннеди впоследствии, не соответствовали принципу “Ask not ...”, но это не помешало самой фразе остаться в анналах риторического президентства США, опровергнув тем самым утверждение спичрайтера Кеннеди Т. Соренсена о том, что «большая политика имеет потенциал стать великой речью, но речь по слабой и непоследовательной политике, независимо от словесного оформления, не выдержит испытания временем»²².

Риторизация института президентства не может не сказываться на стиле дискурса власти (и ПД в целом), лишая его того эстетического компонента, который необходим для создания сильного эмоционального воздействия на социум. Такая жертва (в виде потери стиля в ПД) вполне оправдана с точки зрения необходимости отвлекать (с помощью публичной риторики) внимание социума от фактических событий, инициируемых властью в политические будни. Именно цель отвлечения преследует публичная риторика, основанная на упрощенной символике и не говорящая *ничего*, что могло бы составить суть властных полномочий реальной политики государства. Для этого публичная риторика то и дело ссылается на понятия, выражающие «высшие ценности»: «Признание ценностей, которые, как правило, никто не ставит под сомнение, являются “любимым ребенком” политической риторики, так как они не указывают ни на какие фракции, ни на какие социальные группы, ни на какие интересы, ни на конкретных людей. ...Самое важное преимущество такой риторики заключается в ее беспорности и общих пожеланиях. ...Риторика, которая ссылается на эти ценности, не ставит вопрос об их практической *совместимости* или осуществимости, а только произносит слова “социальная рыночная экономика” или “экологическая безопасность” и т. д., не более того. Риторика о ценностях затемняет условия их реализации, так как детализация решений и преобразований позволила бы вновь расти разногласиям...»²³.

В продолжение этой мысли добавим, что большинство исследователей речевых практик видят за риторикой о ценностях «охоту за голосами», т. е. предвыборную риторику, которую невозможно ни принять, ни отклонить. Сдвиг в сторону предвыборной риторики автоматически означает отход от риторики правления внутри ПД и чреват, во-первых, опасностью превращения процесса правления в предвыборную кампанию (т.е. в инструмент, предназначенный для поддержания популярности президента, но не более) и, во-вторых, угрозой потери риторической поддержки непопулярных мер²⁴. И если для предвыборной риторики свойственны многочисленные ссылки на понятия о высших ценностях, то ПД, посвященный принятию важных политических решений (риторика правления), должен быть полностью освобожден от «игры в понятия», поскольку последние не являются риторическими предпосылками для принятия таких решений. Модальность «должен быть» не выражает реального положения вещей: тяготеющий к предвыборной риторике ПД вновь и вновь возвращается к одним и тем же бесспорным общим понятиям, так что их наличие может выступать критерием определения его как предвыборного дискур-

са, а отнюдь не дискурса власти, который призван беспокоиться о доказательстве благоразумия и своевременности предпринимаемых шагов: «публика в этом смысле идет по той же тропинке, что и политик: она требует правильности, полезности, разумности и справедливости в политических действиях; она жаждет их резонантности и надеется, что, может, наконец в политических дискуссиях найдет согласие»²⁵, и в этом нам видится общность соответствия политической рефлексии власти и общества. Несмотря на это, не стоит забывать об опасности, связанной с неизменным присутствием в современном ПД понятий общечеловеческих и государственных ценностей. Занимая доминантное положение в процессе формирования массового сознания, данные понятия автоматически превращают дискурс власти в предвыборный популистский дискурс, «убивающий» демократический характер большинства политических и общественных институтов.

Примечания

- ¹ Лотман Ю.М. Чему учатся люди. М.: Центр книги ВГБИЛ им. М.И. Рудомино, 2010. С. 61.
- ² Там же.
- ³ Кологривова И.В. Политический язык как идеологический компонент политического процесса в современной России: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Воронеж, 2009. С. 16.
- ⁴ Негров Е.О. Трансформация официального политического дискурса в современной России: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2008. С. 18.
- ⁵ Клюев Ю.В. Политический дискурс в массовой коммуникации. СПб., 2010. С. 31.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Цит. по: Наумов В.В. Государство и язык. М.: КомКнига, 2010. С. 11.
- ⁸ Цит. по: Почепцов Г.Г. Стратегические коммуникации в политике, бизнесе и государственном управлении. Киев: Альтерпрес, 2008. С. 56.
- ⁹ Кологривова И.В. Указ. соч. С. 14.
- ¹⁰ Цит. по: Charteris-Black J. Politicians and Rhetoric. Basingstoke; N. Y., 2005. P. 10.
- ¹¹ Цит. по: Кащей Н.А. Риторика и политика в современном обществе / НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2005. С. 33–34.
- ¹² Клюев Ю.В. Указ. соч. С. 42.
- ¹³ Цит. по: Кащей Н.А. Указ. соч. С. 67.
- ¹⁴ Кащей Н.А. Указ. соч. С. 69.
- ¹⁵ Цит. по: Кащей Н.А. Указ. соч. С. 70.
- ¹⁶ Хазагеров Г.Г. Политическая риторика. М.: Николо-Медиа, 2002. С. 194.
- ¹⁷ См. Кащей Н.А. Указ. соч. С. 73.

И.Б. Антонова

¹⁸ Хазагеров Г.Г. Почва для диалога: Политика речи и риторика новой власти. Русский журнал. 2008. № 2. Лето. С. 118.

¹⁹ Там же. С. 119–120.

²⁰ Наумов В.В. Указ. соч. С. 144.

²¹ Цит. по: Кащей Н.А. Указ. соч. С. 20.

²² Цит. по: Почетцов Г.Г. Указ. соч. С. 192–193.

²³ Кащей Н.А. Указ. соч. С. 96.

²⁴ См.: Хазагеров Г.Г. Партия, власть и риторика. М.: Европа, 2006. С. 16–17.

²⁵ Кащей Н.А. Указ. соч. С. 100.

О.Г. Гусейнов

ВОЗМОЖНОСТЬ СОВМЕСТНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВЛАСТИ И АРМИИ В ТУРЦИИ: ТЕОРЕТИКО-ИГРОВОЙ АНАЛИЗ

В статье совместность трактуется как некий набор точек потенциально-го равновесия, которые могут иметь как положительные, так и отрицательные координаты. Автор сравнивает интеракции Партии справедливости и развития и турецкой армии на двух разных отрезках повторяющейся игры, определяя, что влияет на характер совместности.

Ключевые слова: повторяющаяся игра, координационная игра, фокальная точка, триггерная стратегия, равновесие по Нэшу, плохое равновесие, соотношение сил.

Эффект обучения – как характеристика повторяющихся игр – делает интеракции в них полезными для рассмотрения совместности в динамике. При этом из-за неопределенности и относительности, присущей любому политическому взаимодействию, решение таких игр представляет собой не признание или отрицание согласия между акторами, а некий набор точек потенциального равновесия, которые могут иметь также и отрицательные координаты. В рамках данной статьи мы рассмотрим два противоположных, с точки зрения координат, эквилибриума в рамках одной игры. Возьмем два ситуационно разных отрезка и сравним интеракции Партии справедливости и развития (ПСР) и турецкой армии, чтобы показать, что игры, как с положительной суммой, так и с отрицательной, могут быть одинаково сбалансированы, пока стороны довольны своими выигрышами и не прибегают к манипуляции правилами игры. Для этого будет использован теоретико-игровой подход.

Мы будем иметь дело с особым типом интеракций – игрой на доверие. К данному типу относятся игры, в которых два или не-

сколько игроков должны договориться о совместных действиях для увеличения общего выигрыша. Такая ситуация была впервые рассмотрена Ж.-Ж. Руссо на примере охоты на оленя¹. Два охотника могут вместе загнать оленя, что даст им много еды, или в одиночку застрелить по кролику, что не насытит никого из них; охота на оленя выгоднее для общества, но требует значительного уровня доверия между охотниками. Ситуация стала прообразом и дала название целому классу игр на доверие, или координационных игр, которые рассматривают проблему достижения общественного согласия без специального урегулирования.

22 июня 2001 г. решением Конституционного суда была закрыта за использование религии в политических целях Партия добродетели (ПД)², которая являлась наследницей закрытой после пост-модернистского переворота 1997 г. Партии благоденствия (ПБ). 14 августа 2001 г. Реджеп Тайип Эрдоган формирует из ее остатков Партию справедливости и развития (ПСР). ПСР в отличие от своих предшественников выбирает другую стратегию. Эрдоган позиционирует свою партию не как исламистскую, а как прагматичную, верную основным идеологическим ценностям республики. Благодаря данной стратегии ПСР на парламентских выборах 2002 г. получает 34,3%³ и формирует правительство. Несмотря на это, ПСР балансирует на грани и все действия данной партии направлены на увеличение своей легитимности и недопущение своего закрытия. Для этих целей ПСР выстраивает оптимальную на тот момент трех-уровневую стратегию: использует демократический дискурс и дискурс о правах человека как защиту; мобилизует массовую поддержку для своей легитимации; формирует коалицию с секулярными игроками, которые признают ее легитимным политическим актором. Правительство ПСР делает основной упор в своей деятельности на проект интеграции Турции в Евросоюз, который рассматривается как модернизационный, что позволяет ему получить поддержку широких слоев населения. Данный проект становится тем стимулом, вокруг которого объединяются все акторы политической системы Турции. Также ПСР рассматривает присоединение Турции к Евросоюзу как возможность не только свести к минимуму участие армии в политических процессах, но и подчинить ее гражданской власти. Будучи рациональным политиком, Эрдоган избегает любых столкновений с армией, чтобы не подвергать свою партию риску, он исключает любое развитие событий, способное вызвать недовольство армии. Позиционирование проекта Евросоюз–Турция как модернизационного позволяет ПСР избегать вмешательства армии в деятельность своего правительства. Турецкая армия исторически считает себя хранителем секулярных и демократических ценностей

турецкого государства, авангардом вестернизации, последователем основных принципов Ататюрка и выразителем воли нации. Армия не противится данному проекту, она рассматривает его как реализацию основной цели Ататюрка – сделать Турцию членом клуба развитых стран. И тот факт, что 70% населения поддерживают данный проект⁴, не оставляет выбора армии, так как любой протест против интеграции Турции в Евросоюз может привести к резкому падению легитимности вооруженных сил.

В июле 2003 г. парламент Турции принял ряд законов, направленных на ограничение участия Совета национальной безопасности (СНБ) в формировании внутренней и внешней политики страны. Согласно данным законам в состав СНБ вошли все помощники главы правительства, решения данного органа стали носить рекомендательный характер⁵. Глава СНБ должен был назначаться премьер-министром из списка кандидатур, предложенных главой Генерального штаба⁶. Представители армии выразили недовольство данными изменениями. Но когда парламент отклонил предложенные ими поправки к законопроектам, представители армии не стали выходить за пределы новой институциональной структуры, исключавшей переворот как возможную процедуру. В 2003–2004 гг. деятельность ПСР в парламенте имела реформаторский характер. Было законодательно запрещено применение силовых методов при проведении допросов. Изменения, внесенные в законодательство о СМИ, разрешили вести вещание на других языках как на центральных телеканалах и радиостанциях, так и на локальном уровне⁷, а проект «Возвращение в деревню и реабилитация»⁸ позволил многим членам Рабочей партии Курдистана (РПК) вернуться домой. Так ПСР продемонстрировала, что является сторонником скорейшего решения курдского вопроса мирным путем, что являлось одним из пунктов копенгагенских требований⁹. После реформ, которые аннулировали исполнительную и надзорную функцию СНБ, сократили количество собраний данной организации с 12 в год до 6 (собрания стали проводиться не раз в месяц, а раз в 2 месяца), разрешили гражданским лицам занимать пост генерального секретаря СНБ и увеличили контроль правительства над военным бюджетом¹⁰, в октябре 2005 г. Еврокомиссия начала новую стадию переговоров по поводу интеграции Турции в европейское сообщество. Таким образом, ПСР лишает СНБ тех функций, от которых он отказался еще в 1997–1998 гг., и превращает его в орган, в рамках которого происходит обсуждение и выработка внутренней и внешней государственной политики – в своеобразную платформу для согласования позиций армейского руководства, бюрократии, оппозиции и правительства¹¹. Несмотря на столь значительные изменения,

армия продолжает оставаться единственной политической силой в стране, уровень доверия которой никогда не падал ниже 70%¹², что позволяет ей влиять на политические процессы в стране и сохранять за собой функцию хранителя основ турецкой государственности.

Таким образом, здесь мы имеем дело с фокальной точкой. Это такой исход игры (или ее части), при котором всем игрокам присуще одинаковое понимание того, что среди всех возможных равновесий в игре одно является лучшим выбором¹³. В фокальной точке происходит конвергенция ожиданий игроков. На данном этапе игры были возможны несколько эквилибриумов: ПСР могла сконцентрироваться на принятии законов исламистского характера или же выйти за пределы стереотипного для исламистских (в той или иной степени) партий поведения. Однако фокальной точкой стало то равновесие по Нэшу¹⁴, на котором сошлись ожидания всех игроков, – принятие законопроектов, способствующих ускорению вступления Турции в Евросоюз. Данный эквилибриум дал всем игрокам возможность рассчитывать на больший выигрыш, чем другие стратегии, игра же была с положительной суммой.

Позже, 13 мая 2004 г., партия Эрдогана предприняла несколько попыток провести через парламент законы и поправки к существующим актам, которые могли быть расценены как носящие исламистский характер¹⁵, но все они были заблокированы спустя 2 недели президентом Ахметом Сезером, который воспользовался своим правом вето. Премьер-министр и его сподвижники боялись потерять поддержку своего основного электората, требующего изменений, которые могли быть восприняты как направленные против секулярного характера турецкой государственности. ПСР приняла закон, по которому полномочия президента сокращались до назначения послов. Традиционно президент обладал правом утверждения кандидатур министров, назначения послов и губернаторов. Возможность наложения президентом вето на принятие любых законов создавала эффект равновесия. Система была работоспособной, так как законы, на которые дважды накладывалось вето, выносились на референдум. Сезер в очередной раз воспользовался своим правом вето. Именно после этого события ПСР решила манипулировать институциональной структурой, т. е. выставила своего кандидата на пост президента. Таким образом, правящая партия показала, что выгода от игнорирования институциональной структуры больше, чем издержки от соблюдения правил игры. Республиканская народная партия (РНП) бойкотировала выборы, что привело к объявлению их недействительными Конституционным судом. Парламент был распущен, а на 22 июля 2007 г. были назначены внеочередные выборы. После данных событий изменился ха-

рактической политической игры, она стала игрой с нулевым результатом. На выборах 22 июля при 85-процентной явке ПСР получает около половины голосов избирателей¹⁶. Второй человек в ПСР становится президентом. Таким образом, ПСР концентрирует в своих руках всю власть, претендуя на роль единственного актора, определяющего правила игры, и меняет саму суть политической игры – она перестает быть системой децентрализованного стратегического действия¹⁷. Завершается начатый в 1997 г. этап трансформации политической системы Турции, начинается новый этап, для которого будут характерны жесткое противостояние правительства ПСР и армии и постоянная угроза военного переворота.

Как проявление данного противостояния для нас представляет интерес проект изменений в Конституции Турции, предполагающий 29 поправок¹⁸. После голосования в мае 2010 г. он был вынесен ПСР на референдум, что указывало на то, что партия Эрдогана, закрепив за собой роль «осевого» актора, решительна в стремлении изменить правила игры для увеличения своей ресурсной базы и для нивелирования возможности участия армии в политике.

За изменения проголосовали 58%¹⁹ избирателей, принявших участие в референдуме. Необходимо отметить, что доля принявших участие в голосовании составила 77%. Изменения в Основной закон в виде пакета поправок из 24 статей и 3 временных положений были впервые официально представлены ПСР 22 марта 2010 г. для обсуждения в Великое национальное собрание Турции (ВНСТ). Голосование в парламенте проходило постатейно, в очень острых дебатах, которые зачастую продолжались всю ночь. Для утверждения каждой конституционной поправки требовалось одобрение 330 голосов депутатов (две трети от их общего числа). В итоге законопроект в целом, за исключением поправки, усложняющей юридическую процедуру закрытия политических партий, 7 мая 2010 г. был принят парламентом и в соответствии с действующей Конституцией одобрен и вынесен президентом Турции А. Гюлем на референдум.

Следует отметить, что поправки в действующую Конституцию 1982 г. вносились и ранее (16 раз). В результате изменения затронули почти треть ее статей. Однако предыдущие поправки не носили принципиальный характер и не затрагивали прописанные в ней широкие права армии и судейского корпуса, которые со дня образования республики являются важнейшими атрибутами турецкой светской государственности. Отличительной особенностью нынешнего пакета поправок, предложенных ПСР, являлась их нацеленность на коренное изменение баланса сил в политической игре в пользу контролируемых партией исполнительной и законо-

дательной властей. Это значительно сузило прерогативы судебной системы страны, прежде всего в вопросах закрытия политических партий, усилило гражданский контроль над армией, а также расширило ряд политических и социально-экономических прав и свобод граждан республики.

Наиболее важные для ПСР и ее правительства поправки касались изменений принципов формирования судебных органов высшей инстанции. Прежде всего речь шла о расширении состава Конституционного суда с 11 до 17 членов, а также Высшего совета судей и прокуроров – с 7 до 22 членов. Примечательно, что расширение состава этих ключевых ведомств прошло за счет сокращения кандидатов из числа рядовых судей и адвокатов, не связанных корпоративными узами с приверженцами лаицизма и элитой судебного корпуса страны, негативно настроенных против ПСР и ее реформ. Важным нюансом является тот факт, что впервые в современной истории Турции трех кандидатов в Конституционный суд назначил парламент. Данную прерогативу получила правящая партия, имеющая большинство в высшем законодательном органе страны. Остальных членов Конституционного суда утвердил президент – выходец из ПСР. Данная поправка поставила судебную систему под контроль правящей партии. А этот факт означает, что ПСР ликвидировала угрозу со стороны судебной системы, которая могла бы препятствовать реализации партией своих институциональных предпочтений после того, как армия добровольно отказалась от функции, заключавшейся в контроле над соблюдением правил игры и реализации триггерных стратегий в случае попытки игроками изменить их в свою пользу.

Еще одна жизненно важная для ПСР поправка касалась усложнения процедуры закрытия политических партий. Напомним, что сегодня в соответствии с Конституцией 1982 г. и Законом о политических партиях право на вынесение соответствующего вердикта предоставлено Генеральному прокурору Высшего кассационного суда. Правящая ПСР была заинтересована в передаче этого права парламенту страны, где она имеет квалифицированное большинство. Однако эта поправка не смогла набрать при обсуждении в ВНСТ необходимые для ее вынесения на референдум 330 голосов депутатов, что нанесло ощутимый удар по уже сформировавшемуся имиджу монолитности рядов ПСР и железной дисциплине, поддерживаемой прежде всего ее лидером главой правительства Р. Эрдоганом. Голосование по этой поправке продемонстрировало, что в рядах партии есть депутаты, выражающие позицию, не совпадающую с ранее согласованной партийной линией (фракция ПСР насчитывает 335 депутатов).

Кроме этого, не оправдался прогноз экспертов правящей партии на поддержку в этом вопросе других парламентских партий, которые подвергались запрету после военного переворота 1980 г. В частности, против поправки об усложнении процедуры закрытия политических партий неожиданно для многих проголосовала Партия националистического движения, которая сама серьезно пострадала в результате закрытия после военного переворота 1980 г. Не менее значимые поправки касались ограничения влияния армии, развития внутривластной ситуации и определения внешнеполитических прерогатив правительства Турции. ПСР аргументировала стремление к уменьшению традиционно важной роли турецкой армии в обществе демократическими реформами, проведение которых обусловлены процессом вступления Турции в Европейский союз. Пакет поправок в Конституцию 1982 г., в частности, впервые в истории республики предусматривал установление в отношении военнослужащих юрисдикции гражданских судов при совершении ими преступлений против безопасности государства и конституционного строя. Данная мера, направленная на ослабление автономии армии, также является мерой против возможных военных переворотов и мерой «профилактики» лояльности среди офицерства посредством привлечения к судебной ответственности высших офицерских чинов, несогласных с политикой ПСР. Поправки отменили также временную ст. 15 Конституции, гарантирующую юридическую защиту и неприкосновенность организаторов военного переворота 1980 г., ввели положение (также впервые в истории республики) о подсудности высших военачальников, включая начальника генерального штаба, Верховному суду, роль которого по закону принадлежит Конституционному суду.

Наряду с этим значительная часть поправок касалась расширения демократических прав и свобод турецких граждан, общественных организаций страны. Речь шла о введении в структуру организаций гражданского общества института омбудсмена, предоставлении гражданам, т.е. не только организациям, но и физическим лицам, права подачи в Конституционный суд жалоб, возможности заключать госслужащими трудовые договоры и проводить забастовки, в том числе с политическими требованиями. Именно этот блок популистских поправок существенно нивелировал важную для ПСР антиармейскую направленность, а также «разбавил» радикальную реформу высших судебных органов, что сыграло значительную роль в одобрении на референдуме конституционного пакета в целом сторонниками и других партий. В пользу второстепенности поправок относительно демократических прав и граждан-

данских свобод говорит объявление прокурдской Партией мира и демократии бойкота референдуму. Причина – отказ ПСР включить в пакет поправок статью, расширяющую права нацменьшинств. На наличие проблем в Турции с гражданскими правами указывает и арест в феврале генерального директора новостного портала OdaTV Сонера Ялчына, шеф-редактора Барыша Пехливана, начальника отдела информации Барыша Теркоглу и редактора Айхана Бозкурта²⁰. Причиной ареста стало размещение на сайте видеоролика, подтверждающего, что полицейских, задействованных в операции «Эргенекон», обучают американцы, а «находка» боеприпасов в долине Зир была заранее сфабрикована полицией. Данный материал был размещен ночью, а следующим утром уже вышеупомянутые журналисты были взяты под стражу.

Результаты референдума можно оценивать как значимый успех ПСР и ее правительства. Этому во многом способствовали личный авторитет лидера партии и главы правительства Р. Эрдогана, умелое использование его сторонниками административного и финансового ресурса на местах и проправительственных СМИ. Тем не менее то, что 42%²¹ голосовавших высказались против предложенных ПСР поправок, свидетельствовало о существенном росте в стране протестного голосования не только по вопросу поправок, но и против ряда аспектов внутренней и внешней политики ПСР. Этому во многом способствовал новый лидер Народно-республиканской партии К. Кылычдароглу, который провел, по сравнению с другими оппозиционными партиями, прежде всего Партией национального действия, наиболее результативную пропагандистскую кампанию, превратив ее, по сути, в предвыборную.

Что касается последнего рассмотренного нами периода игры, то здесь мы имеем дело с плохим равновесием²². Плохое равновесие является полной противоположностью равновесия по Нэшу. Это стратегия, которую применяют все участники игры, но которая оказывается невыгодна ни для кого. В нашем случае – это попытки ПСР вывести армию за пределы политического и терпение-выжидание офицерства до последнего перед применением триггерной стратегии.

Таким образом, рассмотрев два коротких отрезка повторяющейся политической игры с разными типами равновесия, мы можем сделать вывод о том, что совместность – это состояние динамическое, ситуационное. Институциональные предпочтения, как и нормативная приверженность акторов, когда соотношение сил неизвестно и равновесно, лишь косвенным образом влияют на характер игры. Характер же равновесия определяет умение

игроков угадывать/предвидеть возможные действия соперников при недостатке информации и выстраивать оптимальные стратегии. От успешности данных стратегий и зависит возможность совместного существования акторов, в нашем случае – ПСР и армии.

Примечания

- ¹ См.: Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми // Тракаты / Пер. с фр. А. Хаютина. М.: Наука, 1969. С. 75.
- ² См.: Sabah. 2001. 23.06.
- ³ Данные приведены по: 2002 Milletvekili Genel Seçimi [Электрон. ресурс]. Электрон. данные. М., сор. 2009. Режим доступа: http://www.belgenet.net/ayrinti.php?yil_id=14, свободный.
- ⁴ См.: Евробарометр стран-кандидатов [Электрон. ресурс]. Электрон. данные. М., сор. 2009. Режим доступа: http://www.ec.europa.eu/public_opinion/cceb_en.htm, свободный.
- ⁵ См.: Milli Güvenlik Kurulu ve Milli Güvenlik Kurulu Genel Sekreterliği kanununda değişiklik yapılmasına dair kanun [Электрон. ресурс]. Электрон. дан. М., сор. 2009. Режим доступа: <http://www.belgenet.com/yasa/k4789.html>, свободный.
- ⁶ См.: Tasarı, 59. Hükümet tarafından hazırlanan ikinci “Uyum Paketi” [Электрон. ресурс]. Электрон. данные. М., сор. 2009. Режим доступа: http://www.belgenet.com/yasa/ab_uyum7-1.html, свободный.
- ⁷ См.: 1985–2005 Yılları Arasında Yayınlanan Kanunları Kanun Numarasına Göre Gösteren Liste [Электрон. ресурс]. Электрон. данные. М., сор. 2009. Режим доступа: <http://www.anayasa.gen.tr/kanun-liste-tam.htm>, свободный.
- ⁸ См.: Köye dönüş ve rehabilitasyon projesi (KDRP) [Электрон. ресурс]. Электрон. данные. М., сор. 2011. Режим доступа: http://www.illeridaresi.gov.tr/default_V0.aspx?id=174, свободный.
- ⁹ См.: Кудряшова Ю.С. Копенгагенские критерии ЕС и Турция // Востокведный сборник. Выпуск 6. М., ИИИиБВ, 2004. С. 118–120.
- ¹⁰ См.: 1985–2005 Yılları Arasında Yayınlanan Kanunları Kanun Numarasına Göre Gösteren Liste [Электрон. ресурс]. Электрон. данные. М., сор. 2011. Режим доступа: <http://www.anayasa.gen.tr/kanun-liste-tam.htm>, свободный.
- ¹¹ См.: Задонский С.М. Военно-доктринальные взгляды военного и государственного руководства Турции // Институт Ближнего Востока [Электрон. ресурс]. Электрон. данные. М., сор. 2009. Режим доступа: <http://iimes.ru/rus/stat/2008/24-09-08a.htm>, свободный.
- ¹² См.: Türkiye’yi Anlama Kılavuzu [Электрон. ресурс]. Электрон. данные. М., сор. 2011. Режим доступа: http://www.belgenet.net/ayrinti.php?yil_id=14; <http://www.adanafikirplatformu.org/video/1f798f1a95451375bb1a78746f0495a0.pdf>, свободный.

О.Г. Гусейнов

- ¹³ См.: Шеллинг Т. Стратегия конфликта. М., 2007. 366 с.
- ¹⁴ См.: Gates S., Humes B. Games, Information and Politics: Applying Game Theoretic Models to Political Science. Michigan, 1997.
- ¹⁵ Проекты реформ в сфере образования, которые, по мнению лаицистов, поощряли рост числа религиозных школ и облегчали их выпускникам поступление в университеты.
- ¹⁶ См.: 2007 Milletvekili Genel Seçimi [Электрон. ресурс]. Электрон. данные. М., сор. 2009. Режим доступа: http://www.belgenet.net/ayrinti.php?yil_id=15, свободный.
- ¹⁷ См.: Пиеворский А. Демократия и рынок: политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М.: РОССПЭН, 1999. С. 40.
- ¹⁸ См.: Türkiye Cumhuriyeti Anayasasının bazı maddelerinde değişiklik yapılması hakkında taslak metin [Электрон. ресурс]. Электрон. данные. М., сор. 2011. Режим доступа: <http://cdn.dogantv.com.tr/dokumanlar/cnnturk/anayasapaketi.pdf>, свободный; Türkiye Cumhuriyeti Anayasasının bazı maddelerinde değişiklik yapılması hakkında kanun teklifi karşılaştırma tablosu [Электрон. ресурс]. Электрон. данные. М., сор. 2011. Режим доступа: <http://cdn.dogantv.com.tr/dokumanlar/cnnturk/karsilastirmalitablo.pdf>, свободный.
- ¹⁹ См.: Türkiye Anayasa değişikliğine “evet” dedi [Электрон. ресурс]. Электрон. данные. М., сор. 2011. Режим доступа: <http://www.hurriyet.com.tr/gundem/15761823.asp>, свободный.
- ²⁰ См.: Onlar özgürlüğün neferleri [Электрон. ресурс]. Электрон. данные. М., сор. 2011. Режим доступа: <http://www.odatv.com/n.php?n=onlar-ozgurlugun-neferleri-0403111200>, свободный; Polisten “Oda Tv” sitesine baskın: 4 gözaltı kararı [Электрон. ресурс]. Электрон. дан. М., сор. 2011. Режим доступа: <http://www.hurriyetport.com/gundem/odatv-de-soner-yalcin-baris-terkoglu-ayhan-bozkurt-baris-pehlivan-gozaltinda>, свободный.
- ²¹ См.: Türkiye Anayasa değişikliğine “evet” dedi [Электрон. ресурс]. Электрон. данные. М., сор. 2011. Режим доступа: <http://www.hurriyet.com.tr/gundem/15761823.asp>, свободный.
- ²² См.: Ariely D. Where the Free Market Fails: Online Dating. Harvard Business Review blog. [Электрон. ресурс]. Электрон. данные. М., сор. 2011. Режим доступа: <http://blogs.hbr.org/research/2010/09/where-the-free-market-fails-on.html>, свободный; Graham C. Why Societies Stay Stuck in Bad Equilibrium: Insights from Happiness Studies amidst Prosperity and Adversity / Paper presented to the IZA Conference on Frontiers in Labor Economics: The Economics of Well-Being and Happiness. L., 2009.

Политики совместного в обществе

Е.В. Барышева

ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕИ «СОВМЕСТНОГО» В РИТУАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЯХ 1920–1930-х годов

В статье показана роль советских праздников в процессе массовой социальной коммуникации, создании единого социального поля с помощью обмена политической и социально значимой информации. Праздники рассматриваются в контексте советских ритуалов, создающих и транслирующих иллюзию сглаживания социальных различий и конфликтов, демонстрирующих солидарность и единство, которых не было в реальной жизни. Тем самым народ признавал легитимность власти и демонстрировал свою лояльность режиму, а власть создавала образ «хозяина», заботящегося о своем народе.

Ключевые слова: мобилизация, единство, советские праздники, массовая коммуникация, передача информации.

Французский социолог Гюстав Лебон в конце XIX столетия выдвинул идею о том, что толпа в большой степени подвержена внушению¹. Позднее было замечено, что с помощью трудноуловимых и «косвенных» эффектов можно легко убедить массу: о чем думать и как это делать², причем подобная тактика с успехом подрывает любые негативные и поощряет позитивные мысли о предлагаемом образе действия.

Политические деятели, организуя массовые мероприятия, используют одну из эффективных техник манипуляции общественного мнения, которая состоит в создании видимости всеобщего одобрения (bandwagon effect, т. е. впечатления, будто бы все поддерживают).

Для реализации властных начал существует множество способов. Один из наиболее распространенных во все времена – сим-

волическая политика, которая характеризуется сознательным использованием эстетически-символических ресурсов власти для ее легитимации и упрочения посредством создания символических «эрзацев» политических действий и решений³. Это требует и создания красивых и популярных политических символов.

В переводе с греческого слово «символ» обозначает «объединение, соединение» и происходит от греческого *symbolon* – «условный вещественный опознавательный знак для членов определенной группы людей; вещественный или условный код, обозначающий или напоминающий какое-либо понятие; образ, воплощающий какую-либо идею»⁴. Символ служит основой для идентификации определенной общности и имеет общественно-политический характер. В современном мире политические символы выступают как своего рода образы, побуждающие людей к действию и влияющие прежде всего на эмоции. В данной интерпретации политическая символика является мощным инструментом осуществления политической власти.

В советской России с помощью политических символов, проникавших в структуру повседневной жизни советского человека, власть решала задачу собственной легитимации, а в Советском Союзе – задачу поддержания лояльности общества к власти.

Многогранный и разноаспектный комплекс символов власти – от плакатов и лозунгов, фото- и кинопропаганды до живописи, архитектуры и монументальной скульптуры и праздничных представлений (особенно 1 мая и 7 ноября) – должен был вызывать общественный энтузиазм, внушать новые идеи полуграмотному населению, привыкшему к тщательно разработанным театрализованным действиям, образам старого режима и Православной церкви.

В современной историографии гегемония визуальной символики рассматривалась в рамках истории архитектуры как явления советского символического порядка⁵, парковой скульптуры – как формы «утопической социализации»⁶, декорирования московского метро и Всесоюзной сельскохозяйственной выставки (ВСХВ) – как особых мест утопии⁷, сталинского кинематографа – как отражения этой советской утопии⁸, плакатов – как ресурса визуальной пропаганды и инструмента антропологического проектирования⁹.

Немаловажное место в этом ряду занимают советские государственные праздники, а точнее – синтетическая форма их проведения в виде праздничных шествий, митингов, демонстраций, парадов (в том числе и физкультурных). Начиная с массовых театрализованных представлений первых лет советской власти и заканчивая предвоенными парадами и демонстрациями, праздники выполняли

функцию создания имиджа, чувства единства и сплоченности всех советских людей.

Поэт Я. Смеляков в 1940 г. так комментировал публикацию фотографий с парада физкультурников:

И так и этак снимок верчу,
Могу на него часами глядеть.
Не знаю, как вы, а я хочу
Пристроиться к ним, хотя бы сбоку,
Так же смеяться, и так же петь,
И голову так же держать высоко¹⁰.

Нарративный и визуальный ряд источников позволяет реконструировать ход этих празднеств. Вот как описывал один из парадов Ромен Роллан: «Праздник открывается “Интернационалом”, затем председатель спортивных обществ СССР произносит речь. Затем в течение трех и более часов – большой парад. Полуобнаженные мужчины, женщины и дети стройными сомкнутыми рядами идут неудержимо-радостные в едином ритме и едином порыве. Женщины отличаются большей безукоризненностью порядка и целеустремленностью во время марша. Каждая группа, каждая колонна (делегирующие определенным кварталом или заводом или составленные по профессиональному признаку) имеют свои цвета, свои знамена и транспаранты: порою кажется, что движутся цветочные поля. ...На непрочных платформах они [демонстранты] несут не только орудия труда или борьбы, но и живые картины: полуобнаженных мужчин и женщин то в позе дискобола, то в позе метателя копья и в других меняющихся скульптурных позах. Все эти живые картины – какая-то необычная смесь высокого стиля с цирковым парадом...»¹¹.

Массовые гимнастические выступления, ставшие важной частью советского спорта, оформление из причудливых платформ на колесах, на которых размещались декорации во время парадов, и, конечно же, вездесущие портреты Сталина и политических деятелей его «ближнего круга», – все это должно было оказывать неизгладимое впечатление как на самих советских граждан, так и на зарубежных корреспондентов.

Картина парада 1935 г. наглядно демонстрирует стремление тоталитарного государства к созданию «общего тела», внушению чувства единения с народом, радости от карнавального растворения в «мы». Элиас Канетти по этому поводу замечает, что исходный феномен массы – преодоление страха перед прикосновением. Человек боится и избегает прикосновения других людей, старается

держаться от них на расстоянии (социальные дистанции, системы статусов). В массе страх перед прикосновением снимается, все дистанции ликвидируются. Происходит психологическая разрядка. Плотная масса, создаваемая в ходе демонстраций и парадов, когда тела тесно прижаты друг к другу, необходима и власти и обществу. Стоит однажды ощутить себя частицей массы, как перестаешь бояться ее прикосновения. Здесь все равны, нет никаких различий, в том числе и половых. «Чем сильнее люди сжаты, тем более они чувствуют, что не боятся друг друга»¹². И на плакатах 30-х годов мы видим, что люди именно тесно прижаты друг к другу, образуя некое общее тело, которое начинает принадлежать социуму¹³.

М. Золотоносов называет живые скульптуры, плотные сгустки полуголых тел, образующие орнаменты, одним из самых сексогенных феноменов культуры тоталитаризма, потому что человек в них полностью, без остатка, подчинен чужому замыслу и желанию, будучи превращен в элемент картины или конструкции¹⁴.

Излюбленной фигурой в оформлении демонстраций была человеческая пирамида, основание которой – народ, а вершина – вождь. Таким образом, декларировалось единство народа и вождя, создавался образ гигантской машины государства, состоящей из человеческих легкозаменяемых «винтиков», («незаменимых людей нет»).

Доказательством тому служат и слова одного из инструкторов Общества «Международный Красный стадион» А. Харлампиева, который занимался, в том числе, и разработкой сценариев праздников и демонстраций: «Первым вопросом является – что мы намерены продемонстрировать: намерены ли мы продемонстрировать наше множество или нашу полноту, многообразность, красочность, жизненность. Если множество, то должны составить демонстрацию однообразнее – все как один – и статичнее. Если жизненность – то нужно многообразие и динамичнее»¹⁵.

Это видно на фотографиях А. Родченко, которые достаточно убедительно раскрывают идею полного подчинения и контроля, стремление структурировать даже праздничное настроение советских граждан. Работы А. Родченко («Колонна “Динамо”», «Женская пирамида», «Долгой жизни Конституции», «Дорогу женщинам» и др.) демонстрируют театральность марширующих спортсменов в одинаковых белых спортивных костюмах. Эти очень простые и в то же время характерные строгими линиями, тесными рядами, сплоченностью участников парада изображения отражают подчинение человеческих тел логике геометрических форм, пропагандируют геометрически организованную человеческую массу, состоящую из хорошо тренированных тел. Эта эстетика была близка и извест-

ному немецкому кинорежиссеру Лени Рифеншталь («Триумф воли»)¹⁶.

Идея физического совершенства была характерна и для советского общества. Тридцатые годы в СССР были временем культа сильного здорового тела, призванного служить построению светлого будущего и обороне Родины. Тоталитарный человек должен был быть атлетом с совершенным телом. Этот посыл нашел отражение в советских физкультурных парадах и советской эмблематике. На эмблемах изображались энергичные и мускулистые тела без акцента на сексуальность. В советском искусстве человеческое тело изображалось, в основном, одетым. При этом одежда не идентифицировала человека по полу, а показывала его принадлежность к социальному слою. Женщина воспринималась как боевой товарищ, коллега, соратник в борьбе за социализм. Женский костюм максимально приближался к мужскому и подтверждение этому мы находим на фотографиях с парадов и демонстраций: одинаковыми стройными рядами маршируют юноши и девушки.

Образы молодых спортсменов воспринимаются как символ радости, здоровья и молодости. Спортивные торсы сопровождали советских граждан повсюду: многочисленные «девушки с веслом» (прототипом которых стала созданная И. Шадра в 1935 г. «Девушка с веслом»), «пловчихи на старте» и другие скульптуры появляются в парках отдыха, взбираются на здания многих советских городов. Пропаганда идеи физкультурного движения была выражена и в оформлении московского метро: фигуры физкультурников в нишах павильона станции метро «Охотный ряд», скульптурное изображение физкультурницы на станции «Площадь Революции» (М. Манннер). Потолочные мозаичные панели на станции «Маяковская» (А. Дейнека) изображают прыгуна с шестом, прыгуна с трамплина и двух спортсменов, парящих в небе, как устремленные ввысь, в будущее. Павильон станции метро «Динамо» опоясывает фриз с фигурами спортсменов и физкультурников, которые как бы продолжают свой праздничный парад¹⁷.

Образ физкультурника также символизировал слияние труда и отдыха в одну сферу, значение участия в великих трудовых планах 1930-х годов, что подкреплялось идеологически и находило поддержку у общественности. Он также был моделью нового советского героизма¹⁸.

Всеволод Мейерхольд в 1922 г. в докладе «Актер будущего и биомеханика» утверждал, что в будущем рабочая сила не будет рассматриваться как проклятие, а как радостная, жизненная потребность. Вид квалифицированного рабочего, работающего непрерывно, ритмично, а потому и эффективно, – считал он, – должен

вызывать удовольствие. Достигнуть же идеала нового человека можно было бы, поместив его в ту среду, где гимнастика и все формы спорта доступны и обязательны¹⁹.

Роль физического совершенства была также очевидна в совместном изображении человека и машины. Машина была самым существенным символом продвижения и совершенствования как внутреннего, так и внешнего.

Идеал человека как совершенной машины для достижения социалистического будущего был воспринят и развит рядом советских лидеров. Советский профсоюзный деятель, теоретик научной организации труда и руководитель Центрального института труда Алексей Гастев развивал идеи человеческой автоматизации. Рассматривая труд как способ воспитания нового человека, Гастев много внимания уделял формированию основ двигательной и физической культуры, ловкости и экономии движений. Он полагал, что двигательная культура человека должна быть отработана до автоматизма: чем хуже отточено движение, тем больше в нем «элемента торможения». При хорошем владении телом человек не задумывается над техническими моментами своей работы, высвобождая время на творчество. Автоматизм низших форм движений, – считал он, – является обязательной предпосылкой свободы для высших, духовных движений человека²⁰.

В годы первых пятилеток метафора машины, техники была чрезвычайно популярна. Советские граждане представлялись как работающие в синхронной гармонии, как команда. Это наглядно демонстрировалось во время праздничных шествий и физкультурных парадов, в ходе которых использовались движения, имитирующие, например, работу машинных двигателей. Ритмичная гимнастика, выполняемая большими группами с синхронными движениями, активно использовалась в ходе физкультурных парадов, получила большое распространение в советских школах, а также активно пропагандировалась в радиопередачах²¹.

Визуальная пропаганда идеи единства труда и праздника, общества и власти, социальной однородности в ходе праздничных демонстраций и парадов в соответствии с решением ЦК партии о политическом искусстве 11 марта 1931 г. имела целью служение «мощным инструментом перестройки человека, его идеологии, образа жизни и экономической деятельности, а также инструментом, затрагивающим сознание и сердца миллионов людей»²².

Праздничные мероприятия должны были показывать советским гражданам те силы, которые еще не проявились, настоящее изображалось не как есть, но каким должно стать. Как справедливо отметила американская исследовательница В. Боннелл, иллюзия

воображаемого будущего создавалась визуальными способами настоящего²³. Одновременно большевики распространяли среди населения новые категории восприятия действительности.

Советские праздники обладали функцией конструирования реальности и восприятия властных структур. Система символов, используемая в оформлении праздников, придавала власти вес и блеск, подчеркивала ее силу и легитимность, оправдывала политическую программу большевиков и применение насилия.

Видимость «единодушия фиктивного мира» (Х. Арндт)²⁴ достигалась театрализацией тщательно срежиссированных политических событий.

Наиболее отчетливое проявление театральности – в массовых шествиях, демонстрациях и празднествах. Даже физкультурные парады только формально имели отношение к спорту, они не были исключительно спортивными мероприятиями. Движение массы, сплоченной в единое тело, шествия по единому плану, символы власти, речи, музыка, знамена, лозунги, плакаты и портреты – все это соединяется в единое целое, которое должно было формировать чувство совместного²⁵. В так называемых массовых действиях, а также парадах, демонстрациях, народных гуляньях и т. д. создавалась видимость общности, при которой человек окончательно терял собственную индивидуальность, растворялся в коллективе. В ходе праздничных демонстраций и шествий вовлеченные в «массовые мероприятия» участники испытывали чувство сопричастности к «великому делу строительства светлого будущего». Выполняя компенсаторную функцию, праздники снимали тревогу, неуверенность, растерянность и формировали иллюзию силы и единения массы, придавали чувство сопричастности с коллективом.

Позднее, в 1962 г., Отар Иоселиани, режиссер, сценарист, актер, родившийся в 1934 г., размышляя о сложившейся практике проведения советских государственных праздников с точки зрения профессионала и современника, писал: «Во времена мощных тоталитарных режимов диктаторы очень любили парады, массовые зрелища на площадях и стадионах как убедительное свидетельство покорности и подчиненности многолюдной массы подданных. Поле разделено на квадраты, все люди перенумерованы, по сигналу одни приседают, другие машут платками, третьи наклоняются, четвертые ложатся – и получают на площади картины, надписи, орнаменты, знамена и символы благоденствия. Подчиненные такому сценарию подданные начисто теряют личностные качества, глупеют и даже испытывают удовольствие, правильно и синхронно выполняя команды. Радость быть деталью, муравьем. Старательность раба основана на невозможности следовать собственной прихоти. Эти

спектакли есть демонстрация ложной гармонии в государстве, где граждане благоразумно шагают в ногу.

Все мы несвободны в рамках предписанного нам природой сценария – родиться, любить, ненавидеть, страдать и умереть, но как ничтожно и бессмысленно следовать бездарным сценариям, навязываемым нам человеческими существами, называемыми вождями»²⁶.

Так, будучи близок и по эмоциональному складу, и профессионально к театрализации, режиссер уже в период хрущевской «оттепели» однозначно оценивал роль и значение парадов и демонстраций в тоталитарных государствах как один из важных элементов манипуляции властью обществом.

Мобилизация всех коммуникационных ресурсов в 1920–1930-е годы в советской России была направлена на создание имиджа единства и совместности власти и общества. Советские государственные и революционные праздники играли важную роль в процессе массовой социальной коммуникации, создавая единое социальное поле с помощью обмена политической и социально значимой информацией. Массовые аудитории всегда рассматривались властью как объект коммуникационного управления.

Советские праздники выполняли коммуникационную миссию создания и передачи смысла «совместного» в социальном пространстве. Праздники в контексте советских ритуалов создавали и транслировали иллюзию сглаживания социальных различий и конфликтов, демонстрирующих солидарность и единство, которых не было в реальной жизни. Именно поэтому ритуальное поведение (парады, митинги, демонстрации) народных масс было характерно для тоталитарных режимов. Тем самым народ признавал легитимность власти и демонстрировал свою лояльность режиму. А власть создавала образ «хозяина», заботящегося о своем народе.

Примечания

¹ См.: *Лебон Г.* Психология народов и масс. СПб., 1995.

² См.: *Пратканис Э.Р., Аронсон Э.* Эпоха пропаганды: механизмы убеждения, повседневно использование и злоупотребление. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК; М.: Олма-Пресс, 2003. С. 43.

³ См.: *Поцелуев С.П.* Символическая политика как инсценирование и эстетизация // *Полис.* 1999. № 5. С. 62–76.

⁴ *Трессиддер Дж.* Словарь символов / Пер. С. Палько. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. С. 437.

- ⁵ См.: *Паперный В.* Культура два. М.: НЛО, 1996.
- ⁶ См.: *Золотоносов М.* Философия общего тела: Советская садово-парковая скульптура 1930-х годов // Хармсиздат представляет: Советский эрос 20–30-х годов. СПб.: М.К.& Хармсиздат, 1997.
- ⁷ См.: *Рыклин М.* Пространства ликования: Тоталитаризм и различие. М.: Логос, 2002.
- ⁸ См.: *Taylor R.* Film Propaganda: Soviet Russia and Nazi Germany. L.: I.B. Tauris, 1998.
- ⁹ См.: *Боннелл В.* Крестьянка в политическом искусстве сталинской эпохи // Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность / Под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: Вариант: ЦСПГИ, 2007. С. 262–294.
- ¹⁰ Огонек. 1940. № 20 (707). 20 июля.
- ¹¹ Московский дневник Романа Роллана: Наше путешествие с женой в СССР: Июнь-июль 1935 г. // Вопросы литературы. 1989. № 3. С. 228.
- ¹² *Канетти Э.* Масса и власть. М.: Ad Marginem, 1997. С. 19.
- ¹³ См.: *Золотоносов М.* Указ. соч. С. 36.
- ¹⁴ Там же. С. 56.
- ¹⁵ ГАРФ. Ф. 4346. Оп. 1. Д. 401. Л. 28.
- ¹⁶ *Groys B.* The Art of Totality // The Landscape of Stalinism: The Art and Ideology of Soviet Space // Ed. by E. Dobrenko, E. Naiman; Univ. of Washington Press. Seattle; L., 2003. P. 96–110.
- ¹⁷ См.: Искусство. 1938. № 6; Творчество. 1938. № 11.
- ¹⁸ См.: *O'Mahony M.* Sport in the USSR: Physical Culture – Visual Culture. L.: Reaktion Books, 2006.
- ¹⁹ См.: *Мейерхольд В.Э.* Актер будущего и биомеханика // Мейерхольд В.Э. Статьи. Письма. Речи. Беседы. М.: Искусство, 1968. Т. 2. С. 486–489.
- ²⁰ См.: *Гастев А.К.* Как надо работать: Практическое введение в науку организации труда. М.: Либроком, 2011.
- ²¹ См.: ГАРФ. Ф. 4346. Оп. 1. Д. 443. Л.1–3.
- ²² См.: Бригада художников. 1931. № 2–3. С. 1–3.
- ²³ См.: *Боннелл В.* Иконография рабочего в советском политическом искусстве // Визуальная антропология: режимы видимости при социализме / Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009. С. 202–203.
- ²⁴ Цит. по: *Гюнтер Х.* Тоталитарное искусство как синтез искусств // Соцреалистический канон: Сб. статей / Под общ. ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 8.
- ²⁵ Там же. С. 8.
- ²⁶ *Иоселиани О.* Прощание с невинным ремеслом комедианта // Киносценарии. 2003. № 2–3. С. 8.

И.А. Гордеева

СОВМЕШНОСТЬ И НАСИЛИЕ:
«СВОБОДНЫЕ ХРИСТИАНЕ»
В УСЛОВИЯХ СОВЕТСКОЙ РОССИИ
20 – начала 30-х годов

В статье описывается опыт самоидентификации «свободно-христианского» («толстовского») движения в условиях становления советских коллективных идеологий и практик в 20 – начале 30-х годов XX в. Еще до революции «толстовцы» сформулировали свой общественный идеал в радикально-пацифистском духе, утверждая ценности ненасилия и защищая свободу совести, отстаивая представления о человеке как о духовно свободном существе и считая основой человеческой общности всеобщее духовное «братство во Христе». После 1917 г. и короткого периода сотрудничества с советской властью ценности «свободных христиан» вступили в конфликт с большевистскими версиями «совместности», причем главным пунктом расхождения был вопрос о допустимости насилия при создании различного рода общностей. «Свободно-религиозное» мировоззрение не только отрицательно отвечало на вопрос о насилии, но и сумело сформировать человека с нетипичным для советской России уровнем нонконформизма, сопротивляемости контролируемым властью дискурсам.

Ключевые слова: «толстовцы», модернизация, индивидуализация, коммунитарное движение, кооперация, коллективизация, картезианское мировоззрение, радикальный пацифизм, антиэтатизм.

Составной частью процесса модернизации является индивидуализация, освобождение самосознания личности от власти различного рода коллективных структур и авторитетов. Индивидуализация неотъемлемо связана с процессом секуляризации, на ее основе возникли те типы мышления и поведения, которые включают в себя широкий спектр общественно-философских явлений, сгруппированных вокруг ценности свободы личности и ее самовыражения.

© Гордеева И.А., 2012

Одновременно с этим «освобождением» частью модернизационных процессов является усиление государства, претендующего на то, чтобы вместо и помимо этих старых коллективных структур формировать из людей благонамеренных подданных. Ради этой цели современные государства вторгаются в повседневную жизнь людей, дисциплинируют их, стремясь подчинить своим номинациям, классификациям и идеологиям, сделать из них этатизированных, удобных для управления, уже по-новому несвободных субъектов.

Переживание этого насильственного внедрения в жизнь новых коллективных идентичностей, отягощенное чувством утраты «теплых» досовременных общностей, приводит к возникновению у человека чувства отчуждения и разного рода основанных на подобных переживаниях философий, идеологий и движений. Не осталась в стороне от этих процессов и Россия. Несмотря на то что российские достижения в области политической модернизации остаются сомнительными и дискуссионными, никто не станет отрицать ту огромную роль, которую с давних пор в истории нашего общества играет государство и которая только усиливается благодаря расширению технических возможностей контроля в период Нового времени.

В качестве реакции на тотальное наступление государства на все сферы жизни в России в конце XIX – начале XX в. появляется «свободно-религиозное» («свободно-христианское») движение, которое больше известно как «толстовское». Цель данной статьи – рассмотреть те версии «совместности», которые были сформулированы «толстовцами» еще в начале XX в. и вступили в конфликт с утверждавшимися в первые советские десятилетия коллективистскими идеологиями и практиками. Задачей статьи является изучение развития идентификационных процессов у участников «свободно-христианского» движения в первое десятилетие советской власти, их представлений о самих себе как личностях и социальных существах, о природе человеческой общности, а также о тех современных им типах совместного существования, критиками и творцами которых они были в интересующий нас период.

Несмотря на то что чаще всего тех людей, о которых пойдет речь в данной статье, называли «толстовцами», далеко не все они были действительно приверженцами идей Л.Н. Толстого. В «свободно-религиозной» среде можно было встретить представителей самых разных религий, философий и идеологий. По своей общественной направленности это движение носило антикапиталистический, антиэтатистский и радикально-пацифистский характер.

Образ жизни и протестные практики «свободных христиан» были направлены на:

- поиск индивидуальных и коллективных способов преодоления отчуждения через изменение образа жизни («опрощение», «возвращение» к физическому труду, разного рода общинные эксперименты);
- протест против институционализованного государственного насилия и дисциплинарных практик государства (отказ от уплаты налогов, службы в армии, полиции, занятия бюрократических должностей, от государственного образования и общепринятых систем воспитания детей);
- протест против «абстрактного» когнитивного стиля, присущего современному обществу, против номинирующей власти государства (отрицание общепринятых сословных, религиозных и национальных идентичностей, отказ от паспортов, изобретение новых имен);
- отрицание буржуазной культуры потребления и отношения к природе («опрощение», аскетизм, вегетарианство, экологические идеи);
- критика «официальной» православной церкви и других «казенных» форм религиозности;
- критика рациональных основ и эмоциональной культуры контролируемых властью дискурсов, и прежде всего патриотизма и национализма, утверждение интернациональных и космополитических ценностей (отказ от военной службы, антивоенные протесты, участие в эсперантистском движении, широкое сотрудничество с международными религиозными и общественными организациями).

Кроме того, сторонники данного движения разделяли одно мировоззрение. Как писал один из них о своих товарищах, «в большинстве своем это были люди самобытные, самостоятельно мыслящие о смысле жизни, не преклонявшиеся ни перед каким авторитетом, кроме своего разума, своей совести»¹. «Доверие к себе», к своему разуму и совести как к основным источникам истинного знания об окружающем мире и Боге было отличительным признаком мировоззрения «толстовцев».

В последней четверти XIX в. главным идеалом «толстовцев» был коммунитарный идеал, а основной формой существования движения – устройство земледельческих общин. Коммунитарное настроение в тот период во многом носило эскапистский характер, оно было основано на стремлении к отделению от «нечистого» мира. С начала XX в. интерес к «общинной» теме у «толстовцев» ушел на второй план, и в публичной жизни его представители чаще все-

го выступали сторонниками радикального пацифизма, утверждая ценности ненасилия и защищая свободу совести. Они протестовали против насилия во всех его проявлениях, искали пути построения таких социальных отношений, которые не препятствовали бы свободной самореализации человека в России и его утверждению себя как автономной личности. При этом основой человеческой общности они считали всеобщее братство «во Христе».

«Толстовцы» активно занимались строительством своего движения с конца XIX в.: они основывали периодические органы, печатали и распространяли литературу, занимались поиском своего идеала и программы, народным просвещением, поиском единомышленников (которыми чаще всего становились разного рода сектанты, вегетарианцы, эсперантисты, мирные и, позднее, мистические анархисты) и союзников (отдельные социал-демократы, анархисты, либералы), работали над выработкой технологий ненасильственного протеста, участвовали в общественно-политических дискуссиях, вели правозащитную деятельность, защищали свободу слова, совести и отказников от военной службы, формировали сети взаимопомощи и общественные организации. Они сохранили и даже расширили свое движение в годы Первой мировой войны и двух революций 1917 г. Февральская революция была воспринята ими как осуществление их собственного идеала мирной революции, а с большевиками их сближали идеи коммунизма и интернационализма.

В первые годы советской власти институциональной основой «свободно-религиозного» движения были Общество истинной свободы имени Льва Толстого (закрыто осенью 1922 г.), Московское вегетарианское общество (МВО, просуществовало до лета 1929 г.) и Объединенный совет религиозных общин и групп (ликвидирован в начале 1924 г.), а также региональные и местные отделения этих организаций. Также «свободно-религиозные» силы группировались вокруг издательства «Посредник», нескольких недолговечных журналов, «толстовских» и «сектантских» земледельческих общин.

«Толстовцы» с симпатией относились и к идеям социализма, и к самим большевикам, с некоторыми из которых они были знакомы еще со времен своей эмиграции². Однако они довольно быстро поняли, что с точки зрения политической организации советская власть мало чем отличается от самодержавной – по крайней мере, в своей практике. Тем не менее, выстраивая свое общественное движение, они были настроены на сотрудничество с большевиками. Сторонники «свободно-религиозного» мировоззрения рассчитывали, что сумеют повлиять на них, убедят отказаться от насилия – как физического, так и духовного – и тем самым переведут революцию в мирное русло.

Социально-экономические эксперименты коллективистской направленности первых лет советской власти «толстовцы» в целом приветствовали и принимали в них участие. Недолгое время даже существовал особый «сектантский проект» внутри большевизма³, в ходе которого советская власть попробовала сделать ставку на «толстовцев» и сектантов как наиболее грамотную, просвещенную часть крестьянства, по своему мировоззрению склонную к коллективным формам хозяйствования и призванную показать остальным мелкобуржуазно настроенным крестьянским массам пример коммунистического образа жизни и хозяйствования.

Очень скоро оказалось, что ценности и идеалы совместной жизни большевиков и людей «свободно-религиозного» мировоззрения глубоко различны. В условиях начавшихся гонений против «толстовцев» и их организаций, а также наступления на религию настроения людей «свободно-религиозного» мировоззрения меняется. Они все яснее начинают осознавать несовместимость собственного и большевистского идеалов общезжития, о чем открыто заявляют в своих изданиях и публичных выступлениях.

В отличие от большевиков «толстовцы» мыслили сельскохозяйственные коммуны и кооперацию как первый шаг к будущему безгосударственному обществу. Свобода участия в любом типе общности была принципиальной для них. Исходя из этого, они отстаивали свое видение кооперации и коллективизации. Как писал 7 декабря 1923 г. известный «толстовец» С.М. Попов, «кооперация в противоположность различным насильническим государственным организациям вырастает из *свободного* объединения людей без вмешательства государственного насилия. <...> *Терпимость, доверие и любовь* являются необходимым условием развития и углубления кооперативного движения... Люди, пережившие в своем развитии государство в его различных видах и являющиеся представителями безгосударственного отношения к жизни и миру, находят в кооперативном движении широкую возможность для применения и развития своих свободных от государственности убеждений, сил и способностей». Весь будущий мир виделся Попову «как бы огромным великим кооперативом, а все существа мира – членами этой великой духовной кооперации. Путем духовного совершенствования и единения существ эта великая духовная мировая кооперация неизбежно должна превратиться в единое всемирное братство, объединенное любовью»⁴.

Не только кооперацию, но и сами «советы» «толстовцы» надеялись своими, отличными от большевистских, смыслами. В конце 20-х годов тот же Попов писал: «Советы никак нельзя отождествлять с властью. Как только в советы проникает власть то тотчас *советы*

исчезают и получается насилие власти. Вот почему слово *советская власть* это такое же выражение, как горячий лед или твердый пар, то есть – *абсурд*. ...Власть – это насилие человека над человеком, а советы – это *свободная* передача друг другу своих мыслей... Яд власти, *нарушающий советы*, гнездится в душе каждого...»⁵.

К концу 20-х годов «толстовцы» потеряли почти всякую возможность для участия в общественной жизни страны и обмена своими мыслями; их организации и печатные органы были закрыты, а их общение сосредотачивается в нескольких неформальных кружках и вокруг самиздатовских журналов, которые распространялись из рук в руки и по почте в форме частной переписки.

В это время критика лицами «свободно-религиозного» мировоззрения советской реальности становится еще более резкой. В конце 1927 г. сын лидера «толстовцев» В.Г. Черткова Владимир прочел в МВО доклад «Кооперация и наше участие в ней». Он заявил, что «никакое насилие в кооперации недопустимо. Как только насильственное или принудительное начало вводится в кооперацию, так кооперация теряет свое основное лицо и превращается в полугосударственный аппарат. У кооперированных принудительным порядком масс отсутствует сознательное отношение к самой организации». Он не отрицал всецело добровольный характер советских кооперативов, однако обращал внимание на низкий уровень сознательности большинства их членов, почти полное отсутствие материальной заинтересованности и идейного отношения к делу, злоупотребление политическими целями в кооперативном деле, недостаток организационной самостоятельности. Тем не менее Чертков призывал своих единомышленников к участию в советских хозяйственных коллективах в целях их «оздоровления», придания им верного направления: «Если мы слышим, что в кооперации много воровства, взяточничества и т. п., то тем более надо не сторониться ее, а вступать в нее, исправлять ее недочеты, устранять, где это возможно, всякое лжетолкование кооперации. Нужно помочь руководителям кооперативных товариществ построить кооперацию на действительно добровольных началах, стараться объяснить массам значение и пользу кооперирования»⁶.

В том же 1927 г. Б.В. Мазурин, председатель совета «толстовской» коммуны «Жизнь и труд», в ответ на предложение советской власти организовать колхоз и возглавить его, наотрез отказался. «Да, мы за коллективный труд, но за добровольно коллективный, по сознанию, а не против своего желания»⁷, – заявил он. Летом 1928 г. Мазурин опубликовал в «Бюллетене МВО» статью «К вопросу о земледельческих коммунах» с критикой насильственных форм коллективизма. В ней он писал, что хотя «общественная жизнь

современного человека целиком построена на насилии», тем не менее в ней уже можно найти признаки «новой жизни, основанной на свободном согласии, взаимопомощи и взаимном уважении»⁸. Такими новыми формами общественной жизни, по мнению Мазурина, являются коммуны. При этом он считал неверными свойственный ранним «толстовцам» взгляд на коммуны «как на какое-то средство к увеличению в себе духовных сил», создающее «какие-то особенные условия, благоприятные для самосовершенствования», и представления о том, что «жизнь в коммуне совсем другая, чем везде, более братская и христианская».

С точки зрения Мазурина «человек сам от себя уйти не может», «его слабости остаются при нем и в коммуне, и вне ее», и потому ««коммуна» есть только форма, которая не может создавать каких-то особо благоприятных условий жизни, а есть только группа людей, живущих вместе, и жизнь их получается соответствующая уровню их нравственного и духовного развития». «Для духовной жизни организации не нужны, – делал вывод Мазурин. – Соединяться в лучшем мы должны и можем со всеми людьми, всегда и везде, а не ограничиваясь маленькой кучкой замкнутой в рамки своей маленькой организации “правоверных”»⁹.

Особой точкой зрения насчет коллективизации обладал крестьянин с. Боровоково Лаптевского района Тульской области М.П. Новиков – оригинальный мыслитель из народа, близкий по своим взглядам к «свободным христианам». В своем открытом письме «О поднятии урожайности в крестьянском хозяйстве» от 9 февраля 1929 г., посланном вместе с докладной запиской поддержавшего его И.М. Трегубова И.В. Сталину и в другие руководящие органы, он приводил убедительные аргументы экономического характера против большевистских методов аграрной политики. Помимо этого, Новиков утверждал, что «настоящий социализм, то есть общность всего – имущества, труда и интересов» – возможен только на христианской основе, «социализм же внешний, социализм марксистов, основанный на захватном праве и насильственном перераспределении земли, капитала и орудий производства, исповедующий веру в силу материи и отрицающий духовное начало в человеке, что нравственность зависит от экономических условий, – такой социализм бессилён устроить мир и благополучие на земле, и он не продержался бы между нами и одного года, если бы и установили его насильем; с одной стороны – по нашему неумению и нравственной неспособности совмещать свой личный интерес с интересами общими, а с другой – по невозможности подчинить насилию душу и мысли человечества и сделать их всеобщими и равно пригодными; по невозможности уравнивать жизненную энергию от-

дельного человека и заставить одного – трудолюбивого и энергичного стоять на одном месте и не работать больше других, а другого – ленивого и неспособного равняться в работе со всеми»¹⁰. Советский вариант экономической политики он назвал «социалистическим утопизмом» и сравнил с «путем военной дисциплины и насилия, как строил Аракчеев военные поселения», а его результаты назвал «батраческим коммунизмом» или «раем для батрачков-дурачков», который «может временно удовлетворять лишь забытых нуждой батраков и нищих»¹¹.

Самиздатовское «Письмо друзей Толстого» от февраля 1930 г. за авторством В.Г. Черткова было специально посвящено проблеме отношения «свободных христиан» к коллективизации, которая полным ходом шла в стране. Этот текст был его ответом на многочисленные вопросы единомышленников с мест, которых беспокоил принудительный характер коллективизации.

В соответствии с духом «свободно-религиозного» мировоззрения Чертков писал, что «каждый должен сам за себя решить этот вопрос в зависимости от тех обстоятельств, которые его окружают, и его готовности жертвовать собой и своей семьей, так как не вступление в колхоз в большинстве случаев означает обречь самого себя и свою семью на голодание и страдания». Он указывал на то, что многие единомышленники считают, что в советской действительности уже нет большой разницы, в колхозе ты или вне его – «все равно вся жизнь советского гражданина не свободная и он так или иначе является рабом государства и работает на это государство, только одни в меньшей мере, другие в большей мере. Разве только те свободны, которые, как странники, ходят по стране и просят милостыни. А потому, вступая в колхоз, не делаешь большее преступление, чем живя вне колхоза, где все равно ты платишь налоги, разные сборы и т. п.». В таких условиях можно вступить в колхоз и в нем «стараться жить как можно лучше, относясь по-братски ко всем окружающим»¹². Далее Чертков приводил цитату из «Дневника» Л.Н. Толстого от 16 июля 1908 г.: «Соединить людей какими-либо правилами, законами, как это делают правительства и церкви, никак нельзя, потому что каждый человек по-настоящему верит только тому, что он сам себе выработал, а если и подчиняется правилам, которые дают ему другие, то всегда не вполне, а в душе или противится, или лицемерит»¹³. В заключение для тех, в чьих местностях коллективизация проводилась под административным давлением местных властей, Чертков делает выписки из работ Ленина о недопустимости принуждения в этом деле.

В конце 20-х – начале 30-х годов многие активные деятели «свободно-религиозного» движения были арестованы или подвергнуты

разного рода репрессиям. В общении с представителями властей, на допросах и в судах «толстовцы» вели себя смело и открыто заявляли о своих антигосударственных, христианско-анархических и радикально-пацифистских взглядах.

В 1935 г. был арестован «толстолец» и «духовный монах»¹⁴ Я.Д. Драгуновский. Из тюрьмы он писал многочисленные и подробные письма властям с разъяснением своей позиции: о своем отрицании насилия, о духовно-монистическом мировоззрении, о несоответствии государственного устройства идеалам коммунизма, о бесполезности и вредности средств насилия на пути к коммунизму и о многом другом. В одном из таких писем он заявил: «Я не хочу быть слепым членом общества, возглавляемого государственным насилием. Я не хочу быть безрассудным винтиком бездушной государственной машины. Я давно вывинтил себя из бессознательного повиновения неразумному насилию. Я хочу быть членом мирного общества, устраивающего жизнь на разумных, сознательных началах. Я хочу разумно руководить своими поступками и своим трудом»¹⁵. Своим судьям Драгуновский заявил, что коренным источником жизни является разум и что в данном случае судят не его, а его мировоззрение, его представления о жизни: «Виноват ли человек за то, что он понял, что он не какой-то простой комок глины, из которой можно лепить что угодно и кому угодно, но что он духовная сущность, единая со всей духовной жизнью?»¹⁶. Сравнивая свой идеал и идеал советского государства, он писал: «Я противник войны и всяких убийств. Я противник всяких насилий человека над человеком. Я глубоко убежден, что убийство и насилие нельзя оправдать никакими благотворительными целями и райскими перспективами. Всякое насилие человека над человеком противно нашему здравому смыслу, нашему разумному сознанию, нашему внутреннему духовному единению. Насилие – это грубый эгоизм, разделяющий людей на своих и чужих. Насилие – это грубое и низшее желание земного блага только себе, только своей низшей, неразумной, иллюзорной природе; желание земных благ низшей, неразумной и иллюзорной природе людей своего круга, своего государства. Насилие – это признание за собой права на свою жизнь, а за другими – непризнание этого права. Насилие – это пережиток старого варварского времени, которое в современном разумном обществе должно отойти в музей как кошмарное воспоминание минувшего прошлого. Насилие, применяемое в современном сознательном обществе, – это позор для участников насилия»¹⁷.

Таким образом, естественным продолжением рефлексии собственного «я», проблемы сосуществования людей в обществе, в условиях как Российской империи, так и советской России у

представителей «свободно-религиозного» мировоззрения стала проблематика свободы и насилия. К концу 1920-х годов оказалось, что «свободно-религиозное» мировоззрение сумело сформировать человека с нетипичным для советской России уровнем неконформизма, сопротивляемостью контролируемым властью дискурсам. Подобный вывод заставляет нас пересмотреть господствующие в историографии взгляды, согласно которым либеральный, стремящийся к индивидуальной автономии тип субъективности «непригоден для понимания сталинской эпохи»¹⁸.

Примечания

- ¹ НИОР РГБ. Ф. 218. Карт. 1393. Ед. хр. 3. Л. 4.
- ² Лидеры движения оказались в вынужденной эмиграции в самом конце XIX в., после того как ими была организована общественная кампания по защите пострадавших от произвола властей духоборов.
- ³ См.: *Эткинд А.М.* Русские секты и советский коммунизм: Проект Владимира Бонч-Бруевича // *Минувшее*. 1986. Т. 19. С. 275–319.
- ⁴ *Попов С.* Кооперация. URL: <http://zpalochka.narod.ru/bibl.html>
- ⁵ РГАЛИ. Ф. 122. Оп. 3. Д. 34. Л. 67–68.
- ⁶ Там же. Л. 11.
- ⁷ *Мазурин Б.В.* Рассказ и раздумья об истории одной толстовской коммуны «Жизнь и труд» // *Воспоминания крестьян-толстовцев, 1910–1930-е годы*. М., 1989. С. 114.
- ⁸ РГАЛИ. Ф. 122. Оп. 3. Д. 34. Л. 28 об. Также взгляды Мазурина на этот вопрос см.: *Мазурин Б.В.* Указ. соч. С. 110–112.
- ⁹ РГАЛИ. Ф. 122. Оп. 3. Д. 34. Л. 28 об.–29.
- ¹⁰ *Новиков М.П.* Из пережитого. М., 2004. С. 503.
- ¹¹ Там же. С. 510.
- ¹² РГАЛИ. Ф. 122. Оп. 3. Д. 29. Л. 140.
- ¹³ Там же. Л. 142.
- ¹⁴ Духовные монасты – приверженцев идей П.Н. Николаева, который развил учение Л.Н. Толстого до полного отрицания реальности материальной жизни.
- ¹⁵ Из бумаг Якова Дементьевича Драгуновского // *Воспоминания крестьян-толстовцев: 1910–1930-е годы*. М., 1989. С. 412.
- ¹⁶ Там же. С. 418.
- ¹⁷ Там же. С. 412–413.
- ¹⁸ Интервью с Игалом Халфиним и Йоханом Хелльбеком // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 221.

А.А. Журухина

СОВМЕСТНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ КАК ПРЕДМЕТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Статья посвящена проблеме разграничения совместного исторического прошлого России и Украины в постсоветский период. В качестве ключевого рассматривается вопрос наследия Киевской Руси в политическом дискурсе современной Украины. По мнению современных украинских историков и политиков, есть все основания относить Киевскую Русь к истории Украины. Подобная трактовка вопроса о колыбели трех братских народов является фундаментом для создания идеологической основы национальной идентичности. Таким образом, современными украинскими политиками выбран наиболее конфликтный, размежевывающий вариант интерпретации совместного исторического прошлого двух стран.

Ключевые слова: политический дискурс, постсоветская Украина, национальная идентичность, политическое сознание, Киевская Русь.

Совместное прошлое современных государств и его трактовки в рамках политического дискурса являются одной из актуальных тем в современной политической науке. Понимание истоков национальной истории – это один из ключевых компонентов конструирования политического сознания и идентичности. В данной статье предпринята попытка рассмотреть проблему совместного исторического прошлого России и Украины на примере Киевской Руси как предмета украинского политического дискурса и исследовать возможные варианты ее решения в соответствии с современной украинской политикой.

С распадом Советского Союза и появлением на постсоветском пространстве ряда новых, теперь независимых, государств по-

Исследование выполнено в рамках гранта Президента РФ № МК-320.2011.6
© Журухина А.А., 2012

явились одна за другой и их национальные истории. Для Украины проблема формирования национальной идентичности и концепции национальной истории была более острой, чем для других государств Восточной Европы. Обуславливается это прежде всего географической близостью Украины и России – центра Советского Союза. Среди других факторов можно назвать общее историческое наследие, большое количество русскоязычного населения, проживающего на украинской территории, общее экономическое поле, оставленное советским прошлым. Не последнее место занимает тот факт, что Украина не имела сформировавшейся национальной истории, исторических институтов ранее, по крайней мере, не в тех рамках, в которых они существовали в других странах Восточной и Центральной Европы.

Для молодых, не имевших преемственности непрерывной линии развития государств конструирование прошлого, история играют роль государствообразующего фактора. Чем масштабнее выглядит ретроспектива, тем более весомыми кажутся права на государственственный суверенитет. Если же история в ее сформированном виде отсутствует, образуется своеобразный комплекс легитимности и возникают историко-мифологические конструкции, порой с оттенком абсурда, например, особо важным становится этнический фактор. Так, этнический принцип отбора деятелей культуры представляет собой общую черту исторической учебной литературы новых самоопределившихся на постсоветском пространстве государств¹.

С помощью национальной истории государство пытается сформировать и укоренить национальную идентичность, создать и распространить исторический нарратив, позволяющий легитимировать государственную независимость и культурную политику. Одним из важнейших аспектов исторического образования является отношение к этническим «другим».

Дискурс вокруг проблемы освещения роли России в украинской истории разнообразен и всегда критичен². За последние годы вышел целый ряд статей и даже монографий об образе России на постсоветском пространстве, в частности было проведено масштабное исследование в рамках гранта РГНФ «Производство и обращение общественно-политических идей в контексте постсоветской трансформации: разработка и апробация концептуальной модели исследования»³. Процессы формирования национальной идентичности, вовлечение в политические процессы, поощрения солидарности, создания общих представлений о себе, о Нас, о Другом осуществляются на постсоветском пространстве через формирование негативных политических представлений о ближайшем соседе – России. Потому что любое сходство, любое единство прошлого, особенно то,

в котором были общие успехи и достижения, ведет к неизбежному вопросу: для чего нужно было отделяться?

Анализ украинской национальной истории показывает, что основными составляющими постсоветской «парадигмы» украинской истории являются:

- «*украинская национальная идея*» («соборность» Украины и украинского народа, имеющего самостоятельное происхождение и самостоятельную историю, отдельно от России и русского народа, которые выступают в образе «извечного врага Украины»);
- «*евроинтеграция*» («история Украины» – составная часть истории Европы, а не России).

Основными агентами, транслирующими государствообразующие конструкты национальной истории в сознание украинских граждан, являются школа и учебная литература. Как следствие, формируются государственные требования к школьным учебникам «истории Украины» – показать опыт «тысячелетней единой украинской государственности и нации», пережившей периоды раздела «чужими империями», а также принадлежность Украины к европейской истории и общеевропейским процессам⁴.

Фактически в украинских школьных учебниках по истории происходит повторение «схемы М. Грушевского»⁵, определенной Министерством образования и науки Украины в качестве «метрики украинского народа»⁶, согласно которой отрицается древнерусская народность, Киевская Русь – это государственность украинской народности, киевский период переходит в галицко-волынский (первое украинское королевство), Украина – правопреемница Руси. Очевидно, что совместное историческое прошлое России и Украины является проблемной точкой, дискурс вокруг которой задает некие базовые параметры как украинской национальной идентичности, так и отношений двух государств.

Как представляется, проблема совместного исторического прошлого (с точки зрения интересующего нас примера Киевской Руси) имеет как минимум три варианта решения:

1. Ассимиляция, поглощение, растворение одной из «историй» другой. Этот вариант имеет место при территориальном слиянии ранее двух государств и подчинении одного другому, при ассимиляционной политике на разных уровнях. Стоит признать, что в современном мире подобные ситуации крайне редки, если не невозможны. Скорее наблюдается обратная тенденция – поддержка, а то и возвращение национальных, региональных «историй», историй самого разного уровня и масштаба.

2. Надстройка. Создание объединяющего исторического мифа, направленного не столько на прошлое, сколько на совместное ус-

пешное будущее. Подобный вариант был применен в Советском Союзе в рамках создания «новой исторической общности – советского народа». По сути, это некий компромисс между противоположными точками зрения о наследии Киевской Руси. Создателями Киева в равной мере могут считаться предки и русских, и белорусов, и украинцев – так называемый древнерусский народ. Единство политико-экономических структур, языка, обычаев, культуры представлялось как доказательство подобного тезиса о равенстве прав. В каком-то смысле древнерусский народ является проекцией в прошлое советского народа.

3. Разделение, размежевание. Современными украинскими политиками и историками выбран именно этот, самый конфликтный вариант. В подтверждение можно привести книгу бывшего Президента Украины Леонида Кучмы «Украина – не Россия», где он говорит о том, что у двух стран разные исторические судьбы, разный национальный опыт, разное самоощущение, несхожие культурно-языковые ситуации, принципиально различные отношения с географическим и геополитическим пространством, неодинаковая ресурсная база, разный политический вес в мире, несоизмеримые возможности для взаимовлияния⁷.

Конфликтный, размежевающий вариант решения проблемы общего исторического прошлого находит свои истоки в работе Михаила Грушевского «История Украины-Руси», выступившего с критикой сведения исторического процесса к развитию государства, традиционно поддерживаемого в российской историографии. Анти-норманист М. Грушевский выдвинул тезис о том, что современные украинцы являются прямыми и непосредственными потомками полян. Именно украинцы, по его теории, сыграли решающую роль в становлении Киева, а значит, именно им принадлежит киевское наследие.

Аргументация М. Грушевского была подхвачена с получением Украиной независимости после распада Советского Союза. Более того, в школьных учебниках истории Украины она была доведена до следующей схемы:

1. Права на наследие Киевской Руси принадлежат современным украинцам, поскольку центр этого государства находился на территории современной Украины.

2. Киевская Русь была очень развитым для своего времени государством.

3. Следовательно, истоки современной украинской государственности не только бесспорны, но и сама государственность крайне развита, она «произрастает» из более высокого уровня изначально.

4. Поскольку право на наследие принадлежит только Украине, равно, как следует из вышесказанного, и право на древнюю государственность, Россия подобным опытом не обладает.

5. Именно поэтому политические, культурные и социальные практики современной Украины представляются как более европейские и цивилизованные, более демократические.

Таким образом, наследие Киевской Руси обосновывает исключительность и в какой-то мере успешность не только исторического, но и политического, и культурного развития.

«Разводя» российский и украинский народы, авторы школьных учебников истории Украины приводят следующую информацию: Михаил Карамзин, Михаил Погодин и другие, считая украинский и белорусский народы «ветвями» российского народа, освещали построение Киевской Руси только как историю русского народа. *Выдающийся* украинский историк Михаил Грушевский доказал ошибочность взглядов российских ученых и пришел к выводу, что украинский народ живет на своих землях с IV в. сначала под именем антов, потом руссов и, наконец, украинцев. «Мы знаем, – пишет он, – что Киевская держава, право, культура были созданием одной народности – украинско-русской; Владимиро-Московская – другой, великорусской»⁸. Другой *известный* украинский ученый Михаил Брайчевский первым сделал вывод, что формула “древнерусская народность – общий предок трех народов – русского, украинского и белорусского” является неудачной, ибо в процессе создания государства этнические и языковые особенности племен продолжали существовать»⁹. Опять-таки слово «известный» приводится для подтверждения закономерности и достоверности оценки. Используемые способы придания подаваемой информации оттенка достоверности довольно просты, но и наиболее эффективны.

Представляется интересной оценка авторами другого учебника потери Киевом его исторической роли центра. В российских учебниках истории, как правило, утверждается, что Киев потерял свою значимость, но в украинских учебниках, наоборот – «Эта *огромная притягательность* Киева объясняется традициями его прошлого политического величия, а еще теми преимуществами, которые получал князь, завладевший киевским престолом. Так, в его руках оказывался крупнейший город Руси»¹⁰. Поэтому в Киеве не было собственной киевской династии князей. Киев приобретает *роль символа единства политической власти*.

Роль Киевской Руси на этом не исчерпывается. Период Киевской Руси – это первый «золотой век» украинской истории, героическое время. Князь Святослав, князь Владимир Святой, Ярослав Мудрый, Даниил Галицкий – все это герои истории эпохи Киевской

Руси. Они обладают важнейшими героическими качествами – патриотизмом, склонностью к реформаторству, дипломатичностью, религиозностью.

Говоря о религиозности как одном из важнейших героических качеств, стоит упомянуть и относительно недавние празднования 1020-летия Крещения Руси, проходившие на Украине в 2008 г. Президент Украины В. Ющенко 25 июля 2008 г. издал указ о том, что с 2009 г. день Крещения Руси должен праздноваться ежегодно, 28 июля, в день памяти святого равноапостольного князя Владимира¹¹. В официальном поздравлении по случаю дня Крещения Руси-Украины В. Ющенко отметил, что для украинцев этот день означает «соборность всех украинцев и всех украинских земель вокруг родной *государственной и духовной столицы – Киева*»¹². В связи с этим характерно и высказывание бывшего Президента Украины Л. Кравчука, назначенного главой Оргкомитета по подготовке празднования, в одном из интервью: «Сегодня нам выпал исторический долг: показать современному миру, что здесь, на нашей земле, когда-то произошло и развилось цивилизационное историческое событие»¹³. Не считая политико-религиозной подоплеку указа В. Ющенко (это решение стало продолжением политики украинского лидера по размежеванию с Русской православной церковью), введение практики празднования этого события является и символом преемственности Украины в отношении наследия Киевской Руси.

При нынешнем президенте Украины В. Януковиче, более дружелюбно настроенном по отношению к России, пока не произошла смена позиции в вопросе о совместном историческом прошлом. Оно все также продолжает свое не-существование в угоду эксклюзивному праву на наследие. Доказательство тому – вышедшее в 2010 г. в Киеве новое учебное пособие «История украинского права»¹⁴, одним из авторов которого является декан юридического факультета Киевского национального университета им. Тараса Шевченко И. Гриценко, известный своими радикальными националистическими идеями. По мнению авторов, в Киевской Руси не существовало «ни единого языка, ни единых традиций, обычаев, культуры и т. п.», вследствие чего «теория единой древнерусской народности терпит крах»¹⁵. Несмотря на то что авторов окрестили «русофобами», пособие было рекомендовано к использованию в высших учебных заведениях. Лишь через полтора месяца широкого общественного резонанса, в ноябре 2010 г., Министерство образования и науки Украины отозвало рекомендацию, а министр образования и науки Украины Д. Табачник сказал, что может только жалеть, что в его родном Киевском университете пишут подобные «абсолютно неосветные, с точки зрения неевропейских взглядов, неукраинской

правовой науки, вещи»¹⁶. Однако все же странно, что сначала подобный статус был присвоен.

Нельзя не упомянуть и дискуссии вокруг концепции нового школьного учебника истории в рамках работы мониторинговой группы под эгидой Украинского института национальной памяти¹⁷. При подготовке предложений по реформированию учебников первым тезисом был принят следующий: «В основу подготовки учебного курса по истории Украины должен быть положен территориальный принцип, согласно которому проявления социальной жизни всех без исключения сообществ на украинской территории – протоэтнических, этнических и национальных – должно трактовать как неотъемлемую составляющую истории Украины»¹⁸. Согласно этому тезису максимум, что может произойти при пересмотре позиции по наследию Киевской Руси, – то, что русские и белорусы будут рассматриваться как имеющие непосредственное, но не первоочередное и эксклюзивное отношение к наследию, так как именно территориальным принципом обосновывается право на него сейчас.

В заключение необходимо констатировать, что на настоящий момент совместное в историческом прошлом России и Украины является для украинских политиков не объединяющим, а разъединяющим фактором. Общая линия украинского политического руководства, на протяжении почти 20 лет направленная на разделение историй и формирование представления о русских как о «других», создала целое поколение тех, кто жил в условиях уже не братства, а опасного соседства. На наш взгляд, только проведение целенаправленной политики по сглаживанию острых политических и исторических углов способно создать хотя бы отдаленно напоминающее прошлое состояние взаимоотношений двух стран.

Примечания

- ¹ См.: Багдасарян В.Э., Абдулаев Э.Н., Клычников В.М., Ларионов А.Э., Морозов А.Ю., Орлов И.Б., Строганова С.М. Школьный учебник истории и государственная политика. М.: Научный эксперт, 2009.
- ² В XX в. критика концепции истории отдельного украинского народа нашла свое отражение в ряде работ отечественных авторов: И.А. Линниченко, А.М. Волконского, А.В. Стороженко, П.М. Богаевского, Т.Д. Флоринского, Б.М. Ляпунова. См.: Украинский сепаратизм в России: Идеология национального раскола / Вступ. ст. и коммент. М.Б. Смолина. М.: Москва, 1998; Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. М.: Индрик, 1996. С. 3–8, 236–278. Среди сов-

- ременных исследований следует особо выделить: *Смирнов А.* История Южной России. М.: Алгоритм, 2008.
- ³ URL: <http://www.politex.info/content/view/662/30/>
- ⁴ См., например: *Струкевич О.К., Романюк І.М., Пірус Т.П.* Історія України: Підруч. для 8-го кл. загальноосвіт. навч. закл. Київ: Грамота, 2008; *Струкевич О.К.* Історія України: Підруч. для 9-го кл. загальноосвіт. навч. закл. Київ: Грамота, 2009.
- ⁵ См.: *Грушевський М.* Звичайна схема «руської історії» і справа раціонального укладу історії східного слов'янства // Статті по славяноведенню / Под ред. В.И. Ламанского. СПб., 1904. Вып. 1.
- ⁶ МОНУ Інформус: Про вивчення історії у 2009/10 навчальному році // Історія та правознавство. 2009. № 22–24 (194–196). Серпень. С. 3.
- ⁷ См.: *Кучма Л.Д.* Украина – не Россия. М.: Время, 2003.
- ⁸ Цит. по: *Степанков В.С., Смолий В.А.* Історія України. Київ: Освіта, 1999. С. 9–10.
- ⁹ Там же. С. 11.
- ¹⁰ *Коляда І.А., Крилач К.І., Юренко С.П.* Історія України. Київ: Генеза, 2001. С. 185.
- ¹¹ URL: <http://www.president.gov.ua/documents/8138.html>
- ¹² URL: <http://news.liga.net/news/N0926830.html>
- ¹³ URL: <http://www.politua.su/sight/547.html>
- ¹⁴ Історія українського права: Посібн. / І.А. Безклубий, І.С. Гриценко, О.О. Шевченко та ін.; Київ: Грамота, 2010.
- ¹⁵ Там же. С. 33.
- ¹⁶ URL: http://books.clan.su/news/tabachnik_zaboroniv_posibnik_z_istoriji_v_jakomu_skazano_shho_rosijani_i_ukrajinci_rizni/2010-11-17-20
- ¹⁷ См.: Шкільна історія очима-істориків науковців: матеріали Робочої наради з моніторингу шкільних підручників історії України. URL: <http://www.memo.gov.ua/ua/479.htm>
- ¹⁸ Там же.

А.К. Межиева

ПОЛИТИКО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ
И ТЕХНОЛОГИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
АДМИНИСТРАЦИИ ПРЕЗИДЕНТА РФ
(2000–2008 гг.)

Анализируется процесс осуществления Администрацией Президента Российской Федерации своей политико-коммуникативной деятельности в период президентства В.В. Путина. Автор показывает, какие политические проекты и каким образом при ее поддержке создавались, какие применялись коммуникативные практики и технологии.

В ходе реформирования Администрации Президента деятельность Главного управления внутренней политики стала представлять собой одну из ключевых стратегических структур современной российской политики. Как представляется автору статьи, многие задачи государственного уровня решались не только за счет административного ресурса, но и с использованием политических PR-практик, в частности это подтверждают кадры, которые в Администрации Президента отвечали за политический блок и в своей предшествующей профессиональной карьере имеют большой PR-опыт.

Ключевые слова: Администрация Президента, политическое реформирование, политико-коммуникативные практики, PR-технологии, политическое управление.

Президенту РФ для реализации своих планов в деятельности государства необходимо создавать реально действующую структуру, способную сохранить и укрепить его власть. Прежде всего, такая структура должна быть эффективной в политической сфере деятельности государства, обладать реальным авторитетом и значимостью, активно вести в информационном поле политическую борьбу со всеми оппозиционными силами. Развитие сильной президентской власти в России вряд ли было бы возможным без

© Межиева А.К., 2012

такого важного и своеобразного явления в государственной жизни, как Администрация Президента РФ¹.

Можно сказать, что именно для усиления роли и политико-коммуникативного влияния Администрации Президента РФ было впервые создано в 1996 г. в ее структуре самостоятельное Управление по связям с общественностью, штат которого на 1998 г. составлял 33 единицы². При этом отдельно в Администрации Президента РФ существовало Управление пресс-службы, штатная численность которого составляла 36 единиц, что говорило о повышении внимания руководства Администрации к информационным и PR-технологиям в целом³.

Указом Президента РФ⁴ от 30 января 1999 г. Управление по связям с общественностью преобразовано в Управление по связям с общественностью и культуре. Возможно, данное преобразование было попыткой определения роли и места PR-структуры в подразделениях Администрации Президента РФ, ее предназначения и функций, которые, по всей видимости, на тот момент были ближе к тому, чем занимается Министерство культуры в Правительстве РФ. В 2000 г. Управление было расформировано, таким образом завершило свою работу отдельное подразделение в Администрации, занимающееся непосредственно PR, и связано оно было прежде всего с периодом президентства Б.Н. Ельцина и избирательной кампанией 1996 г.

Тем не менее с приходом к власти В.В. Путина нельзя сказать, что внимание к политическим PR-практикам ослабло. Скорее, наоборот. К 2000 г. стало ясно, что Администрация еще на тот момент исполняющего обязанности президента В.В. Путина после его избрания на должность президента неминуемо претерпит структурные и организационные изменения. Этого требовала политическая и экономическая ситуация в стране: стратегической необходимостью для новой Администрации Президента РФ являлось масштабное усиление ее политической активности в центре и в регионах.

В рамках очередного реформирования Администрации с приходом нового президента перед властью стояли иные цели и задачи. Использование политико-коммуникативных практик, как представляется, виделось уже в ином ключе – уже не столь в открытом, а скорее в завуалированном виде, что подтверждается наличием открытых и закрытых целей, активным использованием политических технологий, которые оттачивались годами. Данное утверждение находит свое отражение в Программе реформирования Администрации Президента РФ (ее ознакомительный вариант) от 2000 г.⁵

На документе, избранные места из которого журнал «Коммерсантъ-Власть» напечатал на своих страницах, нет подписи президента. Поэтому доподлинно неизвестно, был тогда одобрен он

или нет. Но важен уже сам факт разработки подобной Программы реформирования Администрации Президента РФ, постановки определенных актуальных на тот период проблем. Могут меняться названия структурных подразделений Администрации, их количество и внутренняя структура, но основной посыл программы, скорее всего, остался неизменным и был приведен в жизнь.

Более того, как указывается в документе, анализ деятельности Администрации Президента РФ Б.Н. Ельцина в период с 1991 по 1999 гг., убедительно доказывает, что наиболее результативной ее работа была тогда, когда она четко и уверенно решала политические вопросы внутри страны.

Политическую деятельность в новой Администрации Президента РФ, видимо, было решено выделять и усиливать. Вся деятельность Администрации Президента РФ в соответствии с ее официальными целями и задачами является на 90% политической. В путинской Администрации ошибки прежних лет были учтены, и таким образом деятельность всей Администрации была сконцентрирована на усилении ее политической активности.

Новые задачи, стоящие перед руководством страны с приходом В. Путина, были определены к 2000 г. исходя из следующего тезиса:

«Общественно-политическую ситуацию в России можно охарактеризовать как саморегулирующуюся и самоуправляемую. Новому Президенту Российской Федерации, если он хочет действительно обеспечить порядок и стабильность в стране на период своего правления, не нужна саморегулирующаяся политическая система, ему нужна политическая структура (орган) в составе своей Администрации, которая сможет не только прогнозировать и создавать “нужные” политические ситуации, но и реально управлять политическими и общественными процессами в Российской Федерации, а также в странах ближнего зарубежья».

Программа реформирования Администрации Президента РФ определяла стратегической необходимостью подключение Федеральной службы безопасности РФ и других спецслужб к деятельности Политического управления Президента РФ для установления нового, неординарного, жесткого и решительного подхода.

Данный подход выражался в том, что Администрация могла путем сбора и использования специальной информации (в частности, о ведении политической деятельности, о кадровом составе руководства организаций, источниках финансирования, финансово-хозяйственных и материально-технических базах, официальных и неофициальных контактах) оказывать влияние

на деятельность:

- политических партий и движений;
- общественных и политических лидеров федерального, регионального и местного уровней;
- средств массовой информации федерального, регионального и местного уровней;
- избирательных комиссий и их сотрудников.

Эта деятельность, исходя из поставленных задач, на наш взгляд, не могла быть осуществлена без использования политико-коммуникативных практик и технологий, поскольку разработчики Программы, помимо прочего, ставили себе задачу контролировать средства массовой информации и информационных коммуникаций. В рамках деятельности Политического управления Администрации Президента РФ исключительно важной была определена стратегическая тактика ведения «двойной» линии в построении своей работы – *открытой* (официальной) и *закрытой*.

Так называемая закрытая часть деятельности Политического управления предполагала влиять на формирование состава Государственной Думы РФ, на проведение дальнейших выборов Президента РФ по «нужному» сценарию, на деятельность региональных политических и финансовых элит, на различные электоральные (избирательные) группы российской общественности.

Политическое управление Администрации Президента РФ являлось своего рода механизмом по переработке политических информационных потоков и ставило перед собой следующие, не афишируемые, краткосрочные и долгосрочные задачи⁶:

- создание информационно-политического барьера между Президентом РФ и всем спектром оппозиционных сил Российской Федерации;
- ведение активной агитации и пропаганды по всей территории Российской Федерации в поддержку Президента РФ, если понадобится, Правительства РФ и проводимой ими политики;
- создание механизма политического и информационного противодействия оппозиционным силам на территории Российской Федерации;
- ведение постоянной информационно-политической работы в средствах массовой информации;
- ведение прямой политической контрпропаганды, целью которой является дискредитация оппозиционных политических лидеров и политических общественных организаций;
- проведение массовых общественных мероприятий (пикети-

- рование, митинги, конференции, шествия и др.);
- создание и ведение работы собственных СМИ и т. д.

Таким образом, Управление ставило себе целью действовать намного активнее и эффективнее оппозиции, в своих заявлениях должно было быть резче оппозиции, использовать более острые и сокрушительные факты. На любое заявление, направленное против руководства страны, проводимой им линии, немедленно должны были следовать действия представителей Политического управления Администрации Президента РФ. Эта конкретная деятельность Управления осуществлялась по двум основным направлениям – *упреждающая политическая акция* и *последующая (завершающая) политическая акция*. К упреждающим акциям относились все политические мероприятия (пикетирование, митинги, пресс-конференции и др.).

Этапность такой работы заключалась в следующем: в Управление поступает оперативная информация о намерении оппозиционных сил провести какое-либо политическое мероприятие. Управление осуществляет всю подготовительную работу и проводит свою акцию до акции, проводимой оппозицией, но в нужном президентской стороне «свете».

В программном документе приводится пример *упреждающей политической акции*⁷: «Какой-либо “деятель” оппозиции намеревается провести пресс-конференцию с темой, порочащей руководство страны или представителей президентских структур. Оперативная информация по теме предстоящей пресс-конференции и времени ее проведения поступает в Управление. Оно, в свою очередь, подготавливает и проводит аналогичную пресс-конференцию по этой же тематике, но на сутки или на несколько часов раньше, с аналогичной темой и материалами об оппозиционном лидере в дискредитирующем его свете, причем материалы должны преподноситься в сенсационном, высмеивающем и порочащем представителя оппозиции свете. Таким образом, когда сам оппозиционер начнет проводить свою пресс-конференцию, его заявления уже будут выглядеть смешно и неубедительно, они будут “размыты”. В обществе они будут восприниматься как заявления, сделанные со злобой, в отместку. А готовящаяся оппозиционная статья уже будет неактуальной и неинтересной, у нее должна быть отбита привилегия сенсационности и первозаявительства».

Таким образом, Управление могло дать знак любому лидеру оппозиции, что как только он выльет поток грязи в адрес президента, он сам неотвратимо попадет под такой же поток.

В соответствии с программой реформирования Администрации также было запланировано создание специального Политического совета при Президенте РФ для того, чтобы планомерно

«выбивать» оппозиционных лидеров из борьбы и предоставить право вести политические словесные и разоблачительные «перепалки» с оппозиционерами не сотрудникам Администрации Президента РФ, а таким же политикам – «крикунам», входящим в Политический совет, но играющим по конкретным «сценариям», разрабатываемым в Управлении внутренней политики Администрации Президента РФ⁸. На наш взгляд, данную функцию могла выполнять созданная уже в 2005 г. Общественная палата Российской Федерации, имеющая в своем составе 126 избранных общественных деятелей, из которых первые 42 члена выбираются Президентом РФ.

К 2008 г. деятельность Управления внутренней политики стала более профессиональной, «отработанной» в разных политических ситуациях, в частности в предвыборных кампаниях президента, и по-прежнему представляет собой одну из самых ключевых стратегических структур современной российской политики.

В связи с этим представляется необходимым отметить, что курированием политического блока в Администрации в соответствии с официальным сайтом Кремля занимался В.Ю. Сурков, назначенный в 1999 г. на пост заместителя главы Администрации Президента РФ А.С. Волошина.

Еще до Администрации Президента РФ В. Сурков, как указано в его биографии на официальном сайте Президента РФ⁹, работал на руководящих постах в банке «Менатеп», руководителем Департамента по связям с общественностью ЗАО «Роспром», затем первым заместителем председателя Совета Коммерческого инновационного банка «Альфа-Банк», в 1998–1999 гг. – первым заместителем генерального директора, директором по связям с общественностью ОАО «Общественное российское телевидение» (Первый канал). Как ясно из биографии, фигура В.Ю. Суркова тесно связана с деятельностью в области PR-практики.

С самого начала своей деятельности в Администрации Президента РФ В.Ю. Сурков обладал большим административным ресурсом и отвечал за работу одного из мощнейших управлений, оказывающих влияние на политические процессы в стране. От того, какую линию в стратегическом направлении деятельности избирало Управление, зависела и судьба президента.

Нужно отметить, что Администрация Президента РФ достаточно часто претерпевала кадровые перестановки. Связано это было с постоянным столкновением интересов и позиций разных политических сил. Чтобы в полной мере обладать ресурсом влияния, необходимо иметь «своих» людей на ключевых позициях.

Как отмечает А.А. Мухин¹⁰, для ведения «информационных

войн» Администрации Президента РФ понадобился целый набор специальных инструментов, в частности система «нюсмейкеров», действующая в рамках экспертного сообщества.

Создание системы «нюсмейкеров» (или «говорящих голов»), как отмечает А.А. Мухин, представляет собой ключевой этап в процессе формирования единого пропагандистского информационного поля в поддержку политического курса главы государства. Речь идет о создании невидимой для стороннего наблюдателя прослойки лиц, формирующих своими высказываниями и комментариями ведущих событий в стране общественное мнение в соответствии с заранее выработанными установками, полученными из Администрации Президента РФ, а конкретнее – из Главного управления внутренней политики.

Для того чтобы система «нюсмейкеров» работала эффективно, как отмечает А.А. Мухин, необходимо выполнение следующих условий¹¹:

- наличие единого «мозгового центра», координирующего работу нюсмейкеров, в том числе – и в области обеспечения соответствующих договоренностей и контактов со СМИ;
- избегание нюсмейкерами безоговорочного одобрения курса Президента России: критика мелочей и поддержка в основном, но по-разному;
- «работа на опережение»: нюсмейкеры должны не только комментировать решения главы государства задним числом, но и готовить для них почву заранее.

Таким образом, «нюсмейкер должен обязательно удовлетворять трем основным требованиям, в порядке убывания: лояльность, умение говорить, статусность. Основным мотивом для них является возможность рекламы своего имени в СМИ. Возможно также использование так называемых черных нюсмейкеров, когда инициативы оппозиции сопровождаются благоприятным комментарием специально подобранных лиц, чей фототип или репутация вызывают отторжение у значительной части избирателей»¹².

До 2011 г. Управление внутренней политики в Администрации Президента РФ Д.А. Медведева возглавлял О.М. Говорун. Известно, что в 1997–1998 гг. он работал с В.Ю. Сурковым в «Альфа-Банке»¹³.

В июле 2000 г. О. Говорун был назначен первым заместителем начальника Главного территориального управления Администрации Президента РФ. Впоследствии отмечалось, что В. Сурков за годы работы в Администрации сформировал «своего рода пул эффективных политических менеджеров, отвечающих за те или иные направления внутренней политики», и О. Говорун в этом пуле был

ответственным «за работу с территориями»¹⁴. Среди достижений О. Говоруна на этом посту называлась «успешная апробация новой системы назначения глав субъектов РФ и смешанной системы выборов в региональные парламенты».

Информация о департаментах Управления внутренней политики на сегодняшний день официально нигде не опубликована, в том числе ее нет и на официальном сайте Президента РФ. Как стало известно, непосредственно за PR в структуре Управления по внутренней политике отвечает департамент гуманитарной политики и общественных связей, хотя бы исходя из его названия. В апреле 2009 г. этот департамент возглавил И. Демидов, известный как автор и ведущий еженедельной программы 1990-х годов «Музыкальный обоз», ставшей первой «массово-народной» информационно-музыкальной программой на российском телевидении, он работал в «Молодой гвардии “Единой России”», где занимал должность главного идеолога, и в центральном аппарате «Единой России»¹⁵.

Таким образом, в деятельности Управления по внутренней политике Администрации Президента РФ за 8 лет президентства В.В. Путина многие задачи государственного уровня решались не только за счет административного ресурса, но и с использованием политических информационно-коммуникативных тактик и технологий. Это демонстрируют, в частности, кадровый состав, отвечающий за политический блок Администрации, в своей профессиональной карьере уже имеющий за спиной большой PR-опыт, а также направления деятельности и задачи, которые решались Администрацией в борьбе с оппозиционными силами, по удержанию власти, обеспечению и сохранению авторитета и доверия Президенту РФ.

Примечания

- ¹ См.: *Рецкова О.И.* Администрация Президента РФ: 1991–1997 гг. (по опубликованным источникам). М., 1998. С. 6.
- ² См.: О мерах по совершенствованию структуры Администрации Президента РФ. Указ Президента РФ от 12 февраля 1998 г. № 162 / [Электрон. ресурс]: URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_72618.html (дата обращения: 27.03.2009).
- ³ Там же. URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_72618.html (дата обращения: 27.03.2009).
- ⁴ Указ Президента РФ от 30 января 1999 г., № 163. См.: <http://www.infozakon.ru>
- ⁵ См.: Редакция № 6. [Электронный ресурс]: Коммерсантъ-Власть № 18 от

А.К. Межиева

09.05.2000. – Проект реформы Администрации Президента РФ, 04.05.2000. URL: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=16875> (дата обращения: 14.04.2009).

⁶ См.: Информационная борьба с оппозицией: Политическое Управление Администрации Президента // Редакция № 6. [Электрон. ресурс]: Коммерсантъ-Власть № 18 от 09.05.2000. – Проект реформы Администрации Президента РФ, 04.05.2000. URL: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=16875> (дата обращения: 14.04.2009).

⁷ Там же. URL: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=16875> (дата обращения 14.04.2009).

⁸ Редакция № 6. [Электрон. ресурс]: Коммерсантъ-Власть № 18 от 09.05.2000. – Проект реформы Администрации Президента РФ, 04.05.2000. URL: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=16875> (дата обращения: 14.04.2009).

⁹ В.Ю. Сурков – заместитель главы Администрации Президента РФ. [Электрон. ресурс]: Официальный сайт Президента РФ. URL: http://2004.kremlin.ru/state_subj/27815.shtml (дата обращения: 27.03.2009).

¹⁰ См.: *Мухин А.А.* Кремлевское дзюдо «под ковром»: новые виды политических единоборств. М.: Центр политической информации, 2004. С. 126.

¹¹ Там же. С. 128.

¹² Там же.

¹³ См.: Информационный портал Лента.ру. URL: <http://www.lenta.ru/lib/14189798/> (дата обращения: 10.04.2009).

¹⁴ См.: Говорящая фамилия // Профиль. 2006. № 11. 27 марта.

¹⁵ Там же.

О.А. Пичугина

ПЕРФОРМАНС В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье обсуждается проблематика использования технологии перформанса (шоу) в процессе общественно-политического дискурса в Российской Федерации. Перформанс, который понимается здесь прежде всего как интерактивная дискурсивная практика, основанная на создании культурной идентичности акторов и зрителей и высокой степени присоединения или подстройки, представлен как одна из наиболее активно используемых политических PR-технологий в последние десятилетия XX в. и в первое – XXI в. Освещается вопрос коммуникативных смыслов социально-политического перформанса, этапов проведения и организации, процесса эволюции практики в России и его трансформации с учетом развития социальных медиа.

Ключевые слова: перформанс, шоу-дискус, присоединение, интерактивность, Web 2.0, театральность.

Особенность политической жизни XX в. породила новый тип общественно-политического взаимодействия, который можно охарактеризовать как спектакль. Публичность политики, публичность представителей власти и политических организаций привела к тому, что сама суть политического утрачивает свои исторические и временные начала и сегодня является технологически хорошо поставленным представлением. Организация такого спектакля, или трансформация возникающих явлений в спектакль, повышает степень интеграции политической сферы с социальной, экономической, культурной, религиозной. Исследователи и аналитики, в частности С.Г. Кара-Мурза, отмечают, что ценность театральности для власти в том, что человек, погруженный в спек-

такль, утрачивает способность к критическому анализу и выходит из режима продуктивного диалога¹.

Последние десятилетия в российской прессе для описания или анализа тех или иных политических явлений прочно используются такие сочетания, как *закулисная борьба, политическая арена, политическая сцена, политический сценарий, выходить на авансцену, политический трюк, политические маски, работники политической сцены, на подмостках российской политики, политарена, полит-стриптиз*². В 1971 г. Ги Дебор писал о возникновении «общества спектакля», в котором человек превратился в зрителя, способного наблюдать за общественно-политической сценой и таким образом теряющего возможность отличить реальность происходящего от иллюзорности. В одноименной работе «Общество спектакля» он отмечает, что в обществах, достигших современного уровня развития, вся жизнь проявляется как огромное нагромождение спектаклей и все явления, которые ранее переживались непосредственно, отныне оттеснены в представление³.

Под влиянием этих идей в конце XX в. также появились понятия шоу-политики и политического перформанса: все, что становилось публичным – имело атрибуты драматургии в силу возникновения необходимости постоянного привлечения внимания аудитории к тем или иным событиям, что влекло за собой замену необходимости непосредственного самостоятельного участия аудитории в том или ином процессе на участие пассивное, вынужденное, с заранее прописанным сценарием. Для организации коммуникации власти с обществом, а также для продвижения идеи и формирования имиджа политиков активно используется структура PR-дискурса, которая во многом сродни технологиям, применяемым в шоу-бизнесе, и направлена на метальный дизайн сознания аудитории в соответствии с поставленной коммуникативной целью и задачами. По мнению О. Русаковой, такая структура носит название «*актуальный план дискурса*», или «*перформанс*» – процессуальный коммуникативный акт, непосредственная, живая дискурсивная практика, включающая применение вербальных и невербальных форм общения⁴. В ходе перформанса происходит действие или шоу, напоминающее театральные спектакль, в котором присутствуют как элементы режиссуры, так и моменты импровизации, спонтанного поведения, но которое также является частью общего сценарного плана. Благодаря «перформансной» модели осуществляется контакт между участниками коммуникации, в процессе которого происходит кодирование и декодирование знаковых символов, представленных в текстах, речах, жестах, позах, кинетике, звуках и образах. Перформанс превращает коммуникативный процесс «власть–общество» в шоу,

спектакль благодаря наличию атрибутов шоу: *вовлечение адресата в коммуникацию, заражение адресата идеями и чувствами, убеждение, внушение, отклики, воспоминания и вторичные образы шоу (через запечатление в текстовых и электронных форматах и дальнейшее их цитирование и распространение)*⁵. «Перформансная» модель в политических коммуникациях предполагает интерактивность, которая не всегда присуща традиционному театру, однако в современном обществе и в современной культуре стала неотъемлемой частью шоу-бизнеса, а также применяется в новых видах театрального искусства.

Само значение термина «перформанс», прежде всего, относится к сфере культуры, однако четкие функциональные рамки перформанса на сегодняшний день не выделяются: направление ли это или вид, жанр искусства. Одно из определений перформанса следующим образом трактует это понятие: перформанс – одна из форм искусства действия; состоит в исполнении определенных, заранее спланированных действий перед собравшейся публикой; позволяет в эфемерных событиях воплощать художественные идеи, не прибегая к их пластической фиксации. Лишая зрителя дистанции по отношению к искусству, акции не просто интенсифицируют эстетическое переживание, но и ставят зрителя перед необходимостью заново определять и формулировать систему взаимоотношений с искусством⁶. Согласно такой трактовке *сам результат действия имеет меньшее значение, чем процесс действия*, – это понимание является одним из базовых для анализа сути социально-политических отношений, в основе которых лежит перформанс. Перформанс в трактовке коммуникативной теории объединяет различные типы социально-культурного коллективного взаимодействия. Самое общее и простое определение анализируемому в статье явлению дает Р. Шехнер: в его представлении перформанс является действием одного человека или группы перед другим человеком или группой⁷.

Актуальный план дискурса открывает широкие возможности для организации взаимодействия, создания сопричастности, совместности, или иллюзии этих процессов. Профессор Йельского университета Д. Александер отмечает, что для создания эффективного социально-политического перформанса необходима практически полная культурная идентичность акторов и зрителей или высокая степень присоединения (англ. *fuse* и *re-fuse*), что в итоге приводит к созданию плотных культурных и эмоциональных связей с аудиторией⁸. Перформанс терпит неудачу, когда процесс присоединения является неполным: элементы действия остаются обособленными, совершаемые действия кажутся недостоверными

или искусственными, они не в состоянии заинтересовать аудиторию и убедить в значимости отправляемого сообщения. Присоединение позволяет авторам общаться с аудиторией на одном языке, эффективно пропагандируя собственные интересы. Актор является столь же реалистичным, как и зритель: он фактически присутствует в зрительской социально-культурной среде. Очевидно, что перформанс в своем традиционном воплощении имеет под собой ритуальное начало. Так, в представлении Д. Александера, ритуалы – это эпизоды повторяющегося и упрощенного культурного обмена, где партнеры, прямо участвующие в культурном взаимодействии, и те, кто просто наблюдает за этим, разделяют общую веру в описываемую и предписываемую силу символического содержания культурного обмена и не сомневаются в истинности намерений друг друга⁹. Присоединение создает подобные ритуалу эффекты, которые становятся основой сложных социальных систем. Еще одна характерная черта «перформансной» политической коммуникации – опосредованность в этом ракурсе не является определяющей – она не препятствует интеграции ценностей и идей. В ритуальном плане одним из ключевых структурных элементов социально-политического перформанса является катексис (cathexis)¹⁰ – в широком смысле яркая эмоция, которую может вызвать любой объект или символ, небезразличные аудитории и связанные с контекстом той среды, в которой эта аудитория пребывает. Катексис должен находить свое отражение в текстах, речах и иных способах презентации авторов.

Создание эмоции является основой для применения перформанса в маркетинговых целях. Так, Б. Шмитт отмечает следующие характеристики перформанса: развлечение, увлекательность, разрушение стереотипов, создание ценностей¹¹. Данные характеристики обусловлены единовременным использованием атрибутов вербальной, невербальной, визуальной коммуникации при создании единого коммуникативного пространства.

Высокая эффективность перформанса зависит от качества процесса его организации. В процессе организации перформанса можно выделить несколько стадий¹²:

1. *Подготовка (сценарирование, режиссура)*. Данная стадия характеризуется выработкой различных стратегий будущего перформанса: ролевое распределение, визуализация, интерактивность, разработка сценария и текстов.

2. *Перформанс*. Стадия включает в себя предварительный «разогрев» публики, представление всех участников, открытие интерактивного канала, «поощрение» зрителей. Именно на стадии проведения перформанса важно учитывать описанное выше явление присоединения и возможность управлять им в этом процессе.

3. *Выход из перформанса.* Публикации и иные способы распространения информации, сбор откликов, проведение исследований.

4. *Интеграция в культурную среду.* Сохранение и тиражирование информации.

На сегодняшний день организаторы шоу активно используют не только традиционный средовой контекст (телевизионные шоу и реалити-шоу, «горячие линии», выездные шоу на местах, обращения через СМИ), но и возможности глобального информационного пространства и средства Web 2.0: сайты, текстовые и видеоблоги, подкасты, микроблоги и социальные сети. При этом Интернет не исключает использования всех остальных ресурсов. В России, где целевая аудитория политической власти является весьма широкой и различной по материальному и социальному статусу, наибольший эффект дает сочетание как возможностей Интернета, так и традиционных шоу-площадок. Вышеперечисленные составные части и стадии организации применимы ко всем типам и видам социально-политических перформансов, лишь смысловые и символические части различаются в зависимости от аудитории и социально-культурной среды. В этом смысле современная Россия обладает особым социокультурным контекстом, связанным с политическими, экономическими и социальными переменами, происходящими в стране с конца прошлого века. Режиссер А. Гельман отмечает, что Россия с 90-х годов XX в. была обречена на ярко выраженную театрализацию власти¹³. Одной из основных причин театрализации явилось состояние «развала», при котором основной задачей власти стало удержание внимания аудитории при отсутствии каких-либо позитивных результатов действий власти. По сути, именно в этот период была заложена основа новой театрализованной общественно-политической системы России, которая активно развивается и сегодня, используя новые технологии и различные методы присоединения к аудитории.

Исследователи связывают начало открытой демонстрации перформанса в России, основанного на технологиях шоу-бизнеса, с периодом перестройки и появлением на политической арене Б.Н. Ельцина¹⁴. Изначально перформансные технологии использовались в открытой оппозиции к действующей политической власти, позднее – в предвыборной конкуренции и личном продвижении политиков. Так, в 1996 г. была организована самая масштабная в истории страны предвыборная кампания Б.Н. Ельцина «Голосуй или проиграешь!», нацеленная на привлечение молодежи к участию в выборах. Акторами выступали популярные молодежные группы: «Сплин», «Агата Кристи», «Мальчишник», «Алиса», «Кар-Мэн» и др. В поддержку кампании выпускались музыкальные альбомы,

видеоклипы, под проект был создан музыкальный телеканал «Муз-ТВ». Однако кампания не носила самостоятельный характер и являлась российской версией кампании Б. Клинтона в США 1992 г. под лозунгом «Choose or Loose!».

Перформансы начала в общественно-политических отношениях присутствовали и в СССР, но в совершенно иной форме репрезентации. Ярким примером являются транслируемые по телевидению заседания ЦК КПСС, организация парадов и демонстраций, новогодние обращения главы государства, позднее – различные формы демонстрации неполитической жизни главы государства, например прогулка М.С. Горбачева с супругой по Невскому проспекту, которая, благодаря телетрансляции, стала знаковым мировым событием. Вместе с тем именно в России после перестройки технологии перформанса стали использоваться особенно активно. Логично, на мой взгляд, выделить ряд существенных аспектов, оказавших влияние на этот процесс.

1. Россия в начальный период демократизации активно перенимала западный опыт общественно-политического дискурса, в частности американской модели, которая, будучи достаточно агрессивной, преследовала цели развития гражданского политического участия в стране, подтверждения власти и национальных символов путем регулярных обращений главы государства к гражданам, привлечения звезд шоу-бизнеса к участию в предвыборных кампаниях, активной демонстрации неполитической жизни главы государства, участия членов семьи в общественно-политическом дискурсе наравне с действующими политиками, а также использования шоу-технологий в проведение процесса выборов главы государства.

2. Как уже отмечалось выше, на этапе перестройки иные методы привлечения внимания аудитории, кроме технологий организации перформанса, отсутствовали, так как отсутствовали позитивные результаты реформирования. Внимание аудитории можно было привлечь только действиями, которые напрямую не были связаны с политической ситуацией в стране. Зачастую контентная составляющая перформанса, инициированного как политиками, так и гражданами, носила скандальный, вызывающий характер. Позднее скандальность отошла на второй план, но сегодня мы можем наблюдать возвращение подобного содержания шоу (пример тому – последние акции «Мне реально нравится Путин», «Разденусь за Медведева», акция «Белые фартуки»).

3. Свое влияние на процесс активного применения перформанса в политической жизни оказало развитие СМК. Театрализованность политического дискурса в значительной степени связана с тем,

что общество воспринимает политику через популярные носители информации. Появилась необходимость работать на публику и, следовательно, над своим публичным имиджем. Средства массовой информации концентрируют внимание на наиболее драматических событиях и действиях, значительно обедняя и упрощая действительное положение вещей. Так освещение избирательных кампаний зачастую ограничивается сообщениями о том, где кандидат находится и перед кем он выступает. Для репортеров эти речи дают мало нового материала. Обвинения и контробвинения, предъявляемые друг другу кандидатами, носят более драматический характер, и они более привлекательны для передачи через средства массовой информации¹⁵. Политическая предвыборная борьба строилась не только на основе программ кандидата, но и на основе использования особенностей личности каждого, четкого распределения ролей. Появилась дифференциация целевых групп избирателей, для каждой из которой необходимо было производить подбор методов воздействия.

Форматы перформанса различаются по своей специфике и функциям и зависят как от сообщения, которое необходимо передать аудитории, так и от контекста среды. Особое место здесь занимает интеграция презентации действия того или иного политика в иное происходящее событие, что на сегодняшний день является одной из самых используемых практик. Так, например, в 2010 г. премьер-министр В.В. Путин участвовал в тушении пожаров совместно с МЧС (интеграция в ситуацию с аномальной жарой и пожарами на территории России летом 2010 г.), а также совершил автопробег на автомобиле «Лада-Калина» спортивной модификации (интеграция в ситуацию выпуска нового модельного ряда автомобиля «Калина»). Медиа в перформансе выполняют двойную функцию: они могут выступать и как транслятор концепции и идеи перформанса на стадиях подготовки и выхода, и как самостоятельная площадка для организации перформанса. Например, с 1997 по 2010 г. канал ТВ Центр являлся основной шоу-площадкой для мэра столицы (программа «Лицом к городу» с участием экс-мэра Ю.М. Лужкова).

Сегодня важную коммуникативную роль играет Интернет и в особенности сервисы Web 2.0: как социальные сети, блоги и микроблоги. В России эти сервисы имеют ярко выраженную социально-политическую традицию. Блоги и микроблоги обладают повышенной степенью интерактивности, что добавляет перформансу элементы дискуссии и повышает уровень сопричастности. В сети Интернет степень вовлеченности всех участников перформанса в его организацию и проведение очень высока.

На сегодняшний день можно выделить следующие тенденции интеграции перформанса в интернет-среду:

1. Непосредственное проведение перформанса онлайн (в режиме реального времени, часто с возможностью сохранения информации).

В рамках такой организации перформанса важную роль играет текст, так как визуальная составляющая даже если и представлена, то может быть искажена в силу технических особенностей организации процесса. Текст в данном случае отвечает следующим минимальным требованиям:

- сообщения четко сформулированы;
- сообщения достаточно короткие (например, для микроблогов максимальная длина сообщения составляет 140 символов);
- сообщения должны быть написаны на языке аудитории;
- сообщения должны соответствовать имиджу их автора.

В конце августа 2010 г. на заседании Государственного совета РФ под председательством Президента РФ Д.А. Медведева между некоторыми участниками – действующими губернаторами – развернулась переписка в популярном сервисе микроблогов Twitter, которая не имела прямого отношения к тематике заседания, но тем не менее за ее ходом наблюдали не только многочисленные пользователи ресурса, но и другие активные пользователи Интернета в России. Данный перформанс интересен тем, что был интегрирован в другое событие (заседание Государственного совета), которое также происходило в реальном времени, но вне виртуального пространства и было ориентировано на интегрированную (обязательную) аудиторию.

2. Переход из виртуальной среды в реальную среду.

Такой тип организации и проведения перформанса, как правило, является свойственным для оппозиционных и протестных акций. Наиболее популярным ресурсом здесь являются блоги, в частности ставший одной из основных площадок для обсуждения социально-политических проблем сервис Livejournal.com. Процесс организации может иметь следующий алгоритм: появление сообщения, призывающего к протесту или борьбе с актуальными социально-политическими явлениями – вывод сообщения в топ рейтинга сервиса или появления информации на главной странице – создание тематического сообщества по подготовке акции – проведение акции в оффлайн-режиме. Так, в блогах были организованы масштабные оппозиционные политические акции по борьбе с использованием специализированных маячков на автомобилях представителей власти в личных целях – «Синие ведерки». В 2011 г. борцы за права сексуальных меньшинств, помимо акции в центре Москвы, устраи-

вали акции и в блогах, публикуя содержательные тексты и обращения к политической элите страны.

3. Переход из реальной среды в виртуальную.

Пользователи социальных медиа первыми реагируют на любое проведенное в реальном пространстве событие: текст и фотоотчеты появляются сначала в Интернете, а потом транслируются в телевизионных новостях и публикуются в газетах. В первую очередь это необходимо использовать не только для сохранения и распространения информации о перформансе, но и для обмена мнениями, впечатлениями и сбора инициатив для проведения нового перформанса.

Интеграция перформанса в интернет-пространство внесла серьезные изменения в политическую коммуникацию: легитимация решений через разыгрываемый публичный спектакль дополнилась стратегией «создания иллюзии доступности контакта, что по своей сути снимает ощущение удаленности политика»¹⁶.

Таким образом, перформанс в общественно-политическом дискурсе в России играет одну из ключевых ролей, определяя и сам характер взаимодействия власти и общества: создание иллюзии взаимного интереса, сопричастности, а также является одним из эффективных способов привлечь внимание к тем или иным сообщениям, идеям, действиями. Более того, из политической технологии перформанс превращается в самостоятельное социально-политическое явление, которое укрепилось в современной социально-политической коммуникативной практике в силу постоянного спроса на различные впечатления и переживания, в том числе и совместные. Эта особенность перформанса и стала основой его постоянной актуальности.

Примечания

- ¹ См.: *Кара-Мурза С.Г.* Манипуляция сознанием. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.kara-murza.ru/manipul.htm>
- ² См.: *Григорьева О.Н.* Политический театр современной России (Взгляд филолога) // Электронный журнал IREX «Полемика» № 9. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.irex.ru/press/pub/polemika/09/gri/>
- ³ См.: *Дебор Г.Э.* Общество спектакля. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://avtonom.org/old/lib/theory/debord/society_of_spectacle.html
- ⁴ См.: *Русакова О.Ф., Русаков В.М.* PR-дискурс: теоретико-методологический анализ. Екатеринбург: УрО РАН, Ин-т междунар. связей, 2008. С. 136.
- ⁵ Там же. С. 139.

О.А. Пичугина

- ⁶ См.: *Бобринская Е. А.* Концептуализм. М.: Галарт, 1994. С. 53.
- ⁷ См.: *Почепцов Г.Г.* Теория коммуникаций. М.: Рефл Бук, 1999. С. 332–333.
- ⁸ См.: *Alexander J.C.* Social Performance: Cultural Action, Cultural Pragmatics and Ritual. Cambridge: Univ. Press, 2006. P. 32.
- ⁹ Ibid. P. 36–37.
- ¹⁰ См.: Большой психологический словарь/ Под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. М.: АСТ Москва; Прайм-Еврознак, 2009.
- ¹¹ См.: *Шмитт Б., Роджерс Д., Вроцос К.* Бизнес в стиле шоу: Маркетинг в культуре впечатлений. М.: Вильямс, 2005. С. 10.
- ¹² Материал подготовлен по: *Русакова О.Ф., Русаков В.М.* Указ. соч. С. 145; *Шумович А.* Великолепные мероприятия. М.: Манн, Иванов, Фербер, 2007. С. 37.
- ¹³ См.: *Гельман А.* Политика как театр. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://gazeta.lenta.ru/naedine/25-06-1999_theatre.htm
- ¹⁴ См.: *Кара-Мурза С.Г.* Указ. соч.
- ¹⁵ См.: *Гаджиев К.С.* Введение в политическую науку: Учеб. для высших учебных заведений. 2-е изд., перераб. и доп.. М.: Изд. корпорация «Логос», 1999.
- ¹⁶ *Lefort C.* The Political Forms of Modern Society: Bureaucracy, Democracy, Totalitarianism. Oxford: Polity Press, 1978. P. 228.

ТЕХНОЛОГИИ СОВМЕСТНОСТИ: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ СУТИ ТЕРМИНА «ФАБРИКА МЫСЛИ»

В статье рассматриваются информационно-коммуникативный, социальный и антропологический аспекты политической науки, которые находят свое проявление в форме институционализации экспертного знания, именуемой «фабрика мысли». Исторически обусловленное существование двух альтернативных концепций политического и социального развития – концепции мультикультурализма и концепции «плавильного котла» – обусловило появление целого спектра вопросов, имеющих два альтернативных решения.

Одним из наиболее актуальных вопросов современности, связанных с данным противостоянием, является вопрос о формировании экспертных политических сообществ в различных странах и принятии определенной модели «фабрики мысли» как их основного структурирующего элемента.

В статье делается попытка сравнить два доминирующих подхода к заимствованию американского прототипа фабрик мысли, один из которых основан на традиционалистском восприятии фабрик мысли и представлен работами Дж. Мак-Гана, в то время как другой связан с мультимодельным подходом – его сторонником является исследовательница Лили Ванг.

Ключевые слова: мультикультурализм, «плавильный котел», «фабрика мысли», мультимодельный подход, экспертное сообщество.

В конце XX в. одной из концепций, получившей широкое признание в политическом сообществе, стала концепция мультикультурализма. Мультикультурализм – это комплекс идейно обоснованных политических действий, направленных на развитие и сохранение на локальном или глобальном уровне культурных различий, которые характерны для проживающих там этнических и культурных групп.

Концепция мультикультурализма¹ часто противопоставляется концепции «плавильного котла»², предполагающей максимальную универсализацию всех культурных различий и создание единой концепции жизни для всех жителей конкретного региона.

Обе концепции имеют одновременно позитивные и негативные примеры реализации. В качестве позитивных примеров чаще всего приводятся ЕС и США.

В случае ЕС государства объединились для создания универсальной, удобной для всех членов системы политических и экономических отношений, которая, однако, не предусматривает отказа от традиций и уникального культурного наследия каждой из стран.

Пример США является гораздо более радикальным, так как в основе концепции «плавильного котла» лежали колониальное прошлое региона и гражданская война, фактически уничтожившие старое культурное наследие будущих американцев.

Однажды сложившись, обе концепции заняли агрессивные позиции по отношению друг к другу, что было обусловлено их сутью – той системой отношений, которую они в себе несли. Во многом благодаря данному противостоянию была создана экспансивная тенденция, ставшая основой внешней политики сторонников обеих концепций. Получили распространение, в частности, такие термины, как «американизация», «глобализация», «политическая интеграция» и др.

По мере развития системы международных отношений, концепции мультикультурализма и «плавильного котла» нашли свое отражение в различных сферах социальной, политической и экономической жизни современного общества. Одним из направлений, в которых противостояние сохраняется и набирает силу, является направление политического анализа и политической экспертизы.

Усложнение системы политических отношений и усиление глобализационных процессов все больше увеличивали роль экспертного сообщества – конгломерата людей, обладающих специализированным знанием об отдельных аспектах политических отношений, взаимодействующих по сетевому принципу. Работа с экспертными сообществами и саморазвитие участников данных сообществ требовали определенного институционального объединения и систематизации взаимодействия. Данные тенденции возникли еще в начале XX в., однако их глубокое осознание и конкретные шаги начались только в 50-е годы. Первопроходцами в данном направлении стали американцы, создавшие после войны первую «фабрику мысли» – корпорацию RAND. В основе деятельности данного учреждения должен был находиться союз ученых различных специальностей, работающих на пользу американского

народа и правительства Соединенных Штатов. Постепенно новая модель организации исследований получила признание и была многократно повторена. «Фабрики мысли» действовали при политических партиях, правительстве, сенате, университетах, а также были инициированы частными людьми – выходцами из политики и бизнеса. К середине 60-х годов для американских исследователей стали очевидны те несколько ключевых принципов, которые делали институциональный тип «фабрики мысли» эффективным. К ним были отнесены политическая и финансовая независимость, свобода в исследовательском самоопределении и влияние на процесс принятия решений. Конечно, не все американские «фабрики мысли» обладали данными качествами, однако был создан определенный национальный эталон, полностью соответствующий основному принципу «плавильного котла» – гомогенизации.

В 70-е годы начался процесс воссоздания американских «фабрик мысли» за рубежом: в Японии, Австралии и Европе. Затем постепенно организации, называвшиеся «фабриками мысли», стали создаваться на постсоветском пространстве и в Китайской Народной Республике. Начало данного периода приходится на 90-е годы, продолжается он и сегодня.

По мере расширения ареала использования термина «фабрика мысли», начинается активное переосмысление его значения. Переосмысление было неизбежно по причине отличия систем, заимствовавших институциональный тип, от системы, его создавшей. Среди причин, приведших к метаморфозе «фабрик мысли», можно назвать иную партийную систему, иной политический режим, иной уровень развития политических институтов и, что особенно важно, иную культуру реципиентов.

Именно отличие культур заставляет вспомнить об идее мультикультурализма, когда мы обращаемся к рассмотрению «фабрик мысли» в международном формате. Концепция мультикультурализма применительно к «фабрикам мысли» используется в ограниченном формате. Скорее ее уместно назвать мультимодельным подходом³.

Мультимодельный подход в отличие от традиционалистского⁴ (предлагаемого такими авторами, как Д. Макган, К. Вейвер и др., и заключающегося в рассмотрении американской модели как «чистой», т. е. не отягченной национальной спецификой и применимой к любой системе в неизменном виде) позволяет воспринимать «фабрики мысли» не как проводников американских интересов и идеологии, а как своеобразные аналитические организации, имеющие не только институциональную, но и региональную и национальную специфику. Формирование мультимодельного подхода к изучению

неоинституциональной структуры «фабрик мысли» позволяет привнести новое видение в изучение данного вопроса.

Можно констатировать фундаментальную взаимосвязь таких параметров, как структура аналитических центров, их информационный потенциал и достоверность рекомендаций, с одной стороны, и качество решений, принимаемых правительственными и общественными структурами в области публичной политики, – с другой. Качество информационных услуг, предоставляемых «фабриками мысли», находится в прямой корреляции от их независимости, конкурентности, вариативности подходов (которые в свою очередь детерминированы организационными схемами и управленческими технологиями) и от национальной специфики, делающей институциональную структуру «фабрики мысли» органично встроенной в систему разработки и принятия политических решений.

Нельзя однозначно заявлять, что идея мультимодельного подхода нова и ранее не существовала в политической науке. Скорее следует заметить, что она пока не получила значимого резонанса, так как испытывает сильное противодействие со стороны классического традиционалистского подхода, основанного на теории «плавильного котла». Также характерно, что фактическими сторонниками мультимодельного подхода выступают представители научных сообществ развивающихся стран, в частности Китая.

Для более детального определения сути концепций обратимся к конкретным примерам: подходам Джеймса Дж. Мак-Гана (James G. McGann, Assistant Director, International Relations Program, University of Pennsylvania) и Лили Ванг (Lili Wang, Visiting Research Fellow, John L. Thornton China Center), представленным ими на конференции «Think tanks in China: growing influence and political limitations», которая прошла в Институте Брукингса (США) в 2008 г.⁵

Позиция Дж. Мак-Гана, сторонника традиционалистского подхода, основана на проведенном им в 2007–2008 гг. исследовании фабрик мысли⁶. В мире насчитывается 5500 аналитических центров в 169 странах. Данная цифра, как справедливо замечает исследователь, является условной, так как сложно предложить четкие критерии определения и получить информацию по всем существующим организациям этого типа.

Несмотря на указанное обстоятельство, собранная информация во многом позволяет проводить контекстные исследования и изучать, в частности, китайские «фабрики мысли» в сравнении с «фабриками мысли» других стран.

Рассматривая китайские «фабрики мысли» в данной ретроспективе, Дж. Мак-Ган отмечает, что если обычно главным критерием исследования становится независимость проводимых исследований, то применительно к КНР таким критерием является государственная аффилиация, так как фактически лишь организации, приближенные к власти, имеют допуск к информации и могут выпускать качественный продукт, ограниченно скорректированный цензурой.

«Фабрики мысли», действующие в США, в значительной степени уникальны благодаря своей независимости и влиянию, которое они имеют по сравнению с другими аналитическими центрами по всему миру. Они являются своеобразным примером и поэтому в ряде случаев выполняют обучающую функцию. Фактором, ограничивающим прямое заимствование американских образцов фабрик мысли, выступает национальная культура, которая требует их адаптации.

По мнению Дж. Мак-Гана, влияние культуры преодолимо – культура может измениться.

В данном контексте важным является географическое местоположение исследуемых объектов, однако оно не выступает в качестве детерминанты.

По мнению Мак-Гана, есть три основных периода эволюции китайских исследовательских институтов, каждый из которых имеет различные характеристики развития и исследовательской свободы, при этом для каждого периода характерна определенная структура исследовательских центров, выстроенная на основе их интегрированности в государственные структуры.

Для сегодняшней стадии развития аналитических центров в КНР характерно существование двух типов исследовательских центров – полуофициальных и неофициальных.

Полуофициальные исследовательские институты являются автономными и представлены неправительственными организациями и корпорациями, которые включены в государственную систему управления.

Неофициальные центры представлены некоммерческими организациями и университетами. Они часто относятся к категории гражданских «фабрик мысли».

подавляющая часть всех центров финансируется государством, что обеспечивает их аффилиацию и ставит в зависимое положение по отношению к государственным структурам.

Степень зависимости фабрик мысли варьируется сообразно кругу исследуемых вопросов и политической конъюнктуре. Мак-Ган отмечает, что в 1990-е годы произошло значительное улучшение положения «фабрик мысли», которое было обусловлено

общей трансформацией режима и некоторыми специфическими событиями, как, например, выступления молодежи на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. Несмотря на появление элементов развития и трансформации системы экспертного знания, указанные изменения были строго ограничены государством и распространялись на узкий круг вопросов.

Помимо ограничения круга свободно обсуждаемых вопросов, по мнению Мак-Гана, существует также и механизм негласного ограничения развития «фабрик мысли» в Китае, использующий правовые несудебные инструменты.

Ссылаясь на проведенное им исследование, Мак-Ган пишет о намерении государства отодвинуть НПО на границы политической жизни страны, оставив только аффилированные с властью аналитические центры.

Фактически одним из основных инструментов механизма ограничения является табуирование тем исследований. «Фабрикам мысли», даже если им удается найти необходимый объем финансирования, нельзя без негласного разрешения правительства исследовать вопросы международных отношений, большую часть вопросов, связанных с национальной экономической политикой. Несколько лучше дело обстоит с исследованием вопросов демократии, прав человека, защиты окружающей среды и здравоохранения, однако и для их исследования требуется глубокое взаимодействие с государственными структурами и ограничение распространения результатов исследований. Фактически результаты проводимых исследований оказываются доступны в политической сфере и реже в университетском научном сообществе. СМИ и общественность не имеют доступа к проведенным исследованиям и получают информацию опосредованно из политических источников.

По мнению Мак-Гана, лишь 7 из 72 исследованных организаций имеют относительную степень независимости. Резюмируя, он отмечает, что, несмотря на значительные изменения, произошедшие в Китае, и увеличение количества аналитических центров, их роль сегодня достаточно мала и не отвечает перспективному развитию политики КНР, так как задушенные бюрократией аналитические центры не могут создать инновационные идеи и обеспечить приоритет национальных разработок над иностранными. В дополнение к этому отсутствуют и тесные связи между аналитическими и исследовательскими центрами, что противоречит системному распространению знания. В качестве предполагаемого решения существующих проблем Мак-Ган видит освобождение аналитических центров от государственного капитала и отмену табуирования большинства тем исследований. Фактически данное изменение оз-

начало бы распад существующей сегодня в Китае государственной системы и адаптацию под американскую политическую систему, катализатором создания которой как раз и должны стать семь независимых «фабрик мысли», сегодня находящиеся в политической опале.

Диаметрально противоположную позицию занимает политолог Лили Ванг. По ее мнению, существуют два распространенных взгляда на путь развития китайских «фабрик мысли». Согласно первому китайские мозговые центры сегодня используются для фильтрации информации и пропаганды политических идей и не связаны с производством нового знания. Сторонники альтернативного мнения считают, что китайские исследовательские институты должны следовать американской модели развития.

Как заявляет Лили Ванг, оба мнения некорректны, так как являются слишком упрощенными⁷. Фактически исследовательские центры в КНР существуют уже на протяжении 30 лет и в последние годы их роль в политической жизни общества сильно возросла. Вполне вероятно, что китайские исследовательские центры пойдут по пути заимствования некоторых элементов американской модели, но сохранят свою «самобытность», что позволит создать в Китае *собственную модель*.

Для сравнения китайских и американских аналитических центров Лили Ванг применяет очень широкое определение «фабрики мысли», согласно которому фабрики мысли – это организации, занимающиеся исследованием политических вопросов, они могут влиять на государственную политику и просвещение общественности посредством различных коммуникационных каналов. Под это определение в США подпадают около 2000 аналитических центров. Большинство из них, около 1700, являются независимыми аналитическими центрами. В настоящее время в США многие независимые аналитические центры имеют более 100 старших научных сотрудников и годовой бюджет в десятки миллионов долларов; существует много заказчиков, которые заинтересованы в проведении независимых исследований, что обеспечило бы наивысший уровень развития американских фабрик мысли по сравнению с иностранными аналогами. Исходя из этого, по мнению исследовательницы, было сформировано и восприятие американских аналитических центров, согласно которому они должны предоставлять новые идеи для правительства, для просвещения общественности и поддерживать систему в целом, не оказывая влияния на конкретные нормативно-правовые акты. Помимо этого, возможно предположить, что американские «фабрики мысли» – это уникальное явление, которое коренится в политической системе США, способствует

взаимопониманию между политиками и исследователями, пополняя кадровый резерв новых администраций, и поддерживает своего рода национальный метаболизм. Однако «фабрики мысли» США фактически делятся по партийно-идеологическому принципу на либеральные и консервативные.

Китайские мозговые центры так же, как и американские, могут быть разделены на те же три категории: связанные с правительством, университеты и независимые аналитические центры. По данным исследования китайских ученых, которые приводит Лили Ванг, в настоящее время в Китае существует около 1000 аналитических центров (Мак-Ган выделяет 74). Большинство из них являются государственными. Независимые аналитические центры составляют лишь около 5% от общего числа. Они, как правило, небольших размеров с менее чем 20 сотрудниками и годовым бюджетом около 450 000 дол.

Разнится и отношение государственных структур к исследовательским центрам. Наиболее адекватно воспринимаются государственные и окологосударственные «фабрики мысли». Независимые «фабрики мысли» наименее интересны для правительства КНР, так как в общественном восприятии они не имеют необходимых ресурсов для полноценной деятельности. Дифференциация отношения приводит к сложностям в коммуникациях между разными типами фабрик мысли и, как следствие, расколу экспертного сообщества КНР.

Несмотря на данную проблему, возможно предположить, что со временем китайские «фабрики мысли» могут превзойти американские. Для этого необходимо переключение государственного внимания с отдельных экспертов на «фабрики мысли» в целом. Такая тенденция существует примерно с 1978 г., и, учитывая коллективный характер национальной культуры Китая, можно предположить, что результаты будут достигнуты уже в скором времени.

Большая часть деятельности китайских «фабрик мысли» направлена на создание политики правительства и механизмов информирования общественности и не имеет влияния на процесс принятия решений.

При этом китайские мозговые центры представлены в основном государственными аналитическими центрами, а американские – независимыми «фабриками мысли».

«Фабрики мысли» возможно дифференцировать и по характеру влияния: общественное влияние и частное. В КНР и США оно отличается по своим конкретным каналам, масштабам и целям. Для США больше характерно частное влияние, которое осуществляется в том числе через ведущих сотрудников «фабрик мысли», работаю-

щих или имеющих связи в государственных структурах. В Китае людей, входящих в государственные структуры «на равных», значительно меньше. Исследователи и эксперты в основном ассистируют политическую деятельность, давая консультации и читая лекции для политического состава. Это приносит свои плоды, однако для интеграции «фабрик мысли» должно смениться минимум одно-два политических поколения, что применительно к Китаю составляет 15–25 лет.

Различаются также степень и вид общественного влияния. В США деятельность «фабрик мысли» направлена на популяризацию, чему способствует огромное количество открытых мероприятий – только у Института Брукингса более 200 в год. В Китае число мероприятий минимально – они характерны в основном для университетов, что обусловлено закрытым характером исследований, которые предназначены исключительно для политического сообщества.

Для китайской системы характерны частные связи обратной направленности, когда чиновник исполнительной власти спускает поручение на разработку исследования, содержащего новые идеи для лидеров. Особенно это характерно для исследований внутренней политики КНР, которой по государственному заказу занимаются Китайская академия социальных наук и Центр исследований в области развития при Государственном совете. Затем происходит перераспределение отчетной информации и ее трансляция через СМИ.

Презентация идей через СМИ, безусловно, присутствует и в США, однако механизм ее проведения отличается. Для американских независимых аналитических центров массовые коммуникации являются косвенным образом влияния на принятие решений. В Соединенных Штатах, при существующей системе голосования, акторы, принимающие решения, должны уделять больше внимания общественному мнению, чтобы оставаться на своем посту. СМИ в США используются для формирования общественного мнения. Китайские СМИ выступают в качестве инструмента информирования и просвещения общественности в вопросах политики, обратная связь не учитывается, так как практически отсутствует элемент выборности.

Необходимо охарактеризовать также и значение Интернета для американских и китайских СМИ. В США Интернет стал важным компонентом глобальной стратегии аналитических центров. Через этот канал американские «фабрики мысли» распространяют идеи и оказывают влияние на мир. Для китайского правительства и подконтрольных ему аналитических центров интернет-СМИ являются

Н.А. Медушевский

в большей степени информационным каналом финансирования научных исследований. У большинства китайских мозговых центров отсутствует понимание возможности самопрезентации в мире через интернет-СМИ.

На основании проведенного сравнения, Лили Ванг делает следующий вывод: с позиции общественной значимости американские независимые аналитические центры имеют большее влияние, чем китайские правительственные аналитические центры. Однако это суждение неверно, так как в условиях частного влияния на китайское правительство аналитические центры могут повлиять сильнее, чему способствуют доверие и отсутствие конкуренции.

Резюмируя вышесказанное, следует заметить, что американские и китайские мозговые центры существуют в различных политических системах и имеют различные характеристики. Тем не менее и те и другие оказывают реальное влияние на политику и общественное мнение. Приравнивая позиции двух исследователей, следует заметить, что позиция Лили Ванг является значительно более устойчивой, чему способствуют более широкая эмпирическая база исследований, связанных с китайскими «фабриками мысли», и идейная абстрагированность от идеи детерминирования американской модели «фабрик мысли» в мире. При этом концепция, которую отстаивает Лили Ванг, не является узкоспециализированной. Идеи построения национальных моделей экспертных сообществ и «фабрик мысли» как их основного современного сегмента мы находим в работах ряда европейских исследователей, например С. Бушера⁸, М. Феат⁹, В. Пржебилского¹⁰, а также некоторых китайских исследователей, в том числе в работе Ксю Лана и Ксюфенга Жу¹¹ – «China's Think Tanks»: the Definition, Taxonomy and Research Prospect». Указания на возможности создания некоторой специфической модели содержатся и в работах ряда российских исследователей¹², которые характеризуют сегодняшний уровень развития национального экспертного сообщества в форме аналогичной концепции развития китайских «фабрик мысли», представленной Лили Ванг.

Примечания

¹ См.: *Touraine A. Pourrons-nous vivre ensemble? Égaux et différents.* P.: Fayard, 1997.

² См.: *Coan T. M., «A New Country» The Galaxy.* Vol. 0019. Issue 4. P. 463 [Электрон. ресурс]. URL: <http://dlxs2.library.cornell.edu>

- ³ См.: *Медушевский Н.А.* «Фабрики мысли» в ЕС: сравнительный анализ европейского и американского исследовательских подходов // Вестник РУДН: Политология. 2010. № 1.
- ⁴ См.: *Медушевский Н.А.* Аналитические центры в политическом процессе: американская модель «фабрик мысли» и ее функционирование за пределами США // Полития. 2010. №1.
- ⁵ См.: URL: <http://www.brookings.edu> (дата обращения: 31.03.2011).
- ⁶ См.: The think tanks and civil societies program 2008 // Think Tanks and Civil Societies Program [Электрон. ресурс] – аналитический отчет. URL: http://www.foreignpolicy.com/files/2008_Global_Go_To_Think_Tanks.pdf (дата обращения: 31.03.2011)
- ⁷ См.: *Wang L.* It's Time to Take an Objective View of China [Электрон. ресурс]. URL: http://www.brookings.edu/opinions/2008/0809_china_wang.aspx
- ⁸ См.: *Boucher S.* Europe and its think tanks: a promise to be fulfilled: An analysis of think tanks specialized in European policy issues in the enlarged European Union: Studies and Research. P.: Notre Suture. 2004. No 35.
- ⁹ *Féat M.* L'influence française dans les think tanks traitant des questions européennes, étude réalisée pour la Représentation Permanente de la France auprès de l'Union européenne. P., 2004.
- ¹⁰ См.: *Przybylski W.* Think Tanks in Austria and their Polish Counterparts. Vienne // Académie politique. 2004. № 3.
- ¹¹ См.: *Lan X., Zhu X.* «China's Think Tanks»: the Definition, Taxonomy and Research // Science of Science. 2006. № 3. P. 321–327.
- ¹² См., например: *Акопян О.А.* Зарубежные партийные фабрики мысли: технологии и методы работы [Электрон. ресурс]. URL: http://www.nirsi.ru/analytic/expmaterials/World_Think_Tanks_method.pdf (дата обращения: 05.09.2009).

Е.В. Суший

ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР ГОСУДАРСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

В статье рассматривается вопрос об особенностях психосоциальной культуры национально-государственных образований. Предполагается, что его решение находится в контексте гармонизации комплекса психосоциальных, культурно-символических и социально-институциональных факторов, определяющих развитие системы «человек–общество–государство». Весь этот комплекс опирается на творца (человека и природу), в частности на присущий каждой из эпох общественно-исторического развития свой психосоциальный тип «всеобщего человека». Последний же «диверсифицируется» на «неповторимую единичность» человека и неотъемлемую от нее «человеческую всеобщность», сменяющие и одновременно комплементарно дополняющие друг друга.

Считаем, что историческим изменениям подвергается и человеческая идентичность, являющаяся ключевым элементом субъективной реальности и находящаяся в диалектической взаимосвязи с обществом и его институтами.

Интерпретация процессов общественных изменений на их глубинном (архетипическом) уровне, выявляющем закономерный характер таких изменений, осуществляется исходя из архетипического подхода (как новой междисциплинарной парадигмы, дополняющей возможности анализа проблем теории и истории государственного управления и местного самоуправления) и результатов авторской (Л. Бурлачук, Э. Афонин, Е. Донченко) методики, активно используемой в мониторинговых исследованиях.

Ключевые слова: архетипический подход, государственное управление, идентичность, психосоциальная культура, социальные изменения.

В последние десятилетия изучение идентичности стало одним из ведущих направлений современной науки о человеке и обществе. Причина этого заключается в том, что «современное

общество – это пространство постоянно изменяющихся идентичностей. И если в недавнем прошлом смена идентичности предполагала маргинализацию, то в сегодняшнем мире риску оказаться маргиналом более подвержены те, кто сохраняет идентичность вопреки изменению объективной социальной ситуации и неспособен принять новые социальные реалии¹. В настоящее время перед философами, социальными психологами, социологами, политологами, культурологами возникает задача не только исследования генезиса идентичности нового типа, но показать, как смена идентификационных практик влияет на особенности социальных и политических изменений в современном обществе.

Сложность изучения феномена идентичности заключается в том, что ее составляющими являются и историко-культурные, и политические, и социально-психологические константы. Поэтому решение поставленной задачи требует, во-первых, раскрытия глубинного опыта психосоциокультурной укорененности данного феномена и, во-вторых, выявления причинно-следственных связей психосоциокультурных и институциональных трансформаций.

Материалом для сравнительного анализа избраны междисциплинарные исследования российских, белорусских и украинских ученых, что объясняется интересом автора к характеру и особенностям протекания трансформационных процессов в этих странах.

Архетипический подход. С тех пор как швейцарский ученый К. Юнг в 1919 г. в труде «Инстинкт и бессознательное» ввел в научное обращение понятие психологического архетипа, определив его «безличностным» или «непосредственным коллективным бессознательным»², осмысление этого феномена стало неотъемлемой составляющей социогуманитарных исследований. В своих трудах на роль психологического фактора обращали внимание П. Бурдье, М. Вебер, Э. Дюркгейм, Г. Лебон, С. Московичи, Ортега-и-Гассет, Г. Тард, Э. Фромм и другие ученые. Обращение к архетипическим представлениям, образам, символам и т. д. позволяло им раскрыть глубинную природу желаний, ожиданий, стремлений и надежд людей, возникающих в результате совместной работы сознания и коллективного бессознательного.

Исследование российской идентичности. Развивая идеи К. Юнга, российские культурологи разработали концепцию культурных архетипов³, дополнив юнговскую «аналитическую психологию» «культурно-исторической теорией» Л. Выготского, «символическим интеракционизмом» Дж. Кули, а также представлениями о культуре как ценностно-символической системе (ценностный подход) и духовной интенции жизнедеятельности людей (деятельностный подход).

Культурные архетипы – глубинные культурные установки «коллективного бессознательного» – наиболее устойчивые элементы социального мира, «работающие» на сохранение культурного генотипа того или иного народа. Поэтому культурные архетипы рассматриваются как информация, имеющая социально-управленческую ценность. Эти первичные, архаичные формы адаптации человека к окружающей среде доступны изучению путем реконструкции влияния среды (географической, геополитической, хозяйственной, социальной, политической, культурной, религиозной и др.) на их формирование. Символическая природа культурных архетипов отражается в смысловых, ценностных ориентациях людей, что позволяет интерпретировать и типизировать архетипы путем «постижения» пространства символического.

Анализируя особенности соотношения российской государственности и культурного архетипа, исследователи обращают внимание на историческую тенденцию влияния государственной власти на формирование нормативно-символических представлений и ценностей, которые постепенно превращались в стереотипы мышления и культурные установки социального поведения, а со временем трансформировались в структуры русского культурного архетипа. «Российская государственность в контексте взаимодействия государства и индивида опиралась на принцип этатизма; государства и общества – патернализма; государства и природы – экстенсивизма; государства и внешнего мира – мессионизма. Эти принципы стали доминирующими структурами русского культурного архетипа и в известной степени универсальными для всего евразийского суперэтноса»⁴.

Современные количественные методы, выявляющие константы многогранного феномена идентичности, отражают составляющие ее архетипические основания. Примером этого является современное состояние российской идентичности⁵:

- *собирательный образ российского народа* отражает миф народа о самом себе, в основе которого лежит исторически сложившееся (фольклорное) восприятие русского народа;
- *ценностно-смысловое ядро российского менталитета* остается константой, достаточно независимой от экономических и социально-политических преобразований;
- традиции *патернализма* по-прежнему доминируют в сознании большинства россиян (62%), что объясняется отсутствием возможности изменить неприемлемые обстоятельства жизни;
- *доминирование внешнего локус-контроля* («человек – игрушка в руках судьбы») – следствие объективных условий, нежели характерная черта российской ментальности;

- специфика *социокультурной модернизации* отражается в полярных позициях «модернистов» и «традиционалистов», главное отличие которых в отношении к всевластию государства и свободе личности.

Итак, национальная культура отражает устойчивые во времени образцы поведения или специфические реакции на изменение внешней среды. Идентичность (индивидуальная и коллективная) связана с осознанными и неосознанными ментальными структурами, определяющими связь с социальными ролями, в которые вовлечен индивид, эмоциональное наполнение самоопределения индивида по отношению к группе в целом, к «своим» и «чужим», групповые ценности, институты (социальные нормы), стереотипы, поведенческие паттерны и т. д.⁶

В то же время сила культуры проявляется в динамике перехода (или изменчивости) относительно устойчивых образцов поведения у представителей в новые ценности, верования, нормы и символы. Анализируя влияние национальной культуры на управление бизнесом в России, исследователи А. Наумов и И. Петровская исходят именно из динамического характера данного взаимодействия. Они подчеркивают, что:

- существует связь между уровнем «устойчивости образца поведения» (от уровня формального поведения или поведения на сознательном уровне до уровня восприятия членами общества новой для них культуры или поведения на подсознательном уровне) и степенью динамизма и сложности факторов воздействия в сторону указанной трансформации;
- изменения в поведении могут привести к изменениям в культуре, и наоборот. В первом случае количество (рост числа образцов определенного поведения) как бы переходит в качество (формируется новый архетип), а во втором – качество (привнесенная новая ценность или верование) получает количественное подкрепление (реализуется все большим количеством людей в своем формальном поведении)⁷.

Анализируя современное состояние российской культуры по пяти шкалам (модель голландского ученого Г. Хофстида), А. Наумов и И. Петровская выявляют следующие тенденции⁸:

- индивидуализм – коллективизм: приоритет индивидуальных или групповых ценностей. Этот показатель отражает существующее противоречивое, двойственное понимание россиянами состояний «Я» и «Мы», не вписывающихся в чисто западный или восточный варианты;
- мужественность – женственность: склонность независимо от гендерной принадлежности к «мужской» («жизнь для рабо-

ты») или «женской» («работа для жизни») модели поведения. По данным опроса 1996 г., отмечен рост мужественности в российской культуре (предоставление в 1990-е годы гражданам некоторой свободы в области предпринимательства); данные опроса 2006 г. показали «возврат» к повышению уровня женственности российской культуры (усиление роли государства в экономических и социальных процессах);

- избежание неопределенности (высокое/низкое): отношение к неизвестности и неопределенности будущего, выражаемое через проявление потребности в предсказуемости, в писаных или неписаных правилах. Для России характерна двойственная ситуация, когда письменные правила рассматриваются как необходимый атрибут организационной жизни, но при этом не совпадают с неписаными нормами поведения;
- дистанция власти (высокая/низкая): отношение к неравенству, существующему в распределении власти в социальных структурах (семья, организация, общество в целом), склонность подчиняться власти и уважать ее. «Российской» модели присущ двойственный характер участия в управлении, определяемый формулой: «желаю участвовать, но не брать на себя ответственность»;
- долгосрочность – краткосрочность ориентации: отношения патернализма являются ключевым устоем власти в условиях, когда люди сами не могут остановить падение уровня и качества жизни. В России историческая форма патернализма выражена в вотчинном правлении, в современных условиях – в поведении «местечковых» администраторов, распоряжающихся вверенными им объектами, как своим «двором».

Обобщая, исследователи констатируют противоречивость и двойственность российского характера или российского архетипа, высказывая допущение о высоком уровне маргинальности культуры страны в целом, ее «пограничном» положении на карте основных мировых культур⁹.

Соглашаясь в целом с логикой положений российских коллег, хотим обратить внимание на то, что в своих исследованиях они исходят из признания постоянства и неизменности архетипов, что берет начало в юнговской традиции. Поэтому верный по своей сути вывод о том, что культурный архетип может рассматриваться как информация, имеющая социально-управленческую ценность, не обретает своего развертывания в сторону будущего. Данные социологических исследований идентичности позволяют объяснить поведение управляющих и управляемых в современном обществе, однако фактически остается нерешенным и противоречивым

вопрос о соотношении архетипических представлений, которые трудно поддаются изменениям, и исторического субъекта, который изменяется и выступает носителем как культурного генотипа, так и духа времени. В исследовании А. Наумова и И. Петровской уже более рельефно проводится линия причинно-следственных связей процессов трансформации культуры и поведения, их закрепления в новых формах (новых архетипах или моделях поведения).

Исследование белорусской идентичности. Исследователи современной Беларуси в рамках вопроса об общей национальной идентичности отмечают следующие тенденции:

- белорусы в большей степени ощущают свою принадлежность к государству, а не к нации. Объяснение этому – действующая официальная идеология, которая служит инструментом для строительства государства, но не для формирования национальной идентичности;
- болезненным является вопрос о сущности «белорусскости», понимания, что есть Беларусь. Широкой публикой понятие Беларусь воспринимается скорее как Лукашенко или придаток России, т. е. ассоциируется с конкретным политическим режимом, нежели с самой страной¹⁰.

«Неопределенность» белорусской национальной идентичности обусловила необходимость поиска актуальных и естественных, соотносимых с опытом белорусского народа оснований национальной идентичности, что нашло свое воплощение в исследовании белорусского архетипа, проведенном Институтом государственных идеологий (INSTID). Перечислим основные выводы исследования белорусских коллег.

- *Белорусский архетип* в основе своей матриархален. Связанные с матриархальностью качества – равенство, спокойствие, стремление к сохранению, консервативность, мир и гармония. Белорусскому архетипу чужды такие патриархальные качества, как агрессивность, стремление к риску, конфликтность и повышенная эмоциональность.
- *Архетипический образ* – владелица поместья или гордая мать семейства: зрелая, спокойная женщина, которая управляет своим хозяйством. Главные атрибуты такого типа – трудолюбие, практичность, бережливость, гостеприимство и здравая рассудительность.
- Понимание архетипических склонностей нации, по мнению команды INSTID, может стать основой *внутренней политики*, успешного экономического и социального развития. Гармоничный, миролюбивый и неконфликтный архетип позволяет говорить о том, что во *внешней политике* следует придержи-

ваться нейтралитета и стремиться к установлению уравновешенных отношений с соседями, в которых ни одна сторона не будет отчетливо доминировать¹¹.

- Национальному архетипу нельзя соответствовать искусственно и формально. *Политический лидер*, политик в первую очередь сам должен воспринять суть, образ мышления и ценности нации, поверить в них и сделать их своей идеологией. Эта идеология должна объединить нацию, причем не только относительно решения практических проблем, но и обозначить общую светлую идею для всех ее религиозных конфессий. Умение сплотить нацию на духовном, а не только материальном уровне – еще один ключевой фактор для политика. Только тогда он будет естественным образом овладевать сердцами и умами избирателей и станет подлинным лидером нации¹².

Заметим, что выявляя устойчивые глубинные черты архетипа белорусскости, исследователи также оставляют открытым вопрос о влиянии стремительных современных общественно-исторических процессов на архетипические склонности нации. Остается без ответа вопрос о формопроявлениях гармоничного, миролюбивого, неконфликтного архетипа в условиях нынешнего кризисного состояния политической, финансово-экономической и социальной сфер Беларуси (например, нынешние молчаливые акции протеста), готовности дать ответ на внешние (изоляция Запада и давление Кремля) вызовы и защитить независимость белорусского государства. Кроме того, описанный белорусскими коллегами образ политика – это уже некий мессия, а подобное единоличное идеологическое и духовное всевластие чревато установлением авторитаризма.

Исследование украинской идентичности. Преодолеть отмеченные нами противоречия в работах российских и белорусских коллег и предложить действенный подход к их решению стремятся в своих исследованиях представители украинской школы архетипики (Э. Афонин, Л. Бурлачук, Е. Донченко, А. Мартынов, Ю. Романенко и др.)¹³. В качестве исходного тезиса было высказано предположение, согласно которому обоснованная К. Юнгом и его последователями неизменность унаследованных образов коллективного бессознательного может иметь динамический характер, что в дальнейшем позволило создать научно-исследовательскую методологию анализа исторически изменяющегося в своей основе социального поведения. В качестве еще одной опорной аксиомы выступил тезис французского психолога С. Московичи, который справедливо отмечал неразрывность психического и социального¹⁴.

Признание факта изменчивости влияния психического и социального на общественную историю трансформировалось в разработку качественно-количественных методик диагностики культуры, позволяющих исследовать связь между субъективным по своему происхождению знанием и онтологическим по своей сущности архетипом культуры.

Идентичность как фактор государственно-политической трансформации. Как уже отмечалось, поиск устойчивого баланса национально-государственного развития в новых общественно-исторических условиях поставил перед политико-управленческими элитами (в связи с проводимыми ими реформами и государственной политикой) вопрос о национальных особенностях или, точнее говоря, об особенностях психосоциальной культуры национально-государственных образований. Решение этого вопроса, полагаем, лежит в контексте гармонизации комплекса психосоциальных, культурно-символических и институциональных факторов, определяющих развитие системы «человек–общество–государство». Данный комплекс опирается на присущий каждой из эпох общественно-исторического развития свой психосоциальный тип «всеобщего человека». Последний же «диверсифицируется» на «неповторимую единичность» человека и неотъемлемую от нее «человеческую всеобщность», сменяющие и одновременно комплементарно дополняющие друг друга. Очевидно, что историческим изменениям подвергается и человеческая идентичность, являющаяся ключевым элементом субъективной реальности и находящаяся в диалектической взаимосвязи с обществом и его институтами.

Если в эпоху современного общества (**общества модерна**) в фокусе его социальной системы пребывал «человек всеобщий» (коллективный) с присущим ему психосоциальным типом культуры, то с приходом постмодерного общества (**постмодерна**) на историческую арену выходит человек «неповторимый», «единичный» (индивид) с присущими ему чертами психосоциальной культуры. При этом на смену (социальной) идентичности человека эпохи модерна с его материалистической картиной мира и «привязанностью» к определенным социальным группам и классам приходит новая (социетальная) идентичность эпохи постмодерна, характеризующая индивида с точки зрения его отождествления с самим собой в контексте его личной целостности и непрерывности собственного развития. Иначе говоря, на смену единства социально-материального мира эпохи модерна приходит единство постмодерного психосоциального мира, с его сознательными и бессознательной (символическими) формами существования. Оба модуса идентичности (социальный и социетальный) сопровождают любую общественно-историческую

эпоху, однако доминирование социального или социетального модуса идентичности, собственно, предопределяет характер той или иной общественно-исторической эпохи¹⁵.

В более широком общественно-историческом контексте следует отметить, что социальный (социально-материальный) и социетальный (психосоциальный) факторы как бы в фокусе собирают и отражают все сложности и перипетии общественно-исторического процесса и, в частности, перипетии общественно-трансформационного процесса. Поэтому успех нынешних реформ лежит в контексте отношений, которые складываются между материальным и идеальным, внешним и внутренним, социальным и психическим в человеческой природе. Конфликты же, которые сопровождают общественные преобразования и реализацию государственно-политических решений, сосредоточены преимущественно в психосоциальной культуре человека, политико-управленческой элиты и общества в целом¹⁶. Таким образом, сегодня объективно вызрела необходимость эмпирического анализа и определения факторов социетальной психики.

Методы анализа социетальной психики. Для изучения развивающейся психосоциальной реальности и, в частности, присущей постмодерну социетальной психики профессором Э. Афониним была разработана проективная психодиагностическая методика «цветовых предпочтений»¹⁷, которая впоследствии была адаптирована к массовым опросам общественного мнения и использована в качестве количественной методики для организации мониторинга общесистемных изменений в украинском обществе (1992–2010).

В 2000–2001 гг. на основе разработанных профессором Е. Донченко представлений о свойствах, состояниях и процессах социетальной психики¹⁸ совместно с профессором Л. Бурлачуком и его коллегами была разработана и адаптирована к возможностям опросов общественного мнения методика БАД (Л. Бурлачук, Э. Афонин, Е. Донченко)¹⁹.

При этом если методика «цветовых предпочтений» реально обеспечивает количественный анализ динамики общесистемных изменений, то на основе методики БАД осуществляется анализ динамики качественных психосоциальных изменений в украинском обществе.

Методика «цветовых предпочтений» – это проективная тестовая методика, в основе которой лежит эмоциональное отношение к естественно-сообразной системе цветов радуги, позволяющая с достаточно высокой степенью вероятности (около 80%) идентифицировать, например, гендер человека, каналы модальности, уровень адаптивных возможностей человека, его профессионально-ориентационные возможности и т. д.

Методика БАД представляет собой шесть бинарных шкал-оппозиций, позволяющих адекватно отражать состояние сформированности социальной или социетальной идентичности. Каждая из этих психосоциальных характеристик является собой своеобразный исторический результат того, что не раз повторялось в поведении как одного человека, так и в судьбе целого народа.

- Экстраверсия – интроверсия: установка на мировосприятие, характеризует направленность социетальной психики на внешнюю, материальную сущность объекта или, наоборот, направленность социетальной психики вовнутрь объекта.
- Эмоциональность – прагматичность: качественно определяет ментальные характеристики. Признак «эмоциональность», например, обусловил «жертвенную» сущность советского человека («раньше думай о Родине, а потом о себе»). Признак «прагматичность» отражает современную социально-поведенческую реакцию людей, ориентированную на утилитарные ценности, финансовую или материальную пользу и экономическую эффективность.
- Рациональность – иррациональность: характеризует принятие решений на основе разумного расчета. Взаимодействие рациональности и «либеральной свободы» в современном обществе обеспечивает возможность поэтапного достижения лично значимых прагматических целей. В то же время иррациональность, опирающаяся преимущественно на подсознание, нуждается в целостных («гештальтовых») формах мировосприятия и деятельности.
- Интуитивность – сенсорность: характеризует особенности взаимодействия человека с миром. Например: «интуитивность», характеризовавшая психосоциальный тип советского человека, предопределила появление установки на формирование универсальной (всесторонне развитой) личности. События 2004 г. («оранжевая революция») стали возможны с воссозданием «сенсорного» украинца, с появлением в его установках исторического «не пощупаю – не поверю!».
- Экстернальность – интернальность (локус-контроль): определяет склонность субъекта приписывать ответственность за результаты своей деятельности соответственно внешним либо внутренним силам. Один из эффективных индикаторов работающих механизмов социальной ответственности: внешних (государственно-общественных) либо внутренних (индивидуально-личностных), контроля либо самоконтроля.
- Экзекутивность – интенциональность: отражает гендерную идентификацию человека, т. е. его психическую предрасполо-

женность к реализации мужских или женских социокультурных ролей. К архетипическим свойствам экзекютивности относятся женские социокультурные роли, связанные с рождением, сохранением, функционированием и обеспечением целостности семьи, социальной группы, общности. К архетипам интенциональности относятся роли развития, выхода за пределы целого, связь семьи, социальной группы, общности с внешним миром.

Мониторинг социетальных изменений (1992–2010). Мониторинг социетальных изменений украинского общества осуществляется Э. Афоным с 1992 г., а в 2010 г. – на Украине, в России и Беларуси. Показатели бинарных шкал мониторинга отражают реакции общественного сознания на социально-политические и экономические преобразования на Украине. При этом прогрессирующая либо регрессирующая динамика его показателей дают возможность оценить уровень состоятельности на Украине основ гражданского общества и степень его подверженности влияниям со стороны государства и групп крупного капитала.

Согласно данным мониторинга украинское общество (по крайней мере, с 2002 г.) устойчиво движется в направлении новой – социетальной идентичности, которая в значительной мере обеспечивается ростом показателей рациональности и интенциональности. Это соответственно находит свое выражение в доминировании (в сформировавшей свою идентичность части населения) принятия рациональных решений и тяготения к взаимодействию с внешним миром. В то же время здесь проявляют себя характерные для экстраверсии ориентация на «социально-материальную» сущность, провоцирующая отношение к человеку как производственной силе, и «социально-классовое» отношение между интересами малого и среднего бизнеса и монопольным положением крупного капитала. Превалирование среди лиц, сформировавших свою идентичность, эмоциональности там, где нужна прагматичность, склонности к интуитивности и переносу ответственности за результаты своей деятельности на внешние обстоятельства фактически свидетельствует о процессах отката (2006 г.), характеризующих социальную ситуацию на Украине как возвращение к рудиментам социально-классового общественного сознания.

Некоторый откат имеет и в целом динамика показателей сформированности идентичности. Так, стартовав в 2002 г. на уровне показателя 34%, она достигла к концу 2008 г. значения 47,51% взрослого населения. Но уже через год (вследствие затянувшегося реформаторского бездействия) этот показатель упал до 36,37%. А с началом реформ 2010 г. показал к концу этого года новый всплеск и возвращение почти к прежним позициям – 45,25%.

Таблица 1

Динамика становления социетальной идентичности в Украине
(2002–2010)

Динамика становления социетальной идентичности в Украине (2002–2010)											
Качество	Украина N=1771 (X.2002)	Украина N=2029 (I.2006)	Украина N=2275 (XII.2006)	Украина N=2109 (XII.2007)	Украина N=2099 (XII.2008)	Украина N=1424 (XII.2009)	Украина N=2106 (XII.2010)	Беларусь N=1500 (XII.2010)	Россия N=1593 (XII.2010)	Главы РГА N=439 (IV-V.2005)	Гос. служ. N=623 (IV.2009)
Состояние сформированности социетальной идентичности	33,67	42,78	44,69	47,34	47,51	36,37	45,25	50,50	44,25	60,30	50,93
«Старый» модус идентичности	12,35	19,65	20,32	22,37	22,78	15,80	19,88	23,73	20,98	23,25	22,83
«Новый» модус идентичности	21,32	23,13	24,37	24,97	24,73	20,57	25,37	26,77	23,27	37,05	28,10

Таким образом, на основе проведенного анализа исследовательских проектов, рассматривающих современные общественно-исторические преобразования с привлечением архетипического подхода, можем сделать следующие *выводы*:

- обращение к глубинным основаниям национальной (этнической) культуры (менталитета) позволяет изнутри высветить особенности протекающих общественно-исторических процессов;
- архетипический подход помогает раскрыть глубинный опыт психосоциокультурной укорененности феномена идентичности, а также фиксировать процессы генезиса нового типа (постмодерной/социетальной) идентичности;

Е.В. Суший

- культурный архетип – носитель информации, имеющей социально-управленческую ценность, утверждение динамической природы культурного архетипа дополняет инструментарий анализа особенностей современных социально-институциональных изменений, взаимовлияния национальной культуры и экономических, политических, социальных изменений;
- необходимым и перспективным представляется сравнительное исследование состояния сформированности социетальной идентичности в российском, белорусском и украинском обществах.

Примечания

- ¹ Национально-гражданские идентичности и толерантность: Опыт России и Украины в период трансформации / Под ред. Л. Дробижевой, Е. Головахи. Киев: Ин-т социологии НАН Украины; институт социологии РАН, 2007. С. 9.
- ² Юнг К.Г. Инстинкт и бессознательное. URL: <http://www.jungland.ru/Library/Instinct.htm#ep1> (Дата обращения: 10.09.2011).
- ³ См.: Драч Г. Культурология. Ростов н/Д.: Феникс, 2002. С. 389–420.
- ⁴ Там же. С. 409.
- ⁵ См.: Российская идентичность: Аналитический доклад. М., 2007. URL: http://www.isras.ru/files/File/Doklad/Doclاد_Rus_Identity.pdf (Дата обращения: 10.09.2011).
- ⁶ См.: Крупкин П. Эволюционная теория архетипов Юнга: архетипические моменты в структуре коллективной идентичности // Публичное управление: теория и практика: сб. науч. работ Ассоциации докторов наук государственного управления. Харьков: Изд-во ДокНаукДержУпр, 2010. № 3–4. С. 304–305.
- ⁷ См.: Наумов А.И., Петровская И.А. Динамика влияния национальной культуры на управление бизнесом в России за период 1996–2006 гг. // Eurasian Review. Vol. 3. 2010. November. P. 69–72. URL: <http://www.evrasia.or.kr/review/04NaumovandPetrovskaiа.pdf> (Дата обращения: 10.09.2011).
- ⁸ Ibid. P. 77–84.
- ⁹ Ibid. P. 86.
- ¹⁰ См.: Лещенко Н. Белорусам нужна нация. URL: <http://polit.ru/article/2010/12/17/belarus/> (Дата обращения: 10.09.2011); Белорусский архетип: Директор INSTID презентует в Минске результаты исследования. URL: <http://instid.org/?p=114> (Дата обращения: 10.09.2011).
- ¹¹ Там же. URL: <http://polit.ru/article/2010/12/17/belarus/> (Дата обращения: 10.09.2011).
- ¹² См.: Гранд А., Лещенко Н. Президент для белорусской хозяйки: Кампании кандидатов в президенты Беларуси сквозь призму национального архетипа //

- Частный корреспондент. 2010. 16 ноября. URL: http://www.chaskor.ru/article/prezident_dlya_belorusskoj_hozyajki_21036 (Дата обращения: 10.09.2011).
- ¹³ См.: *Донченко Е.А.* Социетальная психика. Киев: Наук. думка, 1994; *Донченко О.А., Романенко Ю.В.* Архетипи соціального життя і політика: (Глибинні регулятиви психополітичного повсякдення). Киев: Либідь, 2001; *Мартинюк А.Ю.* Исторична соціологія: (циклічна парадигма). Киев: УАІД «Рада», 2004; *Крюков О.І.* Політико-управлінська еліта України як чинник державотворення. Киев: Видавництво НАДУ, 2006; *Бутирська Т.О.* Державне будівництво: стан, суперечності, перспективи розвитку в Україні. Киев: Вид-во НАДУ, 2007; *Радченко О.В.* Ціннісна система суспільства як механізм демократичного державотворення. Харків: Магістр, 2009.
- ¹⁴ См.: *Московичи С.* Машина, творящая богов. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. С. 6–7.
- ¹⁵ См.: Концептуальні засади взаємодії політики й управління. Киев: НАДУ, 2010. URL: http://lib.rada.gov.ua/static/about/text/Konzept_zasadi.pdf (Дата обращения: 10.09.2011).
- ¹⁶ См.: *Афонін Е.А., Донченко О.А., Антоненко В.О.* Психокультура України: «помаранчевий перехід» // Соціальна психологія. 2006. № 4. С. 77–93. URL: <http://www.politik.org.ua/vid/magcontent.php3?m=6&n=60&c=1281> (Дата обращения: 10.09.2011).
- ¹⁷ См.: *Афонин Э.А.* Цвет и психика = Color and Psyche // Аэропорт. 2006. № 1. С. 52–55. URL: <http://afonined.livejournal.com/1179.html> (Дата обращения: 10.09.2011).
- ¹⁸ См.: *Донченко Е.А.* Социетальная психика. Киев: Наук. думка, 1994.
- ¹⁹ См.: *Афонін Е.А., Донченко О.А., Антоненко В.О.* Психокультура України: «помаранчевий перехід».

Г.В. Амбросьева

ОПЫТ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ В ПОСТСОВЕТСКОЙ МОЛДОВЕ

В статье рассматривается пример реформирования государственного аппарата в Республике Молдове. В постсоветский период особенности культурного, экономического и политического потенциала привели к нестабильности демократического транзита. Это позволило представительству Программы развития ООН (ПРООН) в Республике Молдова реализовать модель институционального развития системы госучреждений. В ней большое значение имеет использование комплексных и системных подходов, которые учитывают взаимозависимость между различными участниками процесса.

Ключевые слова: политические институты, демократический транзит, постсоветское пространство, политическая нестабильность.

Опыт постсоветского периода показывает, что отсутствие объективных, эффективных, двусторонних политических коммуникационных связей приводит к высокой социальной напряженности, нарастанию конфликтов, непредсказуемости событий, падению легитимности политических институтов, возникновению кризисных ситуаций.

Очевидно, что поступательное демократическое развитие общества возможно только в условиях такой институциональной макроструктуры политики, которая отвечала бы критериям эффективности, ясности, предсказуемости и стабильности. Казалось бы, мировой опыт дает подобные образцы политических институтов. Однако методология политического реформирования постсоветской Молдовы, основанная на механическом переносе институциональных практик Запада без корреляции с соответствующей соци-

альной и культурной средой, себя не оправдала. На сегодняшний день нет ясного ответа на вопрос о том, находятся ли молдавские политические институты в состоянии транзита или же этот транзит стал естественной политической константой и будет воспроизводиться в дальнейшем, предопределяя существование политических институтов в превращенной форме.

В связи с этим возникает необходимость как в научной диагностике состояния этой системы, так и в разработке алгоритмов преодоления амбивалентности молдавского политического процесса, выраженной в сочетании двух начал – внешне демократического и внутренне авторитарного.

Демократизация не в состоянии автоматически обеспечить улучшение результатов развития. В развивающихся и переходных обществах с высоким уровнем бедности и социальной изоляции, таких как Молдова, особенно нужны действенные государственные институты, способные обеспечить развитие рыночной экономики, социальную справедливость и экологическую устойчивость. Сегодня, во времена разворачивающегося глобального экономического кризиса, с беспрецедентной остротой ощущается потребность в укреплении способности государства держать ситуацию под контролем и справляться с возникающими трудностями.

Проблемы развития потенциала, стоящие перед государственными институтами в Республике Молдова, носят разнообразный характер. Основываясь на результатах исследования¹ проектов ПРООН, связанных с оказанием содействия Республике Молдова в процессе подготовки к членству и интеграции в ЕС, авторы представляют модель институционального развития системы госучреждений и описывают процессы, посредством которых осуществляется это развитие.

Хотя в дискуссиях об укреплении потенциала госаппарата основное внимание зачастую уделяется структуре и внутренним механизмам функционирования официальных организаций, более широкие институциональные вопросы – особенно формальные и неформальные правила социальных и политических взаимодействий – также могут оказывать влияние на результативность многих мероприятий, направленных на развитие политической системы. Лауреат Нобелевской премии Дуглас Норт сформулировал определение института как «правил игры» в обществе или, говоря более формально, «придуманных людьми ограничений, которые направляют человеческое взаимодействие в определенное русло»².

Развитие институционального потенциала охватывает различные уровни действующих лиц, законов, правил и процедур, властных отношений и социальных норм (благоприятная среда),

а также укрепление организационного и кадрового потенциала. Для достижения реальных результатов обычно требуется проведение достаточно длительных по времени мероприятий. Их успешность зачастую зависит от таких факторов, как наличие приверженных реформам лидеров и политической воли. Развитие институционального потенциала, в сущности, связано с движущими силами перемен – на организационном, институциональном, личном, политическом и материально-техническом уровнях. Однако эти движущие силы остаются среди наименее изученных аспектов данного процесса.

В проектах ПРООН по институциональному развитию в Республике Молдова подчеркивается важность использования комплексных и системных подходов, которые учитывают взаимозависимость между различными участниками процесса и уровнями потенциала, а также отмечаются сопутствующие трудности. Например, в проекте представительства ПРООН в Республике Молдова по реформированию системы административного правосудия (2003–2005 гг.) институциональные изменения включали разработку кодекса административного судопроизводства, создание системы специализированных административных судов, совершенствование механизмов внутреннего контроля и процедур подачи и рассмотрения апелляционных жалоб, а также разработку и реализацию учебных программ для магистратов, персонала судов и госслужащих в целях их ознакомления с положениями нового кодекса. ПРООН исполняла роль координатора и в нужные моменты вмешивалась в процесс, чтобы помочь достичь консенсуса между национальными организациями относительно дальнейших шагов, необходимых для продвижения реформы административного правосудия.

Зачастую проведение более широких реформ системы государственного управления (направленных на реструктуризацию государственных ведомств или модернизацию госслужбы) является необходимой предпосылкой для повышения потенциала госаппарата. В 2005–2006 гг. представительство ПРООН в Молдове совместно с Всемирным банком, Шведским агентством по международному сотрудничеству в сфере развития (SIDA³) и Министерством по делам международного развития Великобритании (DFID⁴) создали рабочую группу по вопросам реформы государственной администрации в целях более совершенной координации усилий в этой области. Подготовленные при содействии ПРООН рабочие обзоры о ходе реализации реформ помогли сократить дублирование функций между министерствами и внутри отдельных ведомств. Для каждого министерства был установлен план институционального развития на среднесрочную перс-

пективу в соответствии с существующими внешними и ресурсными ограничениями.

С другой стороны, отсутствие общей стратегии в сфере реформирования госуправления может существенно сказываться на результативности усилий ПРООН по развитию потенциала (в качестве примера можно привести ситуацию в Грузии и Сербии до 2004 г.). Когда отсутствует единая рамочная основа, то помощь, оказываемая ПРООН, обычно страдает от фрагментации и разобщенности разнонаправленных действий. Поскольку ПРООН реагирует преимущественно на запросы отдельных государственных организаций, такие разрозненные усилия могут оказаться контрпродуктивными, если они не являются частью последовательно реализуемых комплексных реформ. До 2004 г. помощь, оказываемая государственным учреждениям Сербии из средств Фонда по наращиванию потенциала, имела лишь ограниченное воздействие на общие реформаторские усилия, что негативно сказывалось на эффективности национальных систем, ответственных за обеспечение населения общественными товарами и услугами.

Парижская декларация 2005 г. о повышении эффективности внешней помощи подчеркивает важность приверженности принципу национальной принадлежности при разработке политики и стратегии развития⁵. Реализация проектов непосредственно донорами или путем создания подразделений по управлению проектами или иных параллельных структур зачастую рассматривается как несоответствие данному подходу. При всей своей теоретической привлекательности на практике такие принципы могут налагать излишнее бремя на еще недостаточно окрепшие государственные структуры и непреднамеренно подвергать риску усилия по развитию потенциала. При управлении такими рисками важную роль играет своевременное определение соответствующих партнеров среди государственных структур и их вовлечение в работу на самых ранних этапах. В Республике Молдова законы о местном самоуправлении, принятые в 2005–2006 гг., существенно расширили круг обязанностей местных муниципалитетов, не все из которых обладали достаточным институциональным потенциалом, чтобы эффективно выполнять новые функции. Представительство ПРООН в Республике Молдова организовало программу поддержки, делавшую акцент на развитии потенциала муниципальных служащих (особенно за счет повышения уровня их навыков в области управления проектами и коммуникаций), на организационных процессах и процедурах и создании благоприятной обстановки (путем оказания органам государственного управления более высокого уровня помощи в выработке стратегий развития).

Более двух лет назад, в сентябре 2009 г., четыре политических объединения – Альянс «Наша Молдова» (АНМ), Демократическая партия Молдовы (ДПМ), Либеральная партия (ЛП) и Либерально-демократическая партия Молдавии (ЛДПМ) – сформировали Альянс за европейскую интеграцию (АЕИ), который пришел к власти с обещанием возродить процесс реформирования страны и приблизить Республику Молдова к Европейскому союзу. Вопреки ожиданиям период правления АЕИ продолжался менее четырех лет, Альянс попал в институциональный тупик на пути избрания главы государства. Между тем по результатам года работы АЕИ уже можно подвести некоторые итоги и сказать, насколько удачно были проведены реформы и насколько страна приблизилась к ЕС. После политических событий 2009 г. Республике Молдова удалось перестроить свою внешнюю политику, возобновить политический диалог с Европейским союзом и добиться существенной финансовой поддержки от западных партнеров. И все же серьезные успехи молдавской дипломатии, достигнутые после сентября 2009 г., не всегда сопровождались столь же значимыми результатами на внутреннем уровне. Альянсу не удалось в полной мере использовать внутренний и внешний политический капитал, в том числе из-за многочисленных внутренних разногласий, которые объясняются разнородным характером четырех политических партий. Кроме того, часть энергии Альянса, которая должна была направляться на решение проблем социального и экономического характера, была растрочена на неудавшуюся, как показал конституционный референдум 5 сентября 2010 г., попытку устранить институциональный блок, связанный с повторными провалами попыток избрания главы государства.

Поведением молдавских избирателей, как и во всем в мире, движет набор основных ценностей и традиций. Электорат предпочитает голосовать за политические формирования, уже укоренившиеся в отечественной «политической почве», или же за новые формирования, способные обеспечить перемены к лучшему⁶. Опыт последних двадцати лет перехода к демократии доказал, что в Республике Молдова успехов на выборах смогли добиться только формирования, способные занять и сохранить доминирующие позиции в нескольких «политических нишах», которые имеют традиционные определения – *левая*, *правая* и *центр*. Отдавая свои голоса за партии из этих «ниш», молдавский электорат в полной мере проявляет свою специфику, сформировавшуюся в силу некоторых факторов.

Республика Молдова – практически единственная в Европе страна, где кризис национальной идентичности (молдаване или румыны?) представляет собой определяющий фактор в поляризации взглядов политических сил. Начиная с выборов 1994 г. данный во-

прос постоянно выдвигается в предвыборных кампаниях. Серьезные дебаты между партиями на социально-экономические и политические темы зачастую умышленно подменяются этнолингвистическими, историческими и другими спорами. Такого рода дискуссии имеют максимальное пропагандистское воздействие – они вызывают непосредственно к чувствам граждан и к естественной потребности национального самоопределения. В этом контексте можно отметить, что за минувшие после провозглашения независимости Республики Молдова годы отечественная интеллигенция придерживалась обычно прорумынских взглядов, сельское население разделяло преимущественно промолдавские взгляды, а русскоговорящие национальные меньшинства, которые сосредоточены в основных городах и которые в начале 90-х годов составляли около 35% всего населения страны, отличались пророссийскими симпатиями⁷.

Немаловажный фактор – советский идеологический эксперимент, связанный с подрывом веры в Бога, которую должна была заменить вера в «светлое коммунистическое будущее», обернулся в Молдове (преимущественно сельской стране) более губительным воздействием, чем в урбанизированных государствах и регионах, где социальные ценности не имеют столь явной религиозной подоплеки. С этой точки зрения современные политические доктрины и названия партий, отражающие доктринальные предпочтения, не слишком понятны большинству молдавских избирателей, будучи достоянием относительно узкого сегмента партийной элиты, исследователей и студентов и, быть может, групп сторонников соответствующих формирований.

И действительно, системы ценностей, которые молдаване разделяли на протяжении более одного тысячелетия, были глубоко христианскими. И только в 40–90-х годах прошлого века они были заменены на коммунистические. А в итоге последствия этого оказались катастрофическими: веру в Бога «конфисковали», а земное счастье – коммунизм – так и не построили. Подобная ситуация обернулась, с одной стороны, чувством разочарования и отсутствием ценностных ориентиров для абсолютного большинства населения, а с другой – стала настоящим «раем» для «выскочек». В ситуации отсутствия ориентиров на первый план выдвигаются призывы вернуться к истокам, к подлинным национальным, традиционным ценностям, к вере предков и т. д., что в конце 80-х – начале 90-х годов, когда происходил развал СССР, послужило стимулом для роста национализма⁸. Позже процесс перехода потребовал заимствования привлекательных социальных моделей, которые доказали свою жизнеспособность и успешность в других странах. Как уже отмечалось выше, такими моделями могли стать только западные.

В общих чертах можно утверждать, что электоральное поведение молдавских избирателей вполне предсказуемо. Если социально-экономическая ситуация в стране остается относительно стабильной, то от одного электорального цикла до следующего электоральные предпочтения претерпевают незначительные изменения. Столь же предсказуемо поведение избирателя и в случае катастрофического ухудшения социально-экономического положения. Электорат наказывает партии, находившиеся у власти, и его голос протеста идет в поддержку партий, правивших, когда его материальное положение было несколько лучше. Пока молдавские избиратели не пускались на уникальные эксперименты по массовой поддержке новых политических сил, не имеющих глубоких корней в молдавской политической почве. Вместе с тем спустя 20 лет многопартийности прослеживаются новые тенденции, предвещающие возможные изменения в электоральном поведении молдавских граждан.

Подводя итоги, можно сказать, что не все инициативы в области развития институциональной среды приводят к быстрому и эффективному улучшению качества государственного управления. Усилия по обучению госслужащих вряд ли дадут ощутимые результаты, если они будут продолжать работать в нереструктурированных институциональных структурах без современных средств управления и контроля со стороны общественности. Чтобы стать по-настоящему действенными, подходы в области развития политической среды должны приспосабливаться к местным условиям; универсальные методы, пригодные «на все случаи жизни», редко приносят успех. Более того, даже в тех случаях, когда задача была решена успешно, вновь приобретенный госструктурами авторитет может быть утрачен в результате таких потрясений, как стихийные бедствия или антропогенные катастрофы, конфликты, а также экономические и экологические кризисы. И все же профессиональные знания и опыт в сфере развития политического потенциала, которыми обладают сотрудники представительства ПРООН в Республике Молдова, могут служить ценным подспорьем, особенно для стран, преодолевающих сложные и взаимосвязанные проблемы переходного периода.

Примечания

¹ См.: Programul Națiunilor Unite pentru Dezvoltare. URL: http://undp.md/rom/main_r/index.shtml

² Норт Д. Институты, институциональные изменения и экономические показатели. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. С. 17.

Опыт развития политических институтов...

- ³ Swedish International Development Cooperation Agency. URL: <http://www.sida.se>
- ⁴ Department For International Development. URL: <http://www.dfid.gov.uk>
- ⁵ См.: Paris Declaration on Aid Effectiveness and the Accra Agenda for Action. URL: <http://www.oecd.org/dataoecd/11/41/34428351.pdf>
- ⁶ См.: Guvernare si democratie. URL: <http://www.e-democracy.md/files/guvernare-democratie-03-ro.pdf>
- ⁷ См.: Барометр общественного мнения. Режим доступа: <http://www.ipp.md>
- ⁸ См.: *Boțan I.* Partidele și democratizarea Republicii Moldova. URL: <http://www.e-democracy.md/monitoring/politics/comments/20081203>

Г.А. Луговой

ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПАНТЮРКИЗМА НА ПРИМЕРЕ ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ

В статье исследуется интеграционный потенциал идеологии пантюркизма в контексте внутренней и внешней политики Турции. Автор рассматривает пантюркизм как социальный феномен, являющийся формой организации идеологической идентичности в турецком обществе. Подобная идентичность является инструментом интеграции общественных элементов в соответствующие социально-политические структуры. В статье выявляются основные факторы, способствующие развитию пантюркизма, рассматриваются формы его институционализации в современном турецком обществе.

Ключевые слова: пантюркизм, идеология, конструктивизм, внутренняя политика Турции, внешняя политика Турции.

Пантюркизм получил распространение в Османской империи на рубеже XIX–XX вв. с целью противостоять сепаратистским национальным движениям и сформировать новую национальную идентичность среди этнических тюрок, проживавших на территории Малой и Средней Азии. На протяжении XX века данная концепция значительно изменилась под влиянием ряда внутренних и внешних факторов. Из концепции, основанной на идеалистических воззрениях части турецкой интеллигенции, к концу XX столетия пантюркизм становится прагматической доктриной, легитимирующей как внутри-, так и внешнеполитические и экономические процессы.

Сегодня пантюркизм – это идеологическая концепция, элементы которой присутствуют в той или иной форме в программных документах практически каждой турецкой партии. Как национа-

листическая идеология, пантюркизм предлагает свой вариант национальной и наднациональной идентичности, призванной выступить интегрирующей платформой различных общественных элементов как внутри турецкого общества, так и вне его, для реализации идеологических, пантюркистских целей. Исходя из конструктивистской парадигмы, я пытаюсь выявить основные социально-политические факторы, влияющие на развитие пантюркистской идеологии, его институциональные формы, а также на интеграционный потенциал пантюркизма.

Появление идеологии пантюркизма в середине XIX в. стало логическим следствием развития националистических движений в результате ослабления центральной власти и начала развала Османской империи, обострения «Восточного вопроса». Распространение идей национализма и независимого национального существования среди христианских народов; образование на Балканах независимых и полунезависимых национальных государств из бывших османских провинций; сепаратистские тенденции в среде мусульман-нетурок; зарождение самосознания среди тюркских народов Российской империи; активное вмешательство и манипуляции европейских держав в делах внутренней и внешней политики страны – эти факторы стали причинами появления в среде османской интеллектуальной элиты, пытавшейся осмыслить происходящие вокруг события, активных дискуссий о дальнейшей судьбе и способах спасения Османской империи.

В 1904 г. в газете «Тюрк» появилась статья «Три вида политики», в которой автор татарского происхождения из Симбирска, один из первых идеологов пантюркизма Юсуф Акчура рассматривал три варианта выбора национальной идеологической доктрины для спасения слабеющей империи – пантюркизма, панисламизма и османизма – и доказывал приоритетность пантюркистской идеологии над панисламизмом и османизмом. «Благодаря этой политике все турки, проживающие в Османской империи, смогли бы легко объединиться внутри этнических и религиозных границ, а другие мусульманские нетюркские, но тюркизированные группы смогли бы продолжить ассимилироваться. Те народы, которые не были ассимилированы, но в то же время не имели чувства национальной идентификации, были полностью ассимилированы в рамках данной политики. Однако главное преимущество подобной политики заключается в том, что она объединила бы всех тюрков, проживающих в Азии и в восточных регионах Европы и объединенных единым языком, этничностью и религией»¹. В статье Акчура отмечал, что религиозная (исламская) доктрина не могла исполнить роль интегрирующей идеологии ввиду развития сепаратистских движений в

среде не только христианских, но и мусульманских народов Северной Африки и арабского Востока. Гражданская (османская) идентификация теряла свою силу ввиду неудачных попыток развития гражданских институтов и гражданского самосознания со стороны «новых Осман» во второй половине XIX в.

Уже на примере творчества Юсуфа Акчуры можно выделить несколько важных черт, характеризующих пантюркизм как националистическую идеологию. Пантюркизм явился искусственно созданной, рационально разработанной интеллектуальной моделью, выступающей инструментом в целенаправленном создании и формировании новой национальной идентичности. Не менее важно и то, что сама идеология изначально формировалась в условиях угрозы существованию государства извне и выполняла не только интеграционную, но и охранительную функцию с точки зрения определения границ новой национальной идентичности. Впоследствии пантюркизм стал представлять идеологическое движение, стремящееся к политическому и культурному единству всех тюркоязычных народов, апеллируя к близости языка, традиций, культуры и религии тюркских народов. В рамках внутренних процессов в турецкой общественно-политической системе пантюркизм стал органичной частью турецкого национализма, как выражая его империалистические устремления, так и давая фундамент для риторики и привлечения электоральной аудитории националистических политических партий.

В начале XX в. раскрывается талант турецкого политика и общественного деятеля Зии Гёкальпа, который вошел в историю турецкой нации как первый национальный социолог и обществовед, идеолог турецкого национализма и пантюркизма, поэт, писатель и активный член младотурецкого движения. По мнению Гёкальпа, на протяжении веков тюрки потеряли многие из своих прежних традиций, воспринимая традиции других народов. Поэтому основной задачей всех тюрков является возвращение к своим корням, «познание самих себя», воссоздание «тюркской души» в чистом виде. При этом он идеализировал доисламское прошлое тюркских народов, их политические и культурные достижения, «героические деяния» Атиллы, Чингиз-хана, Тимура, Бабур и османских султанов. Важнейшим интегрирующим фактором для тюрков должен был являться язык, и в языковой независимости он видел основное условие независимости политической.

В работе 1913 г. «Тюркизироваться, исламизироваться, модернизироваться» Гёкальп отмечал, что задачей тюркизма является создание единой тюркской культуры. Автор обозначал потребность в том, чтобы язык Стамбула стал наднациональным языком

для всего тюркского мира. Родиной тюркской нации должен был стать Туран – идеальная родина, в которой живут тюрки, в которой разговаривают по-тюркски и которая является неким союзом тюркских стран. Огромное пространство Турана географически очерчивалось вверх, к северу от Ирана, и вширь, от Кавказа до Саян. При этом тюркский мир мыслился как ось этого обширного «Турана» – соответственно пантюркизм выступал как концентрированное выражение более широкого и более расплывчатого пантюранизма. Государство для Гёкальпа фактически являлось синонимом нации, он категорически выступал против многонациональных империй, обреченных, в его понимании, на скорую гибель. Исходя из этого, национальные государства должны поддерживать своих соплеменников в государствах многонациональных².

Юсуф Акчура и Зия Гёкальп впервые призвали к политическому объединению тюркских народов во главе с Турцией, став первыми, кто перевел пантюркизм из культурно-психологической в общественно-политическую плоскость. Геополитическая сущность тюркизма и пантюркизма была направлена на формирование моноэтничного тюркского государства во главе с Турцией. Предполагалось, что после формирования такого мощного центра начнется формирование империи Туран.

Следующий всплеск развития пантюркистских идей пришелся на годы Второй мировой войны. Невоюющая Турция внимательно и подчас благосклонно выслушивала идеологов и дипломатов рейха о скором крушении СССР и готовности фашистов «поделиться» с Турцией некоторыми советскими территориями на Кавказе, в Крыму и Средней Азии, населенными тюрками. Пантюркистские круги страны получили реальные основания для реализации своих авантюрных планов и требовали от властей вступления Турции в войну на стороне Германии. Один из идеологов пантюркизма периода Второй мировой войны Нихаль Атсыз писал, что «существует издавна, начиная со своего возникновения в Центральной Азии, одно-единственное Тюркское государство, с течением времени меняющее характер своей власти». В июне 1941 г. пантюркистский журнал «Боз курт» в качестве приложения к статье «Тюркизм ждет» опубликовал карту Турана, куда были отнесены все территории с большинством этнического тюркского населения³.

В 1950-60-е годы, вместе с демократизацией политической жизни в Турции, пантюркизм входит в риторику ряда националистических партий. В этот же период пантюркизм получает свое логическое продолжение в работах турецких идеологов национализма Арпаслана Тюркеша, основателя ныне действующей и популярной партии националистического действия (ПНД), и его соратника и

единомышленника Нихаля Атсыза. В работе 1955 г. «Тюркский идеал» Атсыз писал о возможности создания единого тюркского государства, основанного на братстве тюркских народов и близости их языков, религии и истории, и отстаивал реализуемость пантюркистских устремлений. «Пантюркизм – это идеал. Идеалы – моральная пища нации. Нации без идеалов даже в самые светлые времена истории были обречены на гибель. Если нация несчастлива и у нее нет идеалов, она обречена на гибель»⁴.

В 1969 г. Арпаслан Тюркеш основал ПНД, которая становится первой политической партией, открыто использующей пантюркизм в своей политической программе. Лозунги ПНД носили отчетливый пантюркистский характер. Помимо этого, Тюркеш создает ряд общественных организаций националистического толка, например «Великое идеалистическое общество», «Федерация организаций тюркских эмигрантов и переселенцев» и др. В том же 1969 г. при содействии Тюркеша и ПНД появляется организация «Серые волки», или «Идеалисты». В программе организации обозначалась цель создания Великой Тюркской империи Туран, в которую бы вошли народы Средней Азии, Кавказа и Балкан, а также уйгуры⁵. Опираясь на работы пантюркистских идеологов, и прежде всего самого Тюркеша и Атсыза, идеалисты подчеркивали свою привязанность к мусульмано-тюркскому миру.

Популярность партии постоянно росла. На выборах 1977 г. ПНД набирает 6,4% голосов избирателей и проводит в парламент 16 депутатов. В коалиционном правительстве 1977 г. от ПНД были представлены пять министров. Спецификой организации являлась ее военизированность и стремление к проведению в жизнь идей пантюркизма с помощью оружия (террористические акты, диверсии, погромы). К 1980 г. ПНД во главе с Тюркешем контролировала 1700 легальных организаций «Идеалистов», насчитывавших 200 тысяч членов, и имела примерно 1 миллион сторонников. Для влияния на общественное сознание под контролем партии находились 37 печатных органов. В распоряжении ПНД находились военизированные лагеря для подготовки террористов и штурмовиков, склады оружия, радиостанции⁶.

Таким образом, в середине XX в. пантюркизм активно входит во внутреннюю политику страны. Спецификой данного периода стало проявление еще одного аспекта пантюркистской идеологии – она не только легитимировала внешнеполитические устремления, но и выступала под лозунгами противостояния реальным или мнимым угрозам турецкой идентичности извне, принимая охранительную функцию защиты культурных границ нации и формирования в их рамках новых политических сообществ. Как отмечает российский

исследователь Николай Киреев, в 1950-е годы турецкие пантюркисты объединялись вокруг антисоветских лозунгов. Уже к 1960-м годам, после вступления Турции в НАТО и ее попадания под политическое, экономическое и культурное влияние союзника по блоку США, их стали заменять антиамериканские настроения.

Развал СССР и появление на карте ряда новообразованных тюркских республик, получивших свободу от советского «ига», было воспринято турецким истеблишментом как сигнал к действию. В 1992 г. при МИД Турецкой Республики создается специальное ведомство – Агентство по сотрудничеству с тюркоязычными государствами (Türk İşbirliği ve Kalkınma Ajansı), являющееся частью аппарата премьер-министра. Агентство наладило издание нескольких журналов – на турецком, английском, казахском, киргизском, туркменском, узбекском языках, приступило к реализации обширной программы сотрудничества с тюркскими республиками. Среди задач организации числятся разработка, поддержка, координация и реализация проектов, способствующих развитию тюркоязычных стран и налаживание экономического, торгового, технического, социального, культурного и образовательного сотрудничества с ними; консалтинговые услуги на высшем уровне в сфере экономики и создание турецких культурных центров с представительствами в 22 странах⁷.

Одним из высказываний, характерных для риторики турецких лидеров того периода, стало высказывание президента Турции Сулеймана Демиреля на конференции ТИКА в 1992 г.: «Ни в одном из периодов своей истории великое тюркское сообщество, простирающееся от Адриатики до Китайского моря, не существовало как единое государство. Действительно, в этом регионе проживают люди, имеющие с нами одну и ту же историю, культуру, язык, религию, традиции. У нас с ними одни и те же сказки, колыбельные песни, предания, сказы, речь, вера, душа. Если мы называем их нашими братьями, кто может усомниться в этом?.. Поэтому мы хотим, чтобы Республика Казахстан, например, могла стоять на собственных ногах, сама управлять своими делами, сохранять свою независимость. То же самое относится к Киргизии, Узбекистану, Туркменистану, Таджикистану, Азербайджану, Грузии – все они должны стоять на собственных ногах»⁸.

Именно в 1990-е годы пантюркизм из идеологических концепций части турецкой элиты превращается в риторику для легитимации геополитических и экономических устремлений на территории Средней Азии, куда Турция получила доступ наравне с другими игроками евразийской геополитической карты. Среди основных предлагаемых Турцией мер, направленных на взаимоин-

теграцию экономик тюркских стран, можно выделить введение в тюркских республиках правовых норм, способствующих торговле и инвестициям; передачу этим республикам технологий и опыта современного менеджмента для поднятия конкурентоспособности местной промышленности; установление сфер возможного участия транснациональных компаний, уже действующих в Турции, в республиках Средней Азии и Азербайджане; определение направлений и сфер сотрудничества между Турцией и тюркскими республиками; выдвижение наиболее подходящих турецких банков и страховых компаний для создания благоприятных финансово-экономических условий в этих республиках; создание на паритетных началах совместных судоходных компаний, а также совместных торговых палат и других объединений частного сектора; обложение минимальными таможенными пошлинами товарооборота между Турцией и тюркскими республиками; поощрение деятельности турецких строительно-подрядных фирм в этих республиках; обеспечение обмена информацией между банками Турции и тюркских республик.

Пантюркизм и сегодня продолжает играть заметную роль во внутренней и внешней политике Турции, чему способствует сохранение основных предпосылок, являвшихся социально-политическим основанием для развития этой идеологии на протяжении XX века. Спецификой данного периода является дальнейшая трансформация пантюркизма из идеологии, лежащей в плоскости идеалистических и утопических идей, в логически обоснованную риторику и набор внешнеполитических инструментов, направленных на обслуживание геополитических интересов Турции.

Процессы, влияющие на рост пантюркистских настроений, затрагивают национальную идентичность турок и вызывают негативную социальную реакцию. Среди них можно отметить вступление Турции в ЕС, навязывающий Турции дальнейшие шаги по либерализации общественной жизни, включая болезненный для нее курдский вопрос, а также вопросы других национальных и конфессиональных меньшинств. Интеграция Турции в европейскую политическую систему заставляет ее приступить к разрешению неоднозначных конфликтов с соседними странами, включая Армению, Кипр и Грецию. Помимо этого, стоит упомянуть беспрецедентный для стран – участниц НАТО рост антиамериканских настроений в турецком обществе, вызванный активным вмешательством и манипулятивными действиями США в отношении Турции в период войны в Ираке в 2001 г. В то же время рост экономики страны и позиционирование ее в качестве «энергетического коридора» способствуют заинтересованности власти в развитии культурных и идеологических связей с тюркским регионом.

Развитию пантюркизма и его интеграционному потенциалу способствует сохранение основных предпосылок, являющихся социально-политическим основанием для развития этой идеологии на протяжении XX века, и среди них реальные или мнимые угрозы турецкой идентичности, что приводит к неминуемому росту националистических настроений и популярности политических сил – основных носителей пантюркистских идей в современном турецком обществе.

Примечания

- ¹ Akcura Y. Three policies. URL: <http://eurasia-research.com/erc/009cam.htm>
- ² См.: *Gökalp Z. Türkçülüğün Esasları*. Istanbul, 1996. S. 365.
- ³ См.: *Сваранц А.А. Пантюркизм в геостратегии Турции на Кавказе*. М., 2002. С. 145.
- ⁴ *Atsız N. Türk ülküsü*. Maltepe, 1996. S. 35.
- ⁵ www.ulkuocaklari.com.tr
- ⁶ См.: *Киреев Н.Г. История Турции: XX век*. М., 2007. С. 332.
- ⁷ См.: www.tika.gov.tr
- ⁸ Цит. по: *Киреев Н.Г. Указ. соч.* С. 352.

М.С. Круглов

ГРАЖДАНСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ И ОППОЗИЦИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

В статье исследуются низовые формы гражданской активности, которые при определенных условиях функционируют на уровне политического процесса, влияя на него и дополняя его. Важную роль в этом процессе играет взаимодействие между низовыми элементами гражданского общества и политическими акторами, в результате которого происходит политическое действие, потенциально влияющее на трансформацию политического процесса.

Ключевые слова: гражданские инициативы, политический процесс, трансформация, политическая оппозиция.

Построение социального правового демократического государства, обеспечивающего достойное качество жизни, гарантированные права и свободы граждан, невозможно без активного участия самих граждан. Создание и укрепление работающих демократических институтов находятся в прямой зависимости от гражданской инициативы людей различной направленности, их гражданской мотивированности. Эту способность руководствоваться общественными интересами, как считал итальянский политолог Роберт Патнэм¹, развивает участие в работе добровольных ассоциаций и общественных движений. Этот фактор значительно весомее социально-экономических условий, так как не столько экономическое развитие определяет дух гражданственности, сколько, напротив, дух гражданственности ведет к экономическому росту. Участие в деятельности общественных и гражданских организаций способствует установлению между гражданами отношений, основанных на доверии и солидарности.

© Круглов М.С., 2012

Целью данной статьи является анализ современных форм гражданской активности в России, совместных действий с политической оппозицией, определение характера и степени потенциала влияния совместных действий на политический процесс. Некоторыми задачами работы являются определение теоретико-методологических подходов к исследованию гражданского и социального активизма; определение специфических черт гражданской активности в России; анализ институциональных рамок существования гражданской активности в России как элемента политической системы; изучение тактики взаимодействия политических акторов с субъектами гражданских инициатив.

Рассматривая гражданскую активность и гражданские организации как одну из институционализированных форм существования гражданского общества, мы выделяем именно гражданскую составляющую, т. е. групповое или индивидуальное взаимодействие индивидов с органами власти для защиты собственных, групповых или общественно значимых прав и интересов.

За последние несколько лет в России наблюдается резкий подъем гражданской активности, создаются общественные движения и организации, стремящиеся воздействовать на процесс принятия решений по тем или иным отдельным вопросам, но не пытающиеся установить полный политический контроль над государством. В этом состоит их отличие от политических партий, для которых захват и удержание власти всегда является главной задачей. Такие организованные группы граждан в работе американского ученого Арнольда Бентли «Процесс правления. Изучение общественных давлений» получили название «заинтересованные группы». Бентли, родоначальник изучения заинтересованных групп, описывает механизмы взаимодействия различных групп друг с другом, государственными и общественными институтами, что во многом определяет процесс государственного управления².

Если применить классификацию заинтересованных групп, предложенную французским политологом Жаном Блонделем³, к появляющимся гражданским организациям в современной России, то на первый план выходят «ассоциативные группы», подразделяющиеся на два вида: группы «защиты» и группы «поддержки». Как отмечает политолог Григорий Голосов, эти группы часто встречаются и особенно влиятельны в странах зрелой либеральной демократии⁴. Группы «защиты», к числу которых относятся прежде всего профсоюзы и предпринимательские ассоциации, призваны отстаивать материальные интересы своих сторонников. Группы «поддержки» стремятся к достижению конкретных, строго ограниченных целей, которые могут быть очень разными. Приведем лишь некоторые

разновидности групп «поддержки»: экологические движения, антивоенные организации, лиги «за» и «против» аборта, гендерные движения за равенство полов и т. п. Иногда группа «поддержки» создается только для того, чтобы добиться, к примеру, закрытия военной базы или строительства/отмены строительства нового моста. Как только задача решена, группа, как правило, исчезает. Организационная структура групп «поддержки» часто аморфна, членство не фиксируется, руководство определяется спонтанно.

Каждая из разновидностей заинтересованных групп предпочитает использовать специфические каналы влияния. Группы «защиты» оказывают давление непосредственно на государственные институты, причем особенно часто объектом их внимания становится бюрократия. Группы «поддержки» начинают, как правило, с формирования благоприятного для них общественного мнения, служащего им как бы точкой опоры. И те и другие придают большое значение взаимовыгодному взаимодействию с политическими партиями.

Социальная и гражданская активность индивидов и групп в современной России становится важнейшим ресурсом общественных преобразований, способом преодоления патерналистских отношений в обществе. Как отмечает польский исследователь процессов политической и экономической трансформации Адам Пшеворский, появление раскола в правящей элите и подъем активности в гражданском обществе являются главными характеристиками либерализации авторитарного режима – ситуации, складывающейся в начале его политической трансформации⁵. Положение о появлении раскола в правящей элите выведем за скобки как отдельную тему для исследования, остановимся подробнее на гражданских инициативах в российском обществе как на характерной тенденции политического процесса России последнего времени.

В современной России наблюдается устойчивый рост массовых уличных и «сетевых» протестов, приобретающих системный характер, которые в условиях неработающих или частично работающих каналов обратной связи между правящей элитой и гражданами становятся важнейшим элементом взаимодействия общества и власти⁶. Гражданские движения современного этапа характеризуются активностью именно гражданской и социальной направленности. В России наблюдается появление активного слоя граждан, готовых решать различные возникающие проблемы и вопросы без участия и помощи государства, а зачастую и вопреки его воле и действиям, объединяясь в организации, группы «защиты» или «поддержки».

Часто точки концентрации гражданской активности носят локальный, неполитический характер⁷, но в условиях закрытости

политической системы, не имея возможности быстро и эффективно решить свою «локальную проблему», требования и охват проблемы расширяются, неизбежно затрагивая область политического, что является существенным фактором функционирования политической системы России.

Изучение самоорганизующихся структур на локальном уровне является актуальным в силу того, что именно на этом уровне закладываются основы гражданской самоорганизации, из которых впоследствии вырастают более сложные формы демократического общественного устройства.

В условиях отсутствия доверия граждан друг к другу, к государственным институтам, в условиях адаптации как главной мотивационной характеристики социально-политических интенций российского населения⁸ в качестве реальных факторов консолидации выступают прежде всего действия самой власти, против которых и сплачиваются граждане на низовом уровне для локальных протестов. Эти протесты, как правило, ограничены рамками жилого дома, предприятия, микрорайона, в некоторых случаях – города или даже региона. Причина здесь среди прочего в том, что именно на этом уровне вторжение в «пространство граждан» воспринимается ими как нарушение некоего негласного пакта о ненападении. В отличие от этого экспансия власти в политическое пространство, будь то на федеральном или региональном уровне, не вызывает ощутимого противодействия, поскольку большинство граждан не воспринимают это пространство как «личное».

В условиях кризисных тенденций в обществе постепенно нарастают усталость, разочарование, раздражение по отношению к власти и к ее институтам, и по любому, часто незначительному поводу эти настроения могут выплеснуться наружу⁹. Такая тенденция периодически прорывается в уличных протестах и взрывах возмущения в сети Интернет, но хотя всплески этой протестной/эмоциональной активности учащаются, они затрагивают небольшую часть населения и в большинстве своем кратковременны. Активность вскоре стихает, часто не оставляя организационных следов, за ней не следует какого-либо смыслового продолжения¹⁰. Тем не менее власти приходится реагировать даже на такое кратковременное и бессистемное недовольство, а способы, которые использовались раньше, сегодня оказываются неработающими. Прежняя тактика невнимания и игнорирования общественных претензий не всегда находит понимание, и часто радикализирует до того умеренную часть граждан, подобные сбои происходят чаще, и людям, принимающим решения, приходится все больше идти на уступки.

Основные группы гражданской инициативы объединены вокруг немногих весьма конкретных проблемных направлений: рост цен на коммунальные услуги, экологические проблемы и ущемление прав отдельных групп граждан (жильцы общежитий, обманутые застройщики, жители, протестующие против уплотнительной застройки или вырубки зеленых насаждений), градостроительный облик города, нарушения прав собственности и т. д. На поляне гражданской активности ярко выступают региональные группы с региональной протестной тематикой. Последние ключевые примеры: Дальний Восток (протесты против введения пошлин на ввоз импортных автомобилей), Калининградская область (десятитысячный митинг против повышения транспортного налога, как результат – отставка губернатора Г. Бооса), длительные системные протесты в Санкт-Петербурге против строительства башни «Охта-Центр» и др.¹¹ Все эти группы согласно классификации Блонделя относятся к заинтересованным группам «защиты» или «поддержки». Подобные протестные акции с общей региональной тематикой, выходящие за рамки собственных корыстных целей участников, быстро переходят в политическую стадию с соответствующими требованиями.

Гражданское общество, которое состоит в первую очередь из подобного рода социальных движений, изначально формируется снизу вне институциональных рамок, в основном, через протестные действия локального характера с дальнейшей политизацией, архаично заменяя во многом отсутствующие или не работающие политические институты.

На определенном уровне популярности конкретной гражданской инициативы к процессу активно подключаются оппозиционные политические акторы, часто по своей инициативе, часто – по просьбе заинтересованной группы. Их усилия становятся фактором быстрой политизации заявленных требований и фактором трансформации «кейса» в более системный и эффективный процесс, с одной стороны, и увеличения электоральной популярности самой оппозиции – с другой. Примеров совместных действий гражданских организаций и политической оппозиции множество, среди ключевых можно отметить уже упоминавшийся «кейс» совместной борьбы против строительства башни «Охта-Центр» («Гражданская коалиция в защиту Петербурга», партия «Яблоко», движение «Объединенный гражданский фронт», движение «Солидарность»); протесты против вырубки Химкинского леса (движение в защиту Химкинского леса, партия «Яблоко», Авангард красной молодежи), митинг-концерт в защиту Химкинского леса с участием Юрия Шевчука в августе 2010 г. (движение «Солидарность»), Второй Всероссийский женский съезд 2008 г. и создание Совета по консолидации

женского движения (партия «Яблоко»), протесты в Калининграде, которые привели к отставке губернатора Георгия Бооса (гражданская организация «Справедливость», движение «Солидарность», партии КПРФ, «Яблоко»). В отношении гражданского участия интеллигенции и деятелей культуры подобные черты имеет общественная кампания против второго дела Михаила Ходорковского и Платона Лебедева, в которую в разной степени вовлечены движения «Солидарность», Объединенный гражданский фронт и другие группы непартийной оппозиции, а также партии «Яблоко», «Правое дело», отдельные представители «Справедливой России»; из той же категории – кампания за освобождение экс-юриста ЮКОСа Светланы Бахминой.

Говоря о формах различных гражданских инициатив последнего времени, необходимо отметить возрождение и традиционных советских форм давления на власть, модифицированных под технологическую реальность XXI века. Это появившиеся коллективные письма, петиции, обращения, преимущественно в пространстве сети Интернет, с активным использованием так называемых социальных сетей и пространства блогосферы. Такого рода активность зачастую оказывается наиболее результативной с точки зрения принятия положительного решения по вопросу обращения. Наиболее яркие примеры удавшихся инициатив: упомянутый выше случай условно-досрочного освобождения бывшего юриста компании ЮКОС Светланы Бахминой (было собрано около ста тысяч подписей на специально созданном сайте в сети Интернет¹²), освобождение из-под стражи Василия Алексаняна, сохранение Европейского университета в Санкт-Петербурге, ряд успешных антикоррупционных инициатив общественного деятеля Алексея Навального в пространстве блогосферы. В качестве примера ответной реакции со стороны государства на возникающие кейсы гражданской активности можно привести инициативы репрессивного изменения и применения законодательства, регулирующего протесты (ужесточение наказания за перекрытие федеральных трасс, увеличение полномочий ФСБ, новая редакция «государственной измены» в Уголовном кодексе и т. п.), апробацию применения уголовного законодательства против «блоггеров» (случаи Саввы Терентьева, Ирека Муртазина, Алексея Навального и др.¹³). На сегодняшний день такие тенденции в большей степени носят формальный характер и редко применяются на практике, но очевидно, что при определенной необходимости нормы законодательства могут быть применены и реализованы со всей строгостью и избирательностью.

Тем не менее многие гражданские инициативы весьма недолговечны, поддерживаются небольшим количеством активистов, пло-

хо организованы, бессистемны. В вопросе гражданской активности важную роль играют показатели доверия, общественной солидарности и готовности сплочения. Как отмечает Александр Аузан, мы проходим точку самого слабого общества за последние пятнадцать лет. Динамика социального капитала, норм доверия в обществе сейчас находится на минимуме. На вопрос «Доверяете ли вы людям?» или «Можно ли доверять людям?» – 77% респондентов отвечают отрицательно¹⁴.

Как было показано выше, не всегда, но очень часто создаются сети взаимодействий. Происходит процесс становления солидарных отношений между людьми, и уровень доверия в новой активистской среде, как свидетельствуют результаты количественных исследований¹⁵, намного выше, чем в среднем у населения.

В активистской среде есть потенциал преобразования властных отношений снизу, поскольку инициативные группы существуют на добровольной основе, не имеют бюджета (большинство из этих групп не получают гранты) и фиксированного членства. Это люди, которые действуют по разным причинам и руководствуясь разными мотивами, связанными отчасти с защитой собственного интереса и права, но отчасти – с альтруистическими установками, с солидаристским стремлением. На наш взгляд, именно в рамках таких социальных инициатив, новых гражданских структур происходит изменение политической культуры, возникают новые нормы, новые ценности, появляется и развивается солидарность на деле. В нашем понимании, гражданское социальное движение – это неформальное, неинституциональное объединение людей, граждан, действующих солидарно для достижения определенных целей, связанных с социальными изменениями в обществе.

Как отмечалось выше, для современного политического процесса в России характерны совместные проектные действия политической оппозиции и гражданских организаций, артикулирующих гражданские инициативы, что, являясь фактором их политизации, способствует решению заявленной проблемы, с одной стороны, и увеличению электоральной популярности и значимости представителей оппозиции – с другой. Что же заставляет политическую оппозицию, как умеренную, так и радикальную ее часть, отказываться от политики в чистом виде и большую часть своей активности направлять на поддержку инициатив гражданского сектора?

Теоретики рационального выбора (“rational choice”) вводят инструментальную концепцию, в которой действия оцениваются с точки зрения рациональности, исходя из интенции, изначально направленной на достижение некоторой заданной цели. Рациональность, другими словами, говорит больше о средствах, а не об

итогах, отвечая на вопрос «каким образом?». Любой подход акторов может быть оценен как рациональный, если он эффективен для достижения цели и является лучшим из возможных способов¹⁶. Методы теории рационального выбора широко применялись в микроэкономике, наибольшее значение при этом имела теория игр, в дальнейшем успешно применяемая в эмпирических исследованиях в социальных науках. Теория игр имеет дело с рациональным выбором при наличии стратегической взаимозависимости, т. е. когда на выбор индивида оказывает влияние выбор других людей, и наоборот. В сложившихся условиях взаимодействие российской политической оппозиции с возникающими заинтересованными группами гражданского общества, а в перспективе – доминирующее участие и политизация гражданских инициатив – главное стратегическое направление, с точки зрения теории рационального выбора. Существенно увеличить свою поддержку в обществе оппозиция не в состоянии по причинам некоторой специфики российского политического процесса. Многократное ресурсное превосходство правящей группы обеспечивается благодаря ее контролю над государством. Массовый и адресный патронаж, чрезвычайная агитационная работа, применение силовых инструментов – это реальный политический инструментарий, применяемый политической элитой. Оппозиция соревнуется с режимом в первых двух сферах, постоянно учитывая при этом и третью. Это противостояние является смыслом ее существования, хотя оно не ведет ни к увеличению рядов, ни к расширению массовой базы¹⁷. Участвуя в социальных протестах, поддерживая группы «защиты» и «поддержки», оппозиция, с одной стороны, старается подтолкнуть гражданских активистов к политизации их деятельности, а с другой – учится сама выступать в роли инициатора общественных кампаний. Гражданским группам выгодно сотрудничество с политической оппозицией с нескольких сторон. Во-первых, они получают возможность опереться на организационный опыт и материальные ресурсы оппозиции, которые во много раз превосходят их собственные, во-вторых, поддержка серьезного политического актора заявленной проблемы значительно увеличивает шансы на успех данной инициативы. В ходе реализации каждого совместного проекта множество граждан получают новый для себя опыт взаимодействия с оппозиционными организациями. Конечно, они вряд ли смогут прямо конвертировать его в политическое участие в собственных интересах. Однако чем больше появляется подобных инициатив, тем шире становятся сети поддержки по проблемам, входящим в повестку дня этих организаций, – в вариантах, базирующихся на реальных (но не только материальных) стимулах для индивидов и при этом не отпугивающих по-

тенциальных сторонников заведомой безнадежностью данного дела или необходимостью резкого отказа от привычного образа жизни. Таким образом, оппозиция предоставляет свой опыт, свое влияние и ресурсы, гражданские организации – новое поле активности, потенциальное увеличение электоральной поддержки, стратегию политизации гражданских инициатив как фактора «борьбы за умы». Существенный вопрос, насколько оппозиция окажется способной продвигаться по уже обозначенному ею пути – в формировании оппозиционных центров притяжения внутри гражданского общества, остается открытым.

Подводя промежуточные итоги, можно сделать ряд коротких выводов.

На локальном уровне гражданской инициативы создаются главные основы гражданского общества, которые трансформируются в более сложные формы демократического общественного устройства.

Успешные гражданские инициативы определенного типа могут являться прецедентными, что становится активизирующим фактором для следующих инициатив такого же типа с большей вероятностью успеха, чем было возможно на исходном этапе.

Гражданские инициативы, выходящие за рамки собственных корыстных целей участников, быстро переходят в область политического с соответствующими требованиями и влиянием.

Группы интересов в политическом процессе в Российской Федерации становятся значимым каналом артикуляции общественных интересов, способным оказывать существенное воздействие на процесс принятия политических решений, претендуя на роль замещения традиционных институтов.

Современные формы гражданской активности в контексте совместного взаимодействия с политической оппозицией содержат в себе потенциал конструктивной трансформации политической системы Российской Федерации в сторону большей демократизации.

Поддержка и активное участие в гражданских инициативах (формах гражданской активности) – значительное стратегическое направление деятельности политической оппозиции в России.

Примечания

- ¹ Подробнее об этом см.: *Панэм Р.* Чтобы демократия сработала. М., 1996. С. 198.
- ² *Bentley A.* The Process of Government: A Study of Social Pressures. Bloomington, Ind.: Principia Press, 1968.
- ³ *Blondel J.* Comparative Legislatures, Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1973. P. 60.

- ⁴ *Голосов Г.* Сравнительная политология. СПб.: Изд-во Европейского университета. Вып. 2. С. 134.
- ⁵ *Пшеворский А.* Демократия и рынок: Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М.: РОССПЭН, 1999. С. 95–107.
- ⁶ Подробнее об институциональном устройстве российской политики см.: *Гельман В.* Институциональное строительство и неформальные институты в современной российской политике // Полис. 2003. № 4. С. 6–25.
- ⁷ Только в Москве известны около сотни жилищно-экологических инициатив, которые выступают против уплотнительной застройки, переселения в другой район, вырубки лесных насаждений, нарушения прав на выбор управления своим домом. Создатели интернет-ресурса «Институт Коллективного Действия» утверждают, что инициативных групп в масштабах всей России, по крайней мере, не менее тысячи.
- ⁸ Подробнее о ментальных установках россиян по отношению к представителям власти, оппозиции, о доверии друг к другу см.: *Дубин Б.* Институты, сети, ритуалы // Pro et Contra. 2008, № 2–3 март–июнь; Он же. Политическое поле без урожая // Огонек. 2011. № 18 (5177).
- ⁹ Подробнее об этом см.: Общество и граждане в 2008–2010 гг. / Под ред. М. Липман, Н. Петрова. Московский центр Карнеги. Рабочие материалы. 2010. № 3.
- ¹⁰ Подробнее об итогах некоторых резонансных инициативах в сети Интернет см.: *Романова С.* Коллективное беспамятливое // <http://slon.ru/blogs/romanovas/post/579413/> (дата обращения: 01.12.2011).
- ¹¹ Подробнее о кейсах неполитической гражданской активности см.: *Клеман К., Мирясова О., Демидов А.* От обывателей к активистам: Зарождающиеся социальные движения в современной России. М.: Европа, 2010.
- ¹² См.: <http://bakhmina.ru/ru/> (дата обращения: 01.12.2011).
- ¹³ Подробнее об этом см.: <http://www.svobodanews.ru/content/article/408519.html>; <http://www.echo.msk.ru/programs/kulshok/617624-echo/#element-text> (дата обращения: 01.12.2011).
- ¹⁴ Подробнее об этом см.: Гражданское общество: настоящее и будущее: Горбачевские чтения. М., 2007. С. 13–22.
- ¹⁵ Подробнее об этом см.: *Клеман К., Мирясова О., Демидов А.* Указ. соч. С. 74–80.
- ¹⁶ Подробнее о теории рационального выбора см.: *Hindmoor A.* “Rational Choice”. 2006. P. 6–9.
- ¹⁷ Подробнее о функционировании российской оппозиции и ее альтернативах см.: *Рыженков С.* Перспективы демократизации в России: «стратегический» подход (первое приближение) // Неприкосновенный запас. 2011. № 1 (75).

ВНУТРИЭЛИТНЫЙ КОНСЕНСУС В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ

Предлагается авторская версия процесса становления и развития правящей элиты в РФ с 1991 г. в контексте политических и экономических трансформаций страны. В частности, исследуются проблема общественного «запроса на модернизацию» и ответы на него различных элитных групп. Более того, автор делает вывод о том, что смена элитных «пластов» происходила вследствие актуализации того или иного модернизационного варианта, не обязательно напрямую коррелирующего с требованиями классического «демтранзита». Реализация реформаторского сценария 1990–2000-х годов рассматривается сквозь призму конкуренции сторонников «отраженной» и «спонтанной» модернизации, которая завершилась компромиссом в рамках концепта «суверенной демократии». Если на первом этапе постсоветских преобразований преимущество было за первыми, то позже, особенно с 1999 г., захватывают лидерство вторые. Это явилось следствием как изменения общественных настроений, так и смены мировоззренческих приоритетов российской элиты. В итоге понятие «либерализация» уступает место терминам «технологическое обновление» и «инновационность», которые не несут особой политической нагрузки.

Ключевые слова: элита, спонтанная модернизация, отраженная модернизация, запрос на модернизацию, демократический транзит, элитные группы, рекрутирование элиты.

Обозначившийся на рубеже 1980–1990-х годов тотальный кризис советской политической и социально-экономической системы вызвал к жизни целую серию проектов модернизации, как ориентированных на зарубежный опыт («отраженный» вариант), так и, напротив, – на поиск «особого пути»

в деле реформирования постсоветской России («спонтанный» вариант)¹.

При этом «демократический транзит» в Российской Федерации изначально протекал по «отраженному» сценарию. Это было обусловлено целым рядом объективных факторов.

Во-первых, страна проходила через процедуру тотального обновления, включавшую фактически слом прежней политической и экономической модели. При этом данный процесс во многом был стихийным, а большинство реформаторских планов разрабатывались в оперативном порядке. Соответственно, это порождало у нового российского «правлящего класса» стремление взять на вооружение зарубежный опыт, наработки западных (прежде всего американских) советников и консультантов. На том этапе элиты были и теоретически, и практически не готовы взять на себя миссию поиска «национального пути обновления»².

Во-вторых, в начале 1990-х годов в России наблюдался «внутриэлитный хаос», порожденный утратой влияния одних элитных групп (бывшая «партийно-хозяйственная номенклатура») и массовым приходом во власть «новых людей» (представители зарождающегося бизнеса, «поколения завлабов», выдвиженцев криминальных структур, гуманитарной интеллигенции). Это также не способствовало достижению внутриэлитного консенсуса и выработке компромиссного сценария модернизации.

В-третьих, у новой демократической власти отсутствовал необходимый ресурсный потенциал для проявления политической инициативы. Экономический кризис рубежа 1980–1990-х годов, низкие цены на энергоресурсы в условиях деградирующей промышленности, резкое сокращение налогов и сборов фактически вынуждали власть искать помощи «спонсоров», каковыми выступали либо международные финансовые структуры (МВФ, Всемирный банк), либо бизнес-сообщество, которые не были склонны к идеологическим и стратегическим экспериментам и в обмен на экономическое содействие требовали от «команды» Б.Н. Ельцина придерживаться «мировой практики проведения рыночных реформ». Кроме того, власть не могла в полной мере использовать силовой и административный ресурсы для проведения в жизнь собственного видения модернизации (поскольку соответствующие элиты жестко делились на «сторонников» и «противников» курса нового российского руководства и поэтому были практически неуправляемы). Что же касается нормативно-правового ресурса, то он в принципе не работал на том этапе ввиду, с одной стороны, недостаточно выраженной легальности власти (захват рычагов управления «демократами» де-факто в ходе «августовской революции» 1991 г.), с другой – в силу правового нигилизма населе-

ния страны, чему способствовала «дезауация» прежних, советских «правил игры» и отсутствие новых, постсоветских.

В-четвертых, свою роль сыграл также идеологический фактор. Дело в том, что демократические силы, оппозируя КПСС на рубеже 1980–1990-х гг., во многом вели политическую борьбу «на контрасте», противопоставляя «устаревшей коммунистической системе» образ «процветающего передового Запада». Поэтому любые сомнения и опасения относительно адекватности тех или иных политических и экономических «заимствований» для постсоветской России воспринимались как «отказ от реформирования» или даже «стремление консерваторов повернуть страну вспять». Таким образом, ставка «младореформаторов» на кардинальный разрыв с прежней политической и экономической традицией порождала своего рода «идеологический догматизм» в проведении преобразований и блокировала любые попытки дискуссий относительно пропорций «отраженности/спонтанности» в российском варианте модернизации³. Соответственно, наиболее оптимальными представлялись схемы и проекты, гарантирующие максимальное «преодоление советского наследия».

В-пятых, немаловажным являлось и то, что новые российские элиты в тот период были очень неустойчивы и слабы, не готовы даже к легкой дискусионности в диалоге с Западом, который воспринимал себя победителем в холодной войне и в качестве такового едва ли не в директивном порядке экспортировал в постсоветские государства свои политические и экономические приоритеты. При этом все «отклонения» воспринимались как враждебные и неадекватные духу «истинных демократических реформ», что, в свою очередь, было чревато для сторонников «спонтанной модернизации» санкциями и силовым давлением (как это было, например, с Югославией времен С. Милошевича).

Таким образом, *период 1991–1999 гг. в целом характеризовался «следованием за модернизацией»* российских правящих элит. В политической сфере он выражался в следующем:

- в стремлении максимально четко и «буквально» копировать зарубежный институциональный и правовой опыт;
- в разрушении «до основания» советской политической системы и ее идеологических оснований;
- в жестком следовании идеологии рыночного либерализма и либеральной демократии, отстаивании принципа «линейности исторического прогресса», обосновании «догоняющего» пути развития России;
- в реализации политики радикальных рыночных реформ без учета национальных традиций и специфики политической культуры населения страны;

- в проведении политики децентрализации и деэлитизации, в передаче существенных полномочий и компетенций в ведение «квазивластных центров» («региональные бароны», «олигархи», ОПГ);
- в развитии активного и при этом «подчиненного» сотрудничества российских элит с западными «коллегами», в сворачивании контактов с традиционными внешнеполитическими союзниками.

Тем не менее, несмотря на определяющее влияние на процесс политического и экономического обновления страны сторонников «отраженной модернизации», на протяжении всех 1990-х годов между ними и адептами «спонтанности» («оригинальности») реформаторского курса велась достаточно острая, хотя зачастую латентная борьба, в которой можно выделить ряд реперных точек.

Сначала конфликт между сторонниками «отраженной» и «спонтанной» модернизации возник в 1991–1992 гг. Во многом он был спровоцирован спецификой решения кадрового вопроса Б.Н. Ельциным после поражения ГКЧП.

Дело в том, что после разгрома «коммунистических консерваторов» у победившего Президента РФ и его окружения было два варианта формирования постсоветской элиты⁴.

Первый предполагал проведение политики жесткой люстрации, удаления от рычагов управления представителей партийно-хозяйственной номенклатуры, массовый «вброс» во власть идейных либералов – т. е. политиков-демократов, обеспечивших Ельцину успех в его противоборстве с КПСС. Во многом именно такой сценарий был реализован в странах Центральной и Восточной Европы, где бывшие коммунистические «аппаратчики» и представители «тоталитарных спецслужб» были зачастую чисто волюнтаристски и с нарушением закона поражены в правах и ограничены в возможности занимать административные и статусные должности. Проведение подобной кадровой политики позволяло придать реформам «идеологический» характер и изолировать влияние на «большую политику» и «большую экономику» нелиберальных элитных сил, а также обеспечить (по крайней мере, на стартовом этапе) «демократические убеждения политических активистов и лидеров» (Р. Даль).

В России существовал ряд ограничений, который препятствовал проведению жестких кадровых «чисток».

Во-первых, в «предреволюционные» годы не сложилось сколько-нибудь полноценной альтернативы позднесоветской управленческой и «силовой» элите. «Поколение завлабов» было достаточно эффективно в критике коммунистического режима и даже организации протестных акций, но не могло стать надежной опорой

новому руководству РФ в силу своего принципиального «антиэтатизма» и склонности к эмоциональной рефлексии. Показательно, что многие из радикальных демократов «первой волны» после прихода Ельцина к власти практически тут же перешли в лагерь его «непримиримых» противников, обвиняя Президента РФ в проведении «антинародной» и «антинациональной» политики. Кроме того, Кремль провозгласил «деполитизацию» органов власти, фактически вытеснив на периферию функционеров демократических партий и движений. В итоге реформаторские структуры резко сокращают свою численность как на уровне низового и среднего актива, так и в органах государственной власти (особенно в Советах, где в 1992–1993 гг. прошла массовая «зачистка» сторонников «либерального проекта»).

Во-вторых, не слишком удачными оказались эксперименты по привлечению к политике проведения реформ «демократов-идеологов» как на федеральном, так и на региональном уровнях. «Либерал-демократы» либо оказались теоретически и практически не готовы к решению масштабных политических и экономических задач («шоковая терапия», проведенная «командой» Е.Т. Гайдара по «мобилизационному сценарию», серьезно скомпрометировала процесс реализации либеральных преобразований в обществе), либо были не в состоянии справиться с саботажем и противодействием «консерваторов» (как это было, например, в Липецкой области в период недолгого губернаторства Г.В. Кушцова⁵).

В-третьих, «аппаратное прошлое» имелось практически у всех лидеров «либеральной революции», включая самого Б.Н. Ельцина, и процедура «люстрации» могла распространиться и на них самих. Это также было одним из последствий проекта «демократизация сверху», реализованного «либеральным крылом» в КПСС на рубеже 1980–1990-х гг.

В-четвертых, не без оснований руководство России опасалось того, что недовольство населения непопулярными мерами правительства, помноженное на яростную борьбу бюрократии «за выживание», может привести к полному поражению проекта политической и экономической либерализации страны. Поэтому уже осенью 1991 г. обозначился отход от прежних «антиноменклатурных» принципов демократического движения. Именно тогда новое руководство России было вынуждено выбирать схему управления «на местах», определяясь с кандидатурами региональных руководителей исполнительной власти. В итоге при формировании губернаторского корпуса выбор был сделан в пользу «крепких хозяйственников» и «прагматиков» из облизполкомов в ущерб «народным трибунам» из Советов. Несколько позже такая политика обозначается и на

федеральном уровне, сначала в виде «привлечения к участию» трех министров-«консерваторов» (В.С. Черномырдин, В.Ф. Шумейко, Г.С. Хижа) в мае 1992 г., а впоследствии – в «компромиссном» назначении Черномырдина на должность премьер-министра РФ в декабре 1992 г.

«Оперативная» выгода от ставки на союз с «прагматиками» для Б.Н. Ельцина была очевидна. Прежде всего, это были люди, обладавшие достаточно высокими управленческими качествами, но в силу своей практичности относительно адаптивные к новым рыночным реалиям. Их имидж, риторика и образ мысли были более понятны населению, по сравнению с идейными реформаторами. К тому же эти люди были готовы встраиваться в новые номенклатурные реалии и работать в составе «реформаторской команды». Фактически «демократическим» окружением Президента России был взят на вооружение опыт большевиков в первые годы их пребывания у власти, а именно опыт работы со «спецами». Другое дело, что тогда «старые» военные, технические и управленческие кадры привлекались к сотрудничеству не так «массово» и за ними существовал строгий контроль со стороны политиков-«комиссаров». Более того, процесс взаимодействия со «спецами» был строго лимитирован и изначально рассматривался Советской властью как «кратковременный» компромисс, да еще «с позиции силы». В 1991–1992 гг. был заключен, скорее, пакт о паритетном тактическом сотрудничестве между политиками-«демократами» и управленцами-«прагматиками». То есть уже тогда бюрократия выступала в качестве равноправной договаривающейся стороны.

Тем не менее, постепенно в отношении режима Б.Н. Ельцина стала складываться «коалиция несогласных». Это было очень эклектичное, но относительно широкое объединение противников новой власти. При этом, несмотря на идеологическую борьбу и влияние массовой политики, *основным противоречием, определявшим противостояние 1992–1993 гг. между властью и оппозицией, стало столкновение модернизационных проектов*. Оппозиция делала ставку на спонтанный вариант модернизации, в том числе с опорой на отечественный советский политический и экономический опыт. Тем не менее и здесь зачастую фигурировали «идеальные зарубежные образцы», в частности представителями как коммунистической, так и умеренно-патриотической оппозиции очень активно эксплуатировался «китайский опыт», который, с одной стороны, предполагал «преемственность» по отношению к «маоистскому прошлому» и социалистическим формам хозяйствования и не исключал при необходимости применение силы против «либеральных революционеров» (события на площади Тяньаньмэнь), но с другой – предус-

матрировал политическое и социально-экономическое обновление «в определенных рамках».

Что же касается «команды» Б.Н. Ельцина, то она, несмотря на то что в период 1992–1993 гг. была «сложносоставной» (идейные «демократы», часть «силовиков» и реформаторски настроенная «исполкомовская» элита), была, однако, объединена идеей проведения в Российской Федерации «отраженных» реформ по западным образцам, а «спонтанный» путь (по крайней мере, на этом этапе) рассматривался ими в качестве тупикового и заранее обреченного на поражение в силу своей «ретроградности» и «затратности». Одновременно необходимо отметить, что приверженцы данного сценария в отличие от своих оппонентов, которые еще надеялись (в той или иной степени) на восстановление «империи», смирились с фактом распада Советского Союза и делали ставку на «обустройство» и реформирование именно Российской Федерации как суверенного и независимого государства.

Поэтому развернувшееся в 1992–1993 гг. противостояние ветвей власти во многом можно считать конкуренцией проектов дальнейшей модернизации России. При этом политический компромисс исключался обеими сторонами: слишком сильны были отличия проектов и слишком непримиримы позиции их авторов и сторонников. «Силовой» конфликт модернизационных проектов «стимулировал» также «массовый фактор», который еще продолжал сохранять актуальность. Так, сторонники Б.Н. Ельцина (включая его ближайшее окружение) настаивали на полном демонтаже советской системы и жестком подавлении «красно-коричневой» оппозиции. В свою очередь, радикалы из Фронта национального спасения, опираясь на поддержку «улицы», активно давили на руководство Верховного Совета, не позволяя Р.И. Хасбулатову и его «команде» заключить с Президентом РФ «сепаратный мир». Положение осложнялось еще и тем, что представители конкурирующих элитных групп видели возможность полной победы над своими политическими и идеологическими противниками. Это также мешало налаживанию диалога между оппонентами и выработке «синтетического» сценария проведения модернизации страны. Рубежным событием в этом плане стал проведенный 25 апреля 1993 г. всенародный референдум, итоги которого стороны толковали исключительно «однобоко» и настаивали на собственной победе. Более того, после провала референдума стало ясно, что не будет выработан и компромиссный вариант новой Конституции РФ.

Разгром левопатриотической оппозиции в сентябре–октябре 1993 г. окончательно определил характер проведения реформ

в Российской Федерации. Конституция, одобренная 12 декабря 1993 г., имела следующие характерные черты.

Во-первых, это был Основной закон, подготовленный на основе конституционных документов западных стран (США и Франции), т. е. изначально закладывавший основы формирования в России модели «западной демократии». Другое дело, что многие его положения были декларативны и нечетко сформулированы, что давало широкие возможности для «нужного» толкования отдельных статей.

Во-вторых, Конституция РФ носила «суперпрезидентский» характер, что, как ни парадоксально, являлось тактическим компромиссом с «национальной традицией». На это разработчики данного документа пошли исключительно по соображениям политической целесообразности: как показали события 1992–1993 гг., реформаторская власть была еще слишком слабой, чтобы позволить плюрализм, широкую демократизацию и реальную многопартийность. Б.Н. Ельцину предусматривалась роль отечественного «Пиночета», жесткой рукой проводящего непопулярные реформы и при необходимости использующего «недемократические» методы для сдерживания активности оппозиции.

В-третьих, сам характер принятия новой Конституции («келейность» ее разработки, отсутствие всенародного обсуждения, прямой запрет на критику ее положений и др.) во многом соответствовал давней российской традиции проведения реформ «сверху» без учета интересов и приоритетов населения.

Таким образом, возникала парадоксальная ситуация: новый Основной закон формально постулировал «западные», «либеральные», «отраженные» ценности, однако его содержание и технология принятия были вполне в духе авторитарной традиции. В частности, широкие полномочия президента и исполнительной ветви власти и соответственно урезанные функции и возможности законодательной и судебной ветвей фактически нарушали классические либеральные принципы разделения властей и минимизации роли государства в жизни общества. Одновременно была максимально усложнена процедура импичмента президенту, а также возможности парламента по инициированию отставки правительства.

После победы Б.Н. Ельцина над политическими противниками начинается раскол в его «команде». В принципе и ранее обозначались противоречия между теми, кто, не отрицая первый, «отраженный» этап модернизации, полагали, что в перспективе Россия должна найти собственный путь к демократии, и теми, кто считал, что для успеха реформ достаточно будет просто копировать западный опыт. Так, лидерами первой группы были А. Коржаков, П. Грачев,

М. Барсуков, а вторую позицию отстаивали А. Чубайс, Е. Гайдар и другие «младореформаторы».

При этом велась активная борьба между этими группами за влияние на первого Президента РФ. Так, представители «оригинального пути», отстаивавшие интересы «силовиков» и бюрократии, пытались обыгрывать страх Б.Н.Ельцина перед «коммунистическим реваншем» и в обмен на поддержку своей позиции гарантировали ему полную защиту от попыток оппозиции взять власть в свои руки. «Западники», в свою очередь, пытались скомпрометировать оппонентов, обвиняя их в подготовке «дворцового переворота» и «предательстве идеалов демократии». Противостояние между этими группами шло с переменным успехом, однако в целом конъюнктура благоприятствовала сторонникам «спонтанной» модернизации: слишком серьезным в обществе стало разочарование в политике «шоковой терапии» и в «низкопоклонстве» российской элиты перед Западом. Тем не менее, после 1993 г. «большая политика» окончательно уходит с «улиц» в «кабинеты», а курс страны определяет противоборство элитных сообществ.

Серьезного успеха представителям «силовой» корпорации в окружении Б.Н. Ельцина удалось добиться в 1994 г., когда они убедили Президента РФ начать «наведение конституционного порядка» в Чечне⁶. Ситуация боевых действий и «чрезвычайщины» в любом случае играет на руку «силовикам»: это и укрепление их позиций на аппаратном уровне, и доступ к «ресурсоемким» финансовым потокам, и новые возможности по лоббированию своих политических и экономических инициатив (в том числе своего видения курса модернизации). Соответственно, начальный этап «первой чеченской войны» характеризовался активным аппаратным наступлением сторонников «оригинальной версии» реформирования России. Прежде всего «государственники» (помимо «силовиков», к которым тогда можно было отнести представителей бюрократии, лоббирующих интересы стратегически важных отраслей экономики: В.С. Черномырдина – ТЭК, О.Н. Сосковца – металлургия и др.) предприняли попытки оттеснить либералов от рычагов управления. Определенного успеха им достичь удалось. Так, «на втором плане» оказались правительственные либералы, уступившие инициативу «силовикам», которые фактически взяли под свой контроль исполнительную власть. Кроме того, «прозападное» крыло истеблишмента утратило свою партийную площадку и «единоличное» думское представительство: статус «партии власти» теряет «Выбор России» («Демократический выбор России»), на его место приходит «Наш дом – Россия», в составе которого «государственники» и «прагматики» имели перевес над сторонниками «радикальных де-

мократических реформ». Более того, подспудно началась кампания за выдвижение на президентский пост персоны, «альтернативной» Б.Н. Ельцину. Конечно, такого рода инициативы тщательно маскировались, тем не менее, периодически в СМИ появлялись «пробросы», что первый Президент РФ «в интересах демократии» должен уступить свой пост более перспективному кандидату (например, В.С. Черномырдину). Не исключено, что и избирательная кампания 1995 г. была проведена бюрократией намеренно вяло, чтобы убедить Б.Н. Ельцина в необходимости «патриотических» трансформаций и окончательного свертывания либерального курса.

Тем не менее, против сторонников «спонтанного» сценария модернизации в тот период сыграли несколько факторов.

Во-первых, Б.Н. Ельцин был очень опытным и «чутким» аппаратным игроком и ощущал всю опасность окончательной и бесповоротной ставки на одну из сторон. «Патриоты», в отличие от либеральной части окружения первого Президента России, казались ему более опасными как по идеологическим (многие из «державников» едва ли не в открытую ставили в вину Ельцину «развал СССР»), так и по аппаратным (возможность «дворцового переворота») соображениям. Кроме того, «прозападная» часть элиты предпринимала активные попытки убедить главу государства в том, что «группа Коржакова» и ряд других номенклатурных сообществ желают его «подсидеть».

Во-вторых, негативно на имидже и аппаратных позициях сторонников «оригинальной» российской модернизации сказалась затянувшаяся чеченская кампания. Также нельзя не отметить и тот факт, что первая чеченская кампания была весьма непопулярна у населения России и Б.Н. Ельцин, ощущая неблагоприятную общественную конъюнктуру, все меньше доверял «силовикам», опасаясь дополнительной «делегитимации».

Третьим негативным фактором для сторонников проекта «оригинальной модернизации» явилось приближение президентских выборов. И здесь сказалось их «технологическое» отставание от оппонентов. «Силовики» и «прагматики» были достаточно искусственными аппаратными акторами, а также могли эффективно действовать в условиях «чрезвычайщины». Тем не менее, когда речь шла «о тонкой настройке», о работе с общественным мнением, об эффективном использовании PR-технологий, они сильно уступали оппонентам. Поэтому в качестве своего «ответа» на исключительно низкий рейтинг Б.Н. Ельцина в начале президентской кампании 1996 г. они могли предложить разве что введение чрезвычайного положения и установление «временной диктатуры». С точки зрения главы государства такая ситуация была неприемлемой. При

таким сценарии он не только попадал в полную зависимость от своего силового окружения, но и вступал в открытый конфликт с Западом, который при всей своей поддержке Б.Н. Ельцина и его реформаторского курса ожидал от российского руководства менее скандального варианта «пролонгации режима». В свою очередь, сторонники «отраженной» модернизации убеждали Президента РФ в том, что единственным его шансом остаться у власти является активная медиакампания с «параллельным» привлечением мощных финансовых ресурсов (по образцу референдума апреля 1993 г.). Таким образом, ими предлагался «гражданский» вариант пролонгации полномочий Президента РФ, альтернативный «чрезвычайным» планам своих оппонентов. Тем не менее, Б.Н. Ельцин, памятуя о революционных событиях трехлетней давности, не был готов отказаться от услуг силовой корпорации, и сторонники спонтанной модернизации получили представительство в его избирательном штабе, как, впрочем, и их оппоненты.

Такого рода «раздрай» в рядах «команды» Б.Н. Ельцина привел к открытому противостоянию элитных групп сторонников «спонтанной» и «отраженной» модернизации (дело Лисовского – Евстафьева с «коробкой из-под ксерокса»), в ходе которого последним удалось убедить Президента РФ в верности именно своей электоральной стратегии и «недобросовестности» аппаратных противников. В итоге А. Коржаков и наиболее активные участники его «команды» были отправлены в отставку, и на завершающем этапе избирательной кампании инициатива перешла к «прозападному лобби».

Тем не менее, адептам «модернизации заимствования» не удалось удержать преимущество. Против них действовал целый ряд факторов: и общее разочарование населения в либеральных, «западных» ценностях, и продолжающийся кризис, и потребность власти в поддержке «силовиков» в условиях активизации протестных настроений⁷. Более того, победа на выборах 1996 г. создала в среде «корпорации отраженной модернизации» атмосферу самоуспокоенности. В ситуации отсутствия «внешней угрозы» внутри нее возросла конфликтность и активизировалась борьба за перераспределение собственности и финансовых потоков. Одновременно начались информационные войны между «олигархами» (а именно они наряду с «правительственными либералами» составляли «костяк» проекта «отраженной модернизации»), которые окончательно дискредитировали крупный бизнес в глазах общественности.

Кризис августа 1998 г. ознаменовал собой крах проекта «модернизации заимствования». При этом разочарование в «отраженных» ценностях стало распространяться не только среди рядовых граждан страны, но и в элитных кругах. Происходит разворот рос-

сийского истеблишмента в пользу проекта обновления на основе «национальной специфики». Этому способствовали и некоторые субъективные факторы. В частности, к концу 1990-х годов российский бизнес, ранее вынужденный играть по западным правилам, настолько окреп, что стал претендовать на самостоятельный статус и в связи с этим перешел на «патриотические» позиции. В итоге даже в целом либерально ориентированные круги элиты отказываются от «неоригинального» проекта модернизации и начинают искать ему альтернативы. Еще один момент, который стоит отметить, – возрождение влияния «силовиков» в условиях резкого подъема оппозиционной активности («рельсовая война», попытка военного переворота со стороны генерала Л. Рохлина и т. д.) и исключительно низких рейтингов верховной власти.

Все это способствует тому, что в 1999 г. фактически происходит отказ от проекта «отраженной модернизации» в пользу «модернизации спонтанной», что потребовало кардинального обновления российского правящего истеблишмента и выработки новой «повестки дня» отечественных реформ, в частности перехода от политики «либерализации» к вполне нейтральным и консенсусным концептам – сперва «суверенной демократии», затем – «технологического обновления» и «инновационности».

Примечания

- ¹ *Гаман-Голутвина О.В.* Российские элиты как зеркало революции // Pro NUNC: современные политические процессы. Вып. 7: Субъектное поле политик: Элита. Номенклатура. Бюрократия. Тамбов, 2007. С. 13.
- ² *Созрин В.В.* Современная российская модернизация: этапы, логика, цена // Вопросы философии. 1994. № 11. С. 15.
- ³ *Чернышов А.Г.* Политические реформации в России: маневры элиты и ожидания граждан // Власть и элиты в российской трансформации. СПб., 2005. С. 147.
- ⁴ *Лисицын А., Миклин А.* Либеральная революция в России: Изнанка. М., 2009. С. 114.
- ⁵ Липецкая область (Регионы России. Хроника и руководители. «Красный пояс» (Центральное Черноземье) // Occasional Papers on Changes in the Slavic-Eurasian World. June 1997. № 30. [Sapporo (Japan).] P. 36.
- ⁶ *Фельтишинский Ю., Прибыловский В.* Россия и КГБ во времена президента Путина. М., 2010. С. 59.
- ⁷ См.: *Булавинов И.* Колода РФ: «Силовики» // Коммерсантъ-Власть. 2003. 1 дек.

С.В. Володенков, А.Л. Зверев

СОВРЕМЕННЫЕ ОНЛАЙН-РЕСУРСЫ И ТРАДИЦИОННЫЕ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ПОЛИТИКЕ: ОПЫТ КОМПАРАТИВНОГО АНАЛИЗА

Статья посвящена компаративному анализу современных информационных онлайн-ресурсов и традиционных средств массовой информации. Анализируются ключевые особенности и характеристики современных медиаресурсов в Интернете и возможности их применения в политической практике.

Ключевые слова: онлайн-ресурсы, традиционные средства массовой информации, интерактивность, горизонтальные коммуникации, мультимедиа, таргетирование, информационное проектирование.

Разнообразные информационно-коммуникационные технологии и ресурсы в современном онлайн-пространстве все больше и больше входят в повседневную жизнь сотен миллионов человек. Приобретение столь массовой популярности онлайн-ресурсов среди широкой аудитории потребителей информации делает их серьезной альтернативной силой традиционным средствам массовой информации, что заставляет специалистов по связям с общественностью в сфере политического консалтинга все шире использовать такого рода онлайн-ресурсы в современной политической коммуникации. В этой связи остро встает проблема использования политическими акторами динамично развивающихся онлайн-ресурсов, дающих им конкурентное преимущество перед теми, кто по-прежнему предпочитает использовать исключительно традиционные средства массовой информации в политике. Чтобы показать, в чем конкретно заключаются эти преимущества, в рамках данной статьи ставится задача проведения компаративного анализа онлайн-ресурсов и традиционных СМИ в современной политической коммуникации.

© Володенков С.В., 2012

© Зверев А.Л., 2012

Динамичное развитие современных онлайн-инструментов коммуникации уже приводит к усилению политического влияния определенных социальных групп. Так, Р. Дейберт считает, что глобальные компьютерные сети и Интернет, в частности, серьезно изменили возможности и силу транснациональных общественных движений. Они позволили сформировать глобальное гражданское общество, типичными проявлениями которого стали, например, «Движение антиглобалистов» или организация «Гринпис»¹.

Не менее важным аспектом информационно-коммуникативной революции являются изменения в общественном сознании, имеющие далекоидущие последствия в аспекте распределения власти в обществе. Об этом начали говорить в свое время еще представители так называемой медийной теории. Исходя из положений данной теории, известный американский теоретик в области массовой коммуникации П. Хейер считал, что средства хранения и передачи информации не являются нейтральными, а «способ организации и передачи наших знаний о мире сильнейшим образом влияет на природу восприятия мира и то, каким образом мы познаем мир»². Данное представление во многом созвучно известному маклюэновскому выражению «*the medium is the message*» (средство коммуникации – это сообщение).

А идея мира как «глобальной деревни», в которой ничего нельзя скрыть и все ответственны за всё, высказанная представителем Торонтской школы коммуникативистики Маршаллом Маклюэном, приобретает сегодня особую актуальность. Как писал М. Маклюэн, в новой электронной информационной среде уже невозможно будет игнорировать мнение меньшинства, когда «слишком много людей знают многое друг о друге, ... новая среда требует участия и совместной серьезной работы»³.

В свою очередь, еще один сторонник медийной теории, известный специалист Р. Дейберет в своей книге «Пергамент, печать и гипермедиа: Коммуникации в процессе трансформации мирового порядка» пишет о том, что «...поскольку коммуникации являются жизненно важной частью человеческого существования, постольку любые изменения в способах коммуникации имеют существенные последствия для распределения власти внутри общества, для изменения индивидуального и социального сознания, а также для пересмотра общественных ценностей»⁴.

Кроме того, нельзя не заметить надвигающийся кризис в сфере массовых политических коммуникаций, который неизбежно приведет к необходимости смены моделей массовой коммуникации в современной политической практике. Имеющиеся на сегодня возможности онлайн-ресурсов обладают по сравнению с традици-

онными СМИ рядом существенных особенностей, использование которых позволит избежать надвигающегося кризиса массовой политической коммуникации и повысит эффективность организации информационной работы в Интернете.

К числу таких особенностей мы относим следующие.

Экстерриториальность – онлайн-ресурс всегда доступен любому интернет-пользователю независимо от того, где он находится или проживает. Зона распространения традиционных средств массовой информации, как правило, ограничена. Так, областная газета в большинстве случаев распространяется в пределах региона, и жители Дальнего Востока вряд ли имеют возможность читать свежую прессу европейских регионов России. При этом региональные телерадиокомпании также имеют ограниченную зону распространения сигнала, и если читатель находится сейчас, например, в Москве, то он вряд ли сможет в прямом эфире смотреть новостную программу табовской телекомпании «Новый век».

В отличие от традиционных информационных ресурсов, онлайн-ресурсы могут быть доступны из любой точки земного шара, независимо от того, где сейчас находится интернет-пользователь. Данная особенность позволяет организовывать масштабные информационные и PR-кампании посредством онлайн-площадок без необходимости задействования дорогостоящих федеральных СМИ и десятков региональных средств массовой информации. В качестве примера использования возможностей экстерриториальности можно привести организованную компанией «Яндекс» онлайн-конференцию В.В. Путина с пользователями Интернета, в которой мог поучаствовать любой желающий независимо от его местонахождения.

Возможность проведения экстерриториальных кампаний предоставляет широкие возможности по коммуницированию с целевыми аудиториями практически везде, где есть Интернет. Однако экстерриториальность несет в себе и определенные угрозы, прежде всего в аспекте деятельности международных террористических и экстремистских организаций.

Мультимедийность – традиционные СМИ не могут использовать разные типы контента. Так, в газете не может быть размещена видео- или аудиоинформация, радиостанция, вещающая по проводным радиосетям, не имеет возможности предоставления видеоинформации, телевидение как самый мощный традиционный медийный ресурс, позволяющий транслировать видео-, аудио-, текстовую информацию, размещать фотоматериалы, не предоставляет возможностей для размещения баз данных, гипертекстовых ссылок и других современных медиаформатов.

Онлайн-ресурсы в своем большинстве имеют возможности для одновременного размещения большинства из наиболее распространенных типов медийного контента. На сайте или в блоге размещается видео-, аудио- и текстовая информация, фото- и гипертекстовые ссылки на другие онлайн-ресурсы, ссылки на различные информационные базы и архивы и т. д.

Кроме того, если радиослушатель или телезритель пропустил новостной блок, то он не сможет до следующего новостного выпуска получить необходимую информацию из данного средства массовой информации. Что же касается онлайн-ресурсов, информация, содержащаяся на них, доступна 24 часа в сутки. К тому же если на телевидении та же видеореклама может транслироваться всего несколько раз в день и привязана к сетке вещания телеканала, то онлайн-ресурсы позволяют просмотреть рекламный видеоролик любое число раз в удобное для пользователя время.

В отличие от традиционных СМИ большинство онлайн-ресурсов предоставляют пользователям возможность доступа к архивам материалов. Немаловажным является и то, что *традиционные средства массовой информации ограничены в объеме размещаемого в них контента*. Так, объем информации в газете ограничен количеством печатных полос и разместить информации больше, чем умещается на данных полосах, невозможно. Возможности размещения информации на телевидении и радио ограничены 24 часами эфира в день и возможностями сетки вещания (например, региональные гостелерадиокомпании ГТРК ограничены в использовании эфира головной организацией ВГТРК, которая преимущественно транслирует собственные федеральные информационные материалы).

В отличие от традиционных средств массовой информации онлайн-ресурсы позволяют размещать практически неограниченные объемы информации (возможности ограничены только емкостями серверов и могут быть в любой момент увеличены по необходимости). Все это позволяет онлайн-ресурсам занимать доминирующее положение по отношению к традиционным СМИ с позиций информационной наполняемости медиа.

Оперативность – если традиционные СМИ имеют определенную регулярность выхода (газеты – раз в день максимум, телевизионные и радионовости – раз в несколько часов), то онлайн-ресурсы позволяют размещать необходимую для работы информацию в любой момент времени. Более того, если в выложенных на сайт материалах обнаружится ошибка или неточность, то на этом медиаресурсе информация может быть оперативно откорректирована в течение нескольких секунд. Традиционные СМИ не позволяют достичь такой оперативности. «Нерасторопность» традиционных

средств массовой информации проявляется при сообщении о высокодинамичных событиях. Важное заявление, которое сделал, например, глава государства, телевидение или радио смогут осветить в рамках ближайшего новостного выпуска, печатное издание – только в следующий день очередного выхода (газета – максимум на следующий день, еженедельник – на следующей неделе, журнал – в следующем месяце).

Онлайн-ресурсы делают возможным ежесекундное размещение и обновление информации. Особенно заметны различия в оперативности при информировании о важных событиях, имеющих общественный резонанс, в режиме реального времени (например, террористические акты, катастрофы и т. д.). Многие из нас уже не раз были свидетелями того, что важная информация в интернет-источниках появлялась раньше, чем в телевизионных и радионОВОСТЯХ, обладающих более низкой степенью оперативности публикации новостей. В качестве примера можно привести теракты в московском метро в марте 2010 г., информацию о которых федеральные телеканалы выпустили в эфир только через несколько часов после случившегося, а в Интернете активное обсуждение совершенных терактов началось практически сразу после произошедшей трагедии.

Интерактивность – одна из ключевых особенностей онлайн-ресурсов, позволяющая организовать взаимодействие с пользователями. Безусловно, традиционные СМИ также могут взаимодействовать со своей аудиторией. Это и ответы на вопросы читателей в печатных изданиях, рубрики «По письмам наших читателей», читательские конкурсы. Также печатные СМИ могут организовывать «горячие линии» с прямыми звонками в редакцию. На телевидении основными формами взаимодействия с телезрителями являются прямые эфиры со звонками в студию, интерактивные голосования. Однако эти формы интерактива имеют ограничения, прежде всего временные.

В интернет-пространстве интерактивных возможностей существует на порядок больше. Это такие формы массового обсуждения темы, как гостевые книги, форумы, комментарии в блогах, онлайн-конференции и онлайн-голосования, онлайн-викторины и конкурсы, разные группы в социальных сетях, хэштеги в Твиттере и многое другое. В рамках онлайн-ресурсов есть широкие возможности для организации оперативного интерактивного общения с пользователями, которые могут задать вопрос, оставить комментарий, принять участие в обсуждении, высказать собственное мнение в любое время суток независимо от своего местонахождения.

При этом прямое общение с пользователями представляется более эффективным для политика с позиций формирования его положительного имиджа и повышения уровня доверия к нему, нежели традиционное рекламное и агитационное воздействие на целевые аудитории, так как коммуникация с представителями целевых аудиторий становится активной и формируется обратная связь, необходимая для работы с этими аудиториями.

Таргетированность – онлайн-ресурсы могут дать информацию в зависимости от характеристик, которыми обладает пользователь, тем самым оптимизируя содержание предоставляемого контента для разных целевых аудиторий. Наиболее широко распространена практика территориального и поведенческого таргетинга. Каждый пользователь Интернета, зашедший на ресурсы «Яндекс», «Рамблер» и иные подобные, получает, кроме универсальной информации, контент, уникальный для территории нахождения пользователя (начиная от температуры воздуха и уровня загруженности дорог и заканчивая афишей мероприятий). Также контент, выводимый на страницах ресурса, может меняться в зависимости от «поведения пользователя»: от того, какие поисковые запросы он совершал, какие сайты посетил до этого и т. д. Даже самые крупные онлайн-ресурсы могут быть настроены на выдачу оптимизированного контента в зависимости от разнообразных характеристик пользователя. Очевидно, что информация, отображаемая на страницах ресурса с учетом особенностей той или иной целевой аудитории пользователей Всемирной сети, будет более эффективно «работать». Данные преимущества онлайн-ресурсов могут с успехом использоваться и в политических кампаниях, повышая эффективность массовой коммуникации с различными целевыми аудиториями.

В отличие от онлайн-СМИ возможности таргетинга в традиционных СМИ уменьшаются по мере увеличения масштаба того или иного средства информации. Традиционные информационные ресурсы федерального уровня практически нетаргетированы, например, территориально. Единственным ресурсом, который имеет в своей сетке вещания контент, предназначенный для различных целевых аудиторий по географическому критерию, является телеканал «Вести», в котором предусмотрены так называемые региональные новостные блоки. Ни один другой федеральный телевизионный канал не использует в своей работе хотя бы географический таргетинг.

«Горизонтальность» коммуникации нам представляется одной из важнейших особенностей, отличающих современные онлайн-ресурсы от традиционных СМИ. Классические схемы политической

коммуникации с целевыми аудиториями предполагают асинхронную коммуникацию, в рамках которой до реципиентов доводится желаемый для субъекта политического управления контент⁵. Вертикальная политическая коммуникация затрагивает отношения между зависимыми и неравноправными политическими субъектами (например, между федеральными органами власти и государственными учреждениями на местах).

При вертикальной политической коммуникации информация передается как сверху вниз в виде рекламы, информационных сообщений, обращений политиков к гражданам и т. п., так и снизу вверх в виде выражения общественного мнения, открытых писем к руководству страны и т. д.

Схематически это можно изобразить следующим образом:

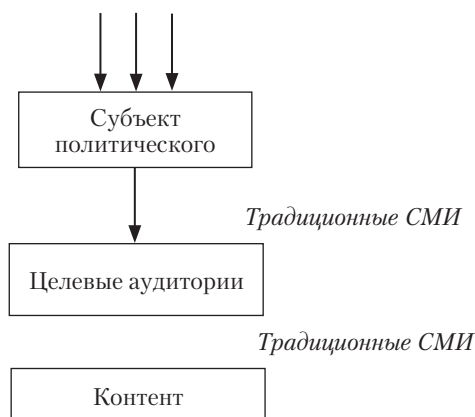

Рис. 1. Вертикальная модель политической коммуникации

Однако в рамках интернет-пространства большинство онлайн-ресурсов функционируют в режиме горизонтального коммуницирования между пользователями. Каждый из участников общения является как источником информации, суждения, так и получателем информации. Таким образом, данная коммуникация осуществляется между равноправными и независимыми друг от друга политическими субъектами. Например, Л. Пай считает, что «политическая коммуникация подразумевает не одностороннюю направленность сигналов от элит к массе, а весь диапазон неформальных процессов обмена информацией в обществе, который оказывает самое разное влияние на политику»⁶.

Схематически эта модель коммуникаций может выглядеть так:

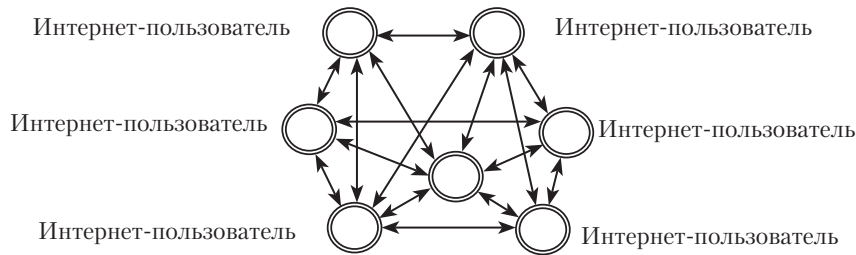

Рис. 2. Горизонтальная модель политической коммуникации в виде социальной сети

Как видно на рис. 2, каждый из пользователей онлайн-ресурсов может напрямую коммуницировать с другими пользователями, как передавая, так и получая информацию, обсуждать ее и формировать как свое, так и коллективное мнение относительно текущих политических процессов. В данном случае коммуникация является синхронной, в рамках таких массовых горизонтальных коммуникаций формируется собственное устойчивое мнение о разных политических силах, независимо от того, какой контент передается по асинхронным схемам традиционных СМИ в рамках политического управления. Неслучайно среди пользователей российского сегмента сети Интернет отношение к политикам, политическим партиям и политическим событиям зачастую коренным образом отличается от отношения электоральных аудиторий, пользующихся исключительно традиционными СМИ.

Иными словами, *посредством массовых горизонтальных коммуникаций в Интернете может вырабатываться собственный информационный контент и формироваться отличное от желаемого субъектами политических кампаний отношение к тем или иным политическим силам.*

Именно поэтому субъектам политических кампаний, рассчитанных на «проблемные» с позиций влияния с помощью традиционных СМИ целевые аудитории, необходимо участвовать в таких моделях коммуникаций, делая их максимально «горизонтальными». В связи с этим многие политики и их политтехнологи пытаются активно взаимодействовать с разной интернет-аудиторией на различных онлайн-площадках на горизонтальном уровне для завоевания нужного уровня доверия и поддержки, а также непосредственного участия в формировании в интернет-среде своего положительного имиджа.

С.В. Володенков, А.Л. Зверев

Как показывает практика, именно посредством горизонтальных коммуникаций многим политикам удается добиться лояльности интернет-аудитории, критически воспринимающей тот контент, который доводится до них через традиционные СМИ⁷.

Схематически такое участие в коммуникации субъектов политических кампаний можно изобразить следующим образом.

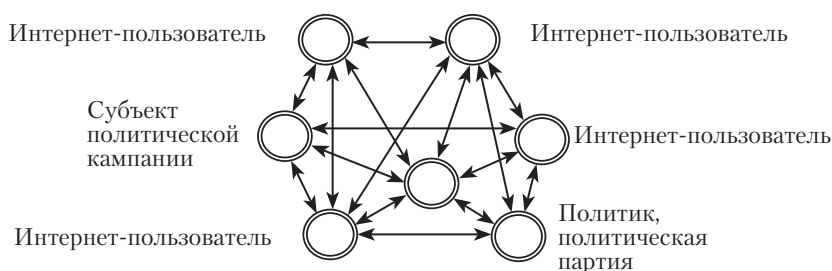

Рис. 3. Горизонтальная модель политической коммуникации в виде социальной сети

Говоря о горизонтальных коммуникациях в рамках онлайн-ресурсов, отдельно нужно сказать о таком уникальном виде онлайн-ресурсов, как Consumer Generated Media. С внедрением в интернет-пространство технологий Web 2.0 в Сети появилась уникальная возможность создавать такие ресурсы, контент для которых генерировали бы сами пользователи данных ресурсов. На сегодняшний день в Интернете существует значительное число подобного рода Consumer Generated Media. В качестве примера можно привести такие площадки, как newsland.ru, digg.com.

По большому счету, все блоги, а также большинство форумов и социальных сетей также являются Consumer Generated Media, так как весь контент блогов и многих форумов, а также контент в социальных сетях создается самими пользователями. При этом зачастую повлиять на контент, размещаемый в сотнях тысяч и миллионах такого рода consumer generated media ресурсов, а также повлиять на мнение их авторов бывает достаточно затруднительно в отличие от возможностей контроля над традиционными СМИ. Такие СМИ менее контролируемы, и часто их можно лишить возможности работать лишь посредством специальных технических средств.

Данный вид ресурсов имеет преимущества при использовании в рамках политических кампаний, так как уровень доверия к информации, содержащейся на таких ресурсах, как правило,

существенно выше, чем к информации, транслируемой по традиционным каналам. Связано это, в первую очередь, с тем, что при обсуждении тех или иных сюжетов мнение формируется коллективно самими пользователями, а не с помощью прямой рекламы и ангажированных журналистов и экспертов. При этом, если обсуждение происходит на нейтральной, неангажированной площадке, уровень доверия к информации, размещаемой на ней, также повышается⁸.

Рекомендации значимых для Сети блоггеров, как правило, пользуются более высоким доверием, чем прямая политическая реклама или псевдообъективные новости в официальных СМИ. Не случайно так называемые «тысячники» (лица, блоги которых просматривает значительное число интернет-пользователей, а число «фрэндов» не менее тысячи) задействуются в рамках политических кампаний в нашей стране достаточно успешно. Важно также отметить, что в рамках онлайн-пространства могут возникать различные тренды, которыми весьма сложно управлять. Так, например, российский сегмент Твиттера охвачен таким трендом, как политическая сатира, в рамках которого возникает множество аккаунтов, на которых размещается ироничная и саркастичная информация якобы от лица известных политиков.

Подобные возможности современных онлайн-ресурсов в новых реалиях политической коммуникации позволяют активно использовать проектную деятельность в виртуальном пространстве Интернета по формированию образа политической власти как со стороны ее представителей, так и со стороны оппозиционных сил. Развитие самой информационно-проектной деятельности в Сети сходно с эволюцией процессов политической коммуникации в целом. Любая политико-коммуникативная деятельность исходит так или иначе из социального заказа – информационная деятельность политической власти обуславливается «разрывами» между информационными ресурсами и информационными потребностями. Сложная система информационных коммуникаций в политической деятельности не всегда адекватно и оперативно успевает за постоянно развивающимися потребностями общества в информационную эпоху. Проектная деятельность позволяет лучше структурировать коммуникативную практику политической власти, четче отслеживать динамику потребностей общества, более технологично формулировать «социально-политический заказ» на создаваемый образ власти в рамках определенных участков и направлений деятельности, прогнозировать и решать проблемные ситуации.

Определенные нами информационные возможности современных онлайн-ресурсов требуют качественных изменений принципов

информационного проектирования властью своего образа в Сети, значительно отличающегося от традиционных СМИ. Главным является неиспользование монологической формы одностороннего повествования в виде разных отчетов, показывающих эффективность/ неэффективность политической деятельности актора и переход к участию и интерактивности со своей целевой группой во время всего срока властных полномочий или во время электорального цикла, когда будущий кандидат может продемонстрировать пользователям свои возможности по решению важных общественных инициатив социума.

Эти изменения в медийной активности политических акторов – вполне логичный ответ участников политического процесса на те новые формы коммуникативного взаимодействия, которые предлагаются современным информационным сообществом. Часть аудитории из числа российских граждан уже «переросли» уровень телевизора и радио, они уже не могут быть удовлетворены исключительно односторонними формами коммуникации. Новые интернет-проекты, все чаще запускаемые политическими элитами, демонстрируют реакцию на вызов этой группы. Конечно, это делается не из соображений голого альтруизма. Элитам, особенно в условиях кризиса, экономического спада и нестабильности, которые могут вылиться и в нестабильность в обществе, необходимо знать и представлять мнения граждан по острым социальным вопросам. Также важно иметь механизмы, которые бы позволили аккуратно вмешиваться и корректировать имеющиеся мнения и позиции в обществе. Эту возможность и могут предоставить новые формы интерактивной информационной презентации. И пока действия современной российской власти в информационной среде Интернета говорят о том, что та аккуратными шагами движется именно по этому пути.

Таким образом, можно говорить о постепенном переходе к иному уровню коммуникативного взаимодействия между представителями сферы политики и информационным обществом, серьезно отличающемуся от прежнего. Этот путь предполагает диалог и во главу угла ставит внимание к обратной связи, ее эффективности. Мы с определенной долей уверенности можем говорить, что в последнее время произошел в некотором роде прорыв в процессе информационного проектирования. Он проявляется хотя бы в том, что политическая власть пытается не отстать от общества и стремится идти если не на прямой контакт, то хотя бы принимать во внимание и активно и эффективно использовать новые способы коммуникации. Хотя мы должны отметить, что консерватизм и некая информационная закрытость власти несколько девальвируют эти

процессы и как минимум вызывают настороженность относительно того, чтобы делать конкретные и четкие прогнозы развития данного процесса в будущем. Это объясняется тем, что полный переход на новый уровень политической коммуникации между политической властью и гражданами может произойти исключительно в условиях конкурентной борьбы сетевых ресурсов политической направленности между собой и выражением свободы слова всех пользователей Всемирной сети независимо от их политических предпочтений. Без этого виртуального диалога власти и общества все попытки информационного проектирования позитивного образа власти в Сети будут выглядеть лишь скромными попытками нахождения такого образа и пустой декларацией новых моделей информационного взаимодействия интернет-проектов власти с формирующимся гражданским обществом.

Необходимо также отметить, что Интернет является сферой, которая развивается чрезвычайно активно и динамично. И поэтому исследователь неизбежно сталкивается с тем, что политологическое значение, а также иные следствия и заключения, вынесенные из анализа коммуникаций в интернет-пространстве, могут меняться зачастую с молниеносной быстротой, что может кардинальным образом влиять на общую картину когнитивной реальности. Проведенный нами анализ показывает, что использование имеющегося арсенала возможностей современных онлайн-ресурсов позволяет быстрее и плотнее охватывать целевые аудитории политических акторов, на которые направлены выстраиваемые новые формы политической коммуникации, что дает возможность повседневного контакта этих аудиторий с создающейся системой массовой коммуникации в Интернете. Активное формирование массовой коммуникации в Сети политическими акторами становится мощным ресурсом для мобилизации собственного электората во время проведения разного рода политических кампаний. Кроме того, одним из выводов по итогам данной статьи, обладающим определенной новизной, является то, что создаваемая политическими акторами горизонтальная модель политической коммуникации в виде социальной сети при использовании современных онлайн-ресурсов может способствовать большему доверию со стороны целевой аудитории, нежели прямая политическая реклама или псевдообъективные новости в официальных СМИ, что, по сути, и будет основной целью политического PR. Таким образом, ключевым вызовом для профессиональной деятельности PR-специалистов является использование в своей практике тех возможностей, которые предоставляют современные онлайн-ресурсы. В научном плане необходимо обратить внимание, что исследования в области

политических коммуникаций в Интернете должны вестись постоянно и иметь систематический характер, который бы позволил своевременно обнаруживать все актуальные тенденции в развитии данной сферы человеческой деятельности. Также следует обратить внимание на разработку теоретических концепций, которые могут дать современным политологам системный потенциал для исследований в данной области.

Примечания

- ¹ См.: *Deibert R.J.* *Parchment, Printing, and Hypermedia: Communications in World Order Transformation*. N.Y.: Columbia Univ. Press, 1997. P. 26.
- ² *Heyer P.* *Communications and History: Theories of Media: Knowledge and Civilization*. N.Y.: Greenwood Press, 1988. P. 52.
- ³ *McLuhan.* *The Medium is the Message: An Inventory of Effects*. N.Y., 1967. P. 87.
- ⁴ *Deibert R.J.* *Op. cit.* P. 33.
- ⁵ Например: классическая модель двухступенчатой коммуникации П. Лазарсфельда также предполагает асинхронную коммуникацию с целевыми аудиториями, пусть даже и при помощи такого посредника, как авторитетный лидер мнения (ЛОМ).
- ⁶ *Pye L.* *Political Communication / The Blackwell Encyclopedia of Political Institutions*. Oxford; N.Y., 1987.
- ⁷ Обратной стороной медали является возможность использования в онлайн-пространстве ресурсов, созданных якобы от имени тех или иных политиков. Так как информация, полученная по горизонтальным каналам, может быть воспринята с большим уровнем доверия, всевозможные «имитации» аккаунтов известных политиков и партий сегодня активно используются также и в рамках контрпропагандистских кампаний по дискредитации имиджа политических оппонентов.
- ⁸ Сравните, к примеру, что будет эффективнее для молодежной и средневозрастной интернет-аудитории, проживающей в крупных городах и имеющей средний уровень достатка: трансляция серии негативных передач о бывшем мэре Москвы Ю. Лужкове на федеральных телеканалах или обсуждение результатов его работы в Сети, где каждый пользователь может привести конкретные примеры недоработок и высказать свое негативное отношение к деятельности бывшего мэра столицы? Как показали беседы авторов с москвичами, петербуржцами и жителями г. Казани и Самары, отношение к Ю. Лужкову после «информационной войны» против него практически не изменилось, а некоторые люди даже стали сочувствовать ему как жертве заказной кампании в СМИ. Иными словами, кампания по дискредитации Ю. Лужкова вряд ли достигла своей цели,

Современные онлайн-ресурсы...

несмотря на все дальнейшие события, связанные с его отставкой. В качестве аргумента, подтверждающего данную гипотезу, мы можем привести итоги онлайн-опроса, который показал, что подавляющее большинство респондентов (более 60%) не изменили своего отношения к Ю.М. Лужкову, а значительная часть опрошенных (22%) ответили, что у них снизился уровень доверия к организаторам информационной кампании (более подробную информацию о результатах опроса см.: <http://twtpoll.com/r/y8f7w5>).

Г.Б. Гавриш

СВОЕОБРАЗИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕКСТА В СОВЕТСКОЙ ТРАДИЦИИ

В статье рассматриваются феномен советского политического текста и его роль в формировании советской политической среды. Определяются природа и специфика бытования текстов советских политических лидеров как аспект политической коммуникации. Автор рассматривает современную библиографию по предмету, определяет существующие концепции изучения советского политического текста, выделяет факторы, характеризующие его природу. Особый акцент сделан на роли цитаты как репрезентации интертекстуальности советского политического текста.

Ключевые слова: политическая коммуникация, политический текст, идеология, идеологема, советский язык, номенклатурная риторика.

Что делает текст политическим? Некоторые исследователи полагают, что политический текст – это законченное речевое произведение политической коммуникации, формой реализации которого является политический дискурс¹. А.Г. Алтунян называет политическим такой текст, в котором речь идет об актуальных политических проблемах и который обращен к массовой аудитории². Для политического текста характерна ориентированность на вопросы распределения и применения власти через влияние на конечного адресата текста. Алтунян отмечает, что текст становится политическим, если таковым его начинает считать основной субъект политического процесса: в демократических странах – политическая аудитория, в авторитарных – сама власть или ее институты. Для понимания феномена политического текста ключевым представляется понятие контекста. А.П. Чудинов определяет контекст как фрагмент текста, включающий избранную для анализа смысловую

© Гавриш Г.Б., 2012

единицу и достаточный для определения этой единицы в данном тексте³. Мы будем считать политический текст атрибутом языковой картины политического мира, которую можно определить как сложную систему ценностей, стереотипов, сценариев и мифов, относящихся к политическому дискурсу. Эти элементы представлены в виде слов, понятий, устойчивых метафор и т. д. Корпус политических текстов (т. е. совокупность текстов, объединяемых каким-либо признаком или группой признаков) является самым крупным элементом языковой картины политического мира. Политический текст может относиться к разным жанрам, быть устным или письменным, он может занимать несколько абзацев или представлять собой объемную монографию. Так или иначе, для него характерны определенные качества и свойства, выделяемые исследователями.

Интертекстуальность. В рамках современной лингвистики текст рассматривается как любой тип коммуникативного высказывания. Например: Р.-А. де Богранд и В. Дресслер определяют текст как коммуникативное событие, выделяя такие его атрибуты, как связность, информативность, целостность и приемлемость, т. е. возможность восприятия текста. Однако, по де Богранду и Дресслеру, наиболее важным атрибутом, который необходимо учитывать при определении политического текста, является интертекстуальность. С одной стороны, этот критерий означает связь текста с предшествующим или параллельно развивающимся дискурсом. С другой – он указывает на формальные критерии, которые связывают тексты между собой⁴. Введенный теоретиком постструктурализма Ю. Кристевой, этот термин подразумевает общее свойство текстов, выражающееся в наличии связей между ними. Благодаря этому свойству тексты могут явно или неявно ссылаться друг на друга. Интертекстуальность – качество, присущее не всем текстам, о ней можно говорить в том случае, когда в тексте встречаются элементы, структурированные в других текстах⁵. Прагматическая задача автора любого политического текста – формировать и контролировать политический дискурс, т. е. определять тематику и содержание словесно-символического обмена в обществе. В содержание политического дискурса включаются все присутствующие в сознании автора текста и аудитории компоненты: другие тексты, о которых знают автор и аудитория, политическая ситуация, в которой создается и воспринимается текст, политические взгляды и статус автора и т. д. В авторитарном обществе контроль над содержанием коммуникативного процесса – одна из главных задач власти, и идеальной ситуацией является та, в которой автор и аудитория находятся в едином политическом дискурсе. Особую роль в контексте интертекстуальности играет цитата, о чем будет сказано ниже.

Аргументированность. Текст должен воздействовать на формирование политических предпочтений и ориентаций адресата, побуждать его к политическим действиям, определять его нормы и идеалы. Алтунян выделяет стратегические и тактические задачи политического текста, и если тактические задачи разнятся, то стратегические – всегда примерно одинаковы. Политический текст должен привлекать внимание аудитории, предлагать видение ситуации, убеждать аудиторию в правильности поставленных проблем, подталкивать к решению и мобилизовывать аудиторию на поддержку⁶. Для решения этих задач аргументация в тексте выстраивается определенным образом, текст насыщается различными риторическими и стилистическими приемами. Адресат текста может быть фактическим или формальным. Обращение автора к фактическому адресату не обязательно равно обращению к формальному: если в качестве формального адресата в тексте обозначен «советский народ», фактическим адресатом может быть определенная социальная группа, например, государственные служащие, военные или рабочие конкретного предприятия.

Идеологичность. Это качество политического текста произрастает из интертекстуальности. Как было сказано ранее, политический текст всегда встроен в определенную идеологическую структуру, существовать сам по себе, в отрыве от контекста, он не может. Мы будем понимать идеологию как систему взглядов, организующую и структурирующую действительность безусловным образом. Кардинально изменить всю прежнюю идеологическую структуру могут только военный переворот, революция или другие события, сравнимые с этими по степени влияния на общество. Любой текст – это факт политической борьбы, это действие, направленное на решение конкретных политических задач, даже если эти задачи прямо не обозначены в тексте. Этот идеологический фундамент, по мнению Алтуняна, задается не только и не столько прямыми словами, но выбором слов, модальностью, адресацией и другими риторическими и стилистическими приемами⁷. Текст навязывает аудитории интерпретацию событий или явлений как идейных феноменов. С помощью указанных приемов события, происходящие в реальной жизни (например, повышение цен или теракт), снабжаются символическими критериями, оцениваются в рамках заранее определенной системы координат и таким образом встраиваются в символическую картину мира. Можно сказать, что политический текст произрастает из идеологического контекста и определяется его характеристиками и насущными задачами, а также служит для интеграции в идеологический контекст реальных событий и явлений. В своем исследовании постсоветского бытования советских

идеологом Г. Гусейнов отмечает, что обширный набор несловесных форм представления идеологии (традиционные символы, изобразительные, архитектурные и скульптурные комплексы, музыкальные символы) подчинен слову. Он говорит о том, что со временем «некоторые приемы обращения со словом в советское время стали для носителей языка схемой мысли»⁸.

Говоря о политическом тексте, мы исключаем из предметно-объектной зоны настоящего исследования такие разновидности политической коммуникации, как аппаратная (служебная) коммуникация и неформальная политическая коммуникация. Также следует отметить, что в статье не затрагивается вопрос о цензуре как инструменте контроля и регламентации коммуникативного процесса, выполняющем охранительную и санкционирующую функции. М. Федотов говорит о двух функциях политической цензуры – «налагать запрет на обнародование сведений определенного рода и вторгаться в творческий процесс»⁹, т. е. препятствовать созданию альтернативного официальному политическому дискурса. По отношению к политическому тексту цензура вторична, так как не создает политическое высказывание, а препятствует его возникновению. Цензура обезличена, тогда как политический текст всегда имеет автора, либо единоличного, либо коллективного.

Следует уточнить, что мы рассматриваем политический текст как элемент политической коммуникации. Исходя из определения свойств политической коммуникации, данной А.П. Чудиновым, выделим свойства политической коммуникации в авторитарном обществе¹⁰.

1. Ритуальность коммуникации, т. е. фиксированность формы коммуникации при отсутствии установки на новизну содержания, акцент на приверженности существующим правилам. Е.Г. Романова обозначает такие свойства ритуальной коммуникации, как сопряженность со структурой конкретного ритуального пространства, фиксированность набора поведенческих актов участников коммуникации, строгая регламентированность этих актов и сопряженностью коммуникации с определенной системой сигналов, каждый из которых связан с конкретной ситуацией в рамках игрового пространства¹¹. Таким образом, ритуальность политической коммуникации в авторитарном обществе проявляется в стремлении актора зафиксировать приверженность существующим правилам и социальным ролям и одновременно дистанцироваться от языка повседневности и обозначаемой им бытовой прагматики. «Пропандистские лозунги, окружавшие советского человека всюду и везде, являются... ярким примером прецедентно ритуализированного

и уже в этом смысле фольклоризирующего дискурса коммунистической идеологии», – пишет К.А. Богданов¹².

2. Институциональность, иными словами – жесткая фиксация статуса каждого коммуниканта и его политической роли. Институциональность политической коммуникации в последнем случае подразумевает, что коммуникация происходит между представителем одного социального института и представителями другого института (например, советского общества, многонационального советского народа, народа-победителя в Великой Отечественной войне). Такая определенность предполагает систему фиксированных стандартов речевого поведения, словоупотребления, стилистики и пр.

3. Эзотеричность коммуникации предполагает, что коммуникация осуществляется с помощью подъязыка, понятного и доступного посвященным, то есть не всем участникам коммуникации, а только тем, кто может декодировать подъязык и определить истинный смысл каждого высказывания. Более того, даже непонимание говорящим используемых терминов способствует их применению как маркеров принадлежности конкретной социальной общности. А.М. Селищев приводит такие расхожие определения – примеры эзотерической коммуникации, – как «социализм – это по-новому жить» и «коммунист – это кто в бога не верует»¹³. Другим примером эзотеричности советской коммуникации может служить диалог из фильма братьев Васильевых «Чапаев» (1934): «Ты за большевиков али за коммунистов?» – «Я за интернационал!». В контексте публичной политической коммуникации в СССР это свойство было актуально и в более поздние периоды советской истории, когда двойной смысл публичных текстов было принято трактовать тем или иным образом, исходя из догадок и домыслов относительно реального положения вещей.

4. Редукционизм коммуникации предполагает декларацию участниками коммуникации бинарности ценностных оппозиций и стремление свести многообразие мнений к прямо противоположным и доведенным до экстремума позициям. Исследования политической коммуникации в британском парламенте показали, что наибольшую склонность к редукционизму имеют крайне левые и крайне правые партии¹⁴. С другой стороны, там же указывается, что политическая риторика лидера резко усложняется, когда он хочет показать, что понимает и разделяет наличие множества взглядов на ту или иную проблему. Следовательно, политическая коммуникация в авторитарном обществе должна стремиться к редукционизму и максимально упрощаться, сводиться к набору типовых противопоставлений, чтобы избежать комплексности и плюрализма.

5. Стандартность коммуникации означает умеренное использование выразительных средств и широкое – общеупотребительной лексики, а также низкую экспрессивность высказываний. Для советских текстов характерна псевдоэкспрессия: корпус используемых лингвориторических экспрессивов был стандартизован и сведен к набору шаблонов. Так, например, патетическая военно-революционная риторика использовалась в текстах, посвященных далеким от военной тематики производственным и бытовым вопросам. А.М. Селищев писал, что к середине 1930-х годов советские тексты наполнились многочисленными речевыми штампами, апеллировавшими, с одной стороны, к «авторской» инстанции стоящей за ними власти, с другой – к денотативно расплывчатым метафорам и семантически неопределенным призывам¹⁵. Лозунги, призывы, устойчивые эпитеты и метафоры, используемые в советских текстах и устной речи, указывают сами на себя, а не обозначают нечто, подразумевают языковую, а не социальную прагматику.

6. Монологичность коммуникации. «В реальном политическом процессе компетентны только его участники», – пишет Алтунян. «[Аудитория] искусственно исключена из политической жизни, ограждена от политической жизни»¹⁶. Коммуникация однонаправлена, лишена полифонии и проистекает без обратной связи. Политический текст, созданный в рамках авторитарной системы, может содержать признаки, маскирующие монологичность. «Лозунги и тезисы послереволюционного времени строятся в соответствии с приемами ораторско-диалогической речи, но в коммуникативном отношении предполагают не диалог, а монологическое согласие аудитории», – пишет К.А. Богданов¹⁷. Даже если в тексте аудитории прямо предлагается вступить в диалог, это делается в рамках существующей, заранее оговоренной системы ценностей и образов, а альтернативные трактовки не учитываются. Суждения автора преподносятся как сверхценные высказывания.

7. Оценочность коммуникации. Чудинов утверждает, что оценочность – стилеобразующая черта политической коммуникации как таковой¹⁸. Объект не может возникнуть в коммуникации сам по себе – он обязательно должен быть маркирован, снабжен смысловым ярлыком, однозначно определяющим его в дуалистической системе ценностей «свой – чужой», и сопровождаться соответствующими лингвориторическими приемами. Нейтральные оценки в такой системе сводятся к минимуму.

Для того чтобы определить особенности авторитарной политической коммуникации советского образца, вкратце рассмотрим специфическую систему символов и коммуникативных практик, известных как советский язык. «Идеология советского типа...

с неизбежностью создает на основе естественного языка сильно сокращенную версию-манипулятор, словесное оружие, пригодное для употребления на всех уровнях языковой компетенции», – считает Г. Гусейнов¹⁹. В чем заключалось своеобразие советского языка? «В раннюю советскую пору можно было прочесть в советской газете: “Говорит непонятно – значит большевик”. Поколение детей тех красноармейцев, что научились понимать большевистскую непонятность, при встрече с сохранившимися носителями прежнего русского языка начинало смотреть на свой речевой облик новыми глазами», – пишет он о своеобразии советских речевых практик²⁰. Революция не только изменила лексику русского языка. В 30-е годы XX в. начал активно формироваться так называемый советский новояз, пользуясь термином Дж. Оруэлла, или «язык советской прессы» – язык номенклатуры, впитавший в себя революционную терминологию 20-х годов и обогащавшийся впоследствии лексикой бюрократии, советского чиновничества и военной лексикой. «Использование этой формы коммуникации нередко воспринималось как своего рода способ проявления лояльности к властным структурам и в то же время как признак лингвистической и идеологической ограниченности», – пишут Э.В. Будаев и А.П. Чудинов. Это подтверждает и А.П. Романенко в своем исследовании советской словесной культуры: «Документ стал нормирующим видом речи в советской словесности. Это поддерживалось тем, что в основе всей речевой деятельности и организации советского общества лежали партийные документы. Поэтому функционирование советской словесности осуществлялось почти по правилам документооборота»²¹. С 30-х годов XX в. номенклатурный язык нес нормирующую речевую функцию, регламентируя формат речевого и текстового взаимодействия в сфере политического²². Более того, номенклатурный язык определял и маркировал явления и события даже в бытовой сфере советской жизни так, что говорить о них без использования номенклатурной лексики было невозможно. «Доктринальный язык официального марксизма постепенно замещал собой любые проявления содержательного инакомыслия. Характерной чертой этого языка стала логическая оформленность схоластического типа. “Неопровержимые истины” в данном случае верификации уже не подвергались, хотя еще и обсуждались», – пишет М.С. Уваров²³.

Так чем же определяется природа советского политического текста? Прежде всего – своеобразием марксистской политической традиции в России и широтой распространения политических текстов. Широта распространения гарантировалась тиражами советских газет, которые публиковали стенограммы партийных заседаний, речи и статьи руководителей партии и другие программные

документы. Так, в 1971 г. «Известия» выходили тиражом более 8 млн экземпляров. К 1975 г. газета «Правда» выходила одновременно тиражом в 11 млн экземпляров. Согласно переписи населения, проведенной в 1979 г., городское население СССР составляло 163 млн человек. Учитывая совокупный тираж крупнейших газет и журналов, выпускавшихся в это время, и то, что у одного экземпляра газеты могло быть более одного читателя, можно утверждать, что прессой было охвачено абсолютное большинство городского и значительная часть сельского населения страны.

Марксизм традиционно распространялся в России не через практику рабочего движения, а через интеллигентские литературно-политические кружки. Любая претензия на политическое лидерство должна была быть поддержана политическими текстами. Борьба за политическое лидерство заставляла политиков создавать самостоятельные и своеобразные политические тексты. Огромное значение придавалось аргументации, а главным источником аргументации и неперенным атрибутом политической полемики являлась апелляция к авторитетам и классикам. С. Кларк говорит о том, что проблема, стоявшая перед русскими марксистами, заключалась в том, что революционные идеи бежали далеко впереди развития рабочего движения. Это неизбежно отдавало интеллигенции руководящую роль в революционном процессе. В глазах Кларка первые российские марксисты – это «интеллектуалы, которые могли перенести уроки, полученные в более развитых странах и воплощенные в научные законы исторического материализма, на российский пролетариат. Его законы позволяли революционным интеллектуалам научно понять связь между интересами рабочего класса и идеалами социализма»²⁴. Политическая теория марксизма-ленинизма подразумевала преемственность по отношению к идеям Маркса и Энгельса, сочетающуюся с революционными практиками большевиков. Традиционный литературоцентризм политического движения в России начала XX в. вел к тому, что текст классиков марксизма был больше чем текстом, он был сакральным источником цитирования. Когда человек становился политическим лидером, корпусу его текстов придавались особые качества. В них искали ответы на все внешние вызовы, ему приписывались сакральные свойства. Коммуникативная деятельность советских лидеров, их речевые практики воспринимались как образец, наиболее соответствующий духу эпохи и необходимый для повторения и копирования не в последнюю очередь благодаря тщательно подчеркиваемой преемственности по отношению к текстам классиков. Можно сказать, что тексты классиков марксизма использовались как набор кодов для конструирования идеологически рекомендованной действительности. Цитата

из классика или действующего политического лидера легитимировала текст, давала ему место в советском дискурсе и помогала при распознавании текста адресатом. Пытаясь найти объяснение этому феномену, одни исследователи обращались к традициям русского политического абсолютизма, воспринимавшего язык как инструмент управления, другие — к традиционной феодальной политической культуре, монархистскому сознанию, сохранившемуся у большей части жителей России²⁵, третьи искали ответ в диалектике марксизма. Так, М. Вайскопф пишет, что сакрализация земного правителя (в данном случае — И. Сталина) зиждется на российской монархической традиции, мощно актуализируемой сталинизмом²⁶. По мнению Б. Гройса, «только коммунизм осуществляет тотальную вербализацию человеческой судьбы». Гройс пишет: «При коммунизме все было таким, каким оно было, потому что кто-то сказал, что это должно быть так, а не иначе»²⁷. Только в советском обществе (и обществах, построенных по тем же коммуникативным и социальным принципам) так много сил и энергии тратится на создание и поддержание официального языка и так резко подавляются любые попытки отказать от него или его модифицировать. Материалистическое понимание связи языка с обществом и с сознанием заключается в восприятии общественного сознания и человеческой мысли как отражения действительности, а языка — как практического сознания. В тексте «Истории ВКП(б)» Гройс находит подтверждение того, что Сталин определял язык как медиум, не являющийся ни базисом, ни надстройкой. При этом, по мнению Сталина, «язык непосредственно связан с производственной деятельностью человека так же, как и со всякой иной деятельностью во всех без исключения сферах его работы»²⁸. «Любой... ответственный коммунистический руководитель, — пишет Гройс, — считал себя в первую очередь философом, а свою практическую деятельность рассматривал как вклад в развитие коммунистической теории»²⁹. Резюмируя вышесказанное, можно сказать, что в законченном советском политическом тексте создается мини-универсум, одновременно вписанный в существующий дискурс и дополняющий его, легитимированный цитатами классиков и содержащий ответ на вызовы повестки дня. Таким образом, автор политического текста играет в коммуникативном пространстве роль демиурга, давая имена и характеристики существующим и несуществующим событиям и явлениям. По мнению М. Вайскопфа, советский лидер был «главным писателем» своей эпохи. В работе, посвященной языку Сталина, он цитирует Л. Максименкова: «Сталин как политик был прежде всего редактором подготовленного для утверждения текста... Он воспринимал российскую политическую культуру через письменный текст»³⁰.

С другой стороны, работавший со Сталиным М. Смиртюков говорил, что Сталин не любил работать с документами, часто подписывал их не читая³¹. Следовательно, можно говорить о том, что восприятие языка как универсального средства управления социальной реальностью, представляющей собой производственные и идеологические отношения, делало текст основополагающим инструментом политического действия.

Для понимания смыслов и акцентов цитирования рассмотрим использование цитат из работ К. Маркса в некоторых работах В.И. Ленина. Так, в статье «Марксизм и восстание», написанной в сентябре 1917 г., Ленин пишет: «Ни один марксист не отречется от того, что именно Маркс самым определенным, точным и непререкаемым образом высказался на этот счет, назвав восстание именно искусством, сказав, что к восстанию надо относиться как к искусству, что надо завоевать первый успех и от успеха идти к успеху, не прекращая наступления на врага, пользуясь его растерянностью и т. д. и т. п.»³². Цитата из работы «Революция и контрреволюция в Германии» (1851–1852) на самом деле принадлежит Ф. Энгельсу и звучит так: «Восстание есть искусство, точно так же, как и война, как и другие виды искусства»³³. Здесь Энгельс оценивает конфликт между франкфуртским Национальным собранием и правительствами немецких государств в период Мартовской революции в Германии в 1848 г. Энгельс резюмирует: «Итак, что же следовало делать франкфуртскому Национальному собранию, чтобы избежать неминуемо угрожавшей ему гибели? Оно должно было прежде всего отчетливо уяснить себе положение и убедиться в том, что теперь перед ним нет иного выбора, как или безоговорочно подчиниться правительствам или же, решительно отбросив всякие колебания, примкнуть к вооруженному восстанию»³⁴. Этой цитатой Ленин подчеркивает необходимость незамедлительных действий по захвату власти и одновременно предостерегает большевиков от нерешительности.

В статье «О значении золота теперь и после полной победы социализма» (напечатана в газете «Правда» за 5 ноября 1921 г.) Ленин пишет: «Откуда следует, что “великая, победоносная, мировая” революция может и должна применять только революционные приемы? Ниоткуда этого не следует. И это прямо и безусловно неверно. Неверность этого ясна сама собой на основании чисто теоретических положений, если не сходить с почвы марксизма. Неверность этого подтверждается и опытом нашей революции. Теоретически: во время революции делаются глупости, как и во всякое другое время, – говорил Энгельс, – и говорил правду»³⁵. Это высказывание Энгельса целиком звучит так: «Во всякой революции неизбежно

делается множество глупостей так же, как и во всякое другое время; и когда наконец люди успокаиваются настолько, чтобы вновь стать способными к критике, они обязательно приходят к выводу: мы сделали много такого, чего лучше было бы не делать, и не сделали многого, что следовало бы сделать, поэтому дело и шло скверно»³⁶. Цитата – из второй части ранней статьи Энгельса «Эмигрантская литература» (1874 г.), в которой он критикует бланкистов, в данном случае – за канонизацию Парижской коммуны: «Но какое отсутствие критики требуется для того, чтобы канонизировать Коммуну, объявить ее непогрешимой, утверждать, что с каждым сожженным домом, с каждым расстрелянным заложником поступили в точности, вплоть до точки над і, так, как следовало!».

Можно резюмировать, что цитаты из Энгельса приводятся Лениным в отрыве от контекста; они представляют собой самостоятельные ценные высказывания, помогающие аргументировать и легитимировать его собственные идеи. Подобное отношение к контексту цитаты характерно и для текстов более поздних политических лидеров, цитирующих самого Ленина. М. Вайскопф приводит стихи А. Безыменского, характеризующие сложившееся еще при жизни Ленина отношение к нему как к олицетворению рабочего класса и самовыражению Рабоче-крестьянской партии: «Он нам дорог не как личность. В нем слилась для нас свобода / В нем слилось для нас стремление, в нем – веков борьбы гряды»³⁷. Комментируя использование ленинских цитат Сталиным, Н. Вольский-Валентинов пишет: «В апреле 1924 г. Сталин читал в Свердловском университете лекции “Об основах ленинизма”, опубликованные к съезду в мае в виде брошюры... Замечательно, что генеральный секретарь партии игнорирует, явно не придает значения статье Ленина “О кооперации”. Более того: фактически он выступает против Ленина, категорически заявляя, что построить социализм в одной стране невозможно. Несколько месяцев позднее, ужаснувшись своего антиленинизма, впадения в ересь, особенно тяжкую в его положении генерального секретаря партии, хранителя “заветов Ленина”, Сталин бросился заминать свою ошибку. В последующем издании его брошюры “Об основах ленинизма”, вошедшей в сборник “Вопросы ленинизма”, антиленинские слова уже выкинуты, еретические фразы фальсифицированы разными вставками, позволяющими думать, что Сталин от мыслей Ленина никогда не отклонялся»³⁸. М. Вайскопф отмечает, что Сталин не только часто цитировал Ленина, но и пользовался ленинскими метафорами и другими стилистическими приемами³⁹.

Формат статьи не предполагает развернутого рассмотрения феномена цитирования классиков в советском политическом тексте.

Однако сказанное выше позволяет определить роль, которую играет цитирование в своеобразии политического текста в советской культурной традиции. Советский политический текст определяется как общими свойствами политического текста – аргументированностью, интертекстуальностью и идеологичностью, так и специфическими свойствами, присущими ему как элементу политической коммуникации в авторитарном обществе.

Примечания

- ¹ См. например: *Феденева Ю.Б.* Моделирующая функция метафоры в агитационно-политических текстах 90-х гг. Цит. по: *Ворошилова М.Б.* Креолизованный текст в политическом дискурсе. [Электронный ресурс]Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/voroshilova-07b.html>.
- ² См.: *Алтунян А.Г.* Анализ политических текстов. Учеб. пособие. М.: Логос, 2010. С. 11.
- ³ См.: *Чудинов А.П.* Политическая лингвистика. Учеб. пособие. М.: Флинта-наука, 2006. С. 33.
- ⁴ См.: *Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е.* Методы анализа текста и дискурса. Харьков: Гуманитарный центр, 2009. С. 49.
- ⁵ См.: *Jenny L.* Lastrategiedelaforme (1976). [Электронный ресурс] Режим доступа: [<http://slovar.lib.ru/dictionary/intertextualnost.htm>].
- ⁶ См.: *Алтунян А.Г.* Указ. соч. С. 16.
- ⁷ См.: *Алтунян А.Г.* Там же. С. 50.
- ⁸ См.: *Гусейнов Г.Ч.* Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х. М.: Три квадрата, 2004. С. 14.
- ⁹ См.: *Федотов М.А.* Гласность и цензура: возможность сосуществования // Советское государство и право. 1989. № 7. С. 80.
- ¹⁰ См.: *Чудинов А.П.* Указ. соч. С. 52.
- ¹¹ См.: *Романова Е.Г.* Перформативы в ритуальных актах суггестивной коммуникации. М.: Лилия-Принт, 2001.
- ¹² См.: *Богданов К.А.* Voxrорuli: фольклорные жанры советской культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 27.
- ¹³ См.: *Селищев А.М.* Язык революционной эпохи: из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926). М.: Работник просвещения, 1982. С. 53.
- ¹⁴ См.: *Panser M.S., Hunsberger B., Pratt M.W., Boisvert S., Roth D.* Political Roles and the Complexity of Political Rhetoric. *Political Psychology*. 1993. Vol. 13. No. 1. March. P. 32.
- ¹⁵ См.: *Селищев А.М.* Указ. соч. С. 24.
- ¹⁶ См.: *Алтунян А.Г.* Указ. соч. С. 32.
- ¹⁷ См.: *Богданов К.А.* Указ. соч. С. 23.

Г.Б. Гавриш

- ¹⁸ См.: *Чудинов А.П.* Указ. соч. С. 65.
- ¹⁹ См.: *Гусейнов Г.Ч.* Указ. соч. С. 18.
- ²⁰ См.: *Гусейнов Г.Ч.* Указ. соч. С. 9.
- ²¹ См.: *Романенко А.П.* Образ риторика в советской словесной культуре. М.: Флинта, 2003. С. 14.
- ²² См.: *Будаев Э.В., Чудинов А.П.* Лингвистическая советология. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/budaev-chudinov-09.htm>.
- ²³ См.: *Уваров М.С.* Оппозиции языка и текста в культуре XX века: Философский век: Альманах. Вып. 7. СПб., 1998. С. 33.
- ²⁴ См.: *Кларк С.* Был ли Ленин марксистом? Народнические корни марксизма-ленинизма // Рубеж. 1992. № 3. С. 74.
- ²⁵ См.: *Баткин Л.М.* Сон разума: «Осмыслить культ Сталина». М., 1989. С. 10.
- ²⁶ См.: *Вайскопф М.* Писатель Сталин. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 129.
- ²⁷ См.: *Гройс Б.* Коммунистический постскриптум. М.: Ад Маргинем, 2007. С. 13.
- ²⁸ См.: *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 16. М.: Писатель, 1997. С. 117.
- ²⁹ См.: *Гройс Б.* Указ. соч. С. 41.
- ³⁰ См.: *Максименков Л.* Сумбур вместо музыки: Сталинская культурная революция: 1936–1938. М., 1997. С. 3.
- ³¹ См.: *Жирнов Е.* «Встать к стене спиной, держать руки на виду!» // Коммерсантъ-Власть. 2011. № 33 (937). 22 авг. С. 31.
- ³² См.: *Ленин В.И.* Марксизм и восстание. Цит. по: [<http://sovietsite.ru/content/н-ленин-марксизм-и-восстание>].
- ³³ См.: *Энгельс Ф.* Революция и контрреволюция в Германии // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 8. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. С. 100.
- ³⁴ См.: *Энгельс Ф.* Указ. соч. С. 100.
- ³⁵ См.: *Ленин В.И.* О значении золота теперь и после полной победы социализма // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 44. Цит. по: [http://leninism.su/index.php?option=com_content&view=article&id=955:o-znachenii-zolota-teper-i-posle-polnoj-pobedy-soczializma&catid=83:tom-44&Itemid=53].
- ³⁶ См.: *Энгельс Ф.* Эмигрантская литература: Программа бланкистских эмигрантов коммуны. Цит. по: [<http://lib.rus.ec/b/206164/read>].
- ³⁷ См.: *Вайскопф М.* Указ. соч. С. 203.
- ³⁸ См.: *Вольский-Валентинов Н.М.* Наследники Ленина: Построение социализма в одной стране. М.: Терра, 1991. Цит. по: http://www.pseudology.org/Valentinov_Lenin/NaslednikiLenina/02.htm.
- ³⁹ См.: *Вайскопф М.* Указ. соч. С. 267.

Е.В. Барышев

СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИНТЕРНЕТА

Формирование и становление в конце XX в. нового коммуникационного канала – компьютерных сетей – привело к потере властью монополии на информацию. В статье рассматриваются возможности современного российского интернет-пространства в политической жизни общества.

Ключевые слова: политическая информация, Интернет, сайты политических партий, блоги.

В конце XX в. произошло формирование и становление нового коммуникационного канала – компьютерных сетей, получивших воплощение в глобальной сети Интернет¹. Насыщенность и безграничность информации повлияли и на характер политического. Контроль за монополизацией информации, который всегда был мощнейшим ресурсом власти, с появлением и распространением Интернета властью был утерян. Это создало новую проблему – как властвовать в условиях, когда теряется контроль над информационными потоками?

Подключение к Интернету дало власти возможность через официальные сайты удерживать электорат, информируя пользователей о своей деятельности, программных документах и т. д. Интернет предоставляет полную статистическую информацию о том, кто и сколько раз обращался к информационной странице политической партии или отдельного политического актора и какие именно направления деятельности привлекли наибольшее внимание. Полученная информация позволяет оптимизировать работу с обращениями граждан и при необходимости корректировать мероприятия по связям с общественностью в период избирательной кампании².

Впервые свое присутствие в Сети политические деятели и партии обозначили в преддверии выборов в Государственную Думу РФ 1999 г. В марте 1998 г. был открыт первый в истории российского Интернета персональный сайт политика, которым стал Б. Немцов, тогда первый заместитель Председателя Правительства РФ. За первые два месяца его посетили около 70 тысяч пользователей³. Не менее посещаемыми являлись и сайты политических партий и объединений, открывшихся также в конце 90-х годов. Так в 1997–1998 гг. (за годичный период существования) сайт КПрФ посетили около 200 тысяч пользователей. Такое же количество посещений сайт «Яблоко» набрал за более короткий срок (с 25 февраля по 15 мая), но уже в 1999 г.⁴

Тогда же в избирательных кампаниях впервые были использованы технологии Интернета для политических провокаций. В 1999 г. группа сайтов, связанных с именем мэра Москвы, пополнилась еще одним – www.lujkov.ru. По дизайну первой страницы он был почти идентичен личному сайту мэра www.luzhkov.ru. Но его содержание для Лужкова было крайне неприятным. Спустя несколько часов после своего появления «lujkov.ru» был частично закрыт, а через несколько дней после закрытия ответственность за его судьбу взял на себя Фонд эффективной политики⁵. Незадолго до выборов в Государственную Думу третьего созыва в Сети, помимо официального веб-сайта Г.А. Зюганова www.zyuganov.ru, появился «паразитический» сайт – www.zuganov.ru, – на котором образ лидера российских коммунистов выглядел совсем не престижно. Например, на главной странице сайта Г.А. Зюганов был изображен в женском нижнем белье. Сайт содержал ненормативную лексику и карикатуры на Г.А. Зюганова. После выборов сайт перестал функционировать, очевидно, он был создан противниками КПрФ на предвыборный период в целях дискредитации руководителя КПрФ⁶.

Современные представления о реформировании государственного управления наряду с другими элементами включают и концепцию электронного правительства (e-Government)⁷. Директивное начало процессу внедрения в деятельность органов государственной власти России современных информационно-коммуникационных технологий положило принятие в январе 2002 г. Федеральной целевой программы (ФЦП) «Электронная Россия (2002–2010 гг.)»⁸. Сегодня органы государственной власти федерального и регионального уровней позиционируют себя на сервере «Официальная Россия» (www.gov.ru).

Современный российский сегмент сети Интернет становится все более политизированным. На сегодняшний день сайты имеются у всех фракций Государственной Думы, а у депутатов нижней пала-

ты российского парламента – персональные страницы в Интернете⁹. Политические аналитики полагают, что Интернет может стать коммуникативной платформой для развития гражданского общества, так как повышает шансы небольших партий, движений и кандидатов от меньшинства на демократических выборах, предоставляя им равные с лидерами предвыборной борьбы права в глобальном информационном пространстве¹⁰.

Основные российские парламентские партии («Единая Россия», «Справедливая Россия», ЛДПР и КПРФ) активно используют все возможности Интернета: выстраивают коммуникативную онлайн-связь со своими избирателями, ведут свои блоги и онлайн-страницы.

Кроме официальных сайтов, партии активно используют сервис микроблогов Twitter¹¹. Партии создали на этой площадке свои персональные микроблоги, с помощью которых они транслируют и доносят до пользователей этого ресурса всю информацию о партийной деятельности и о партийной позиции по различным проблемам и событиям¹².

Возможности Интернета позволяют упростить прямой контакт граждан и правительства, тем самым снизив рост оппозиционных настроений. Свою роль здесь играет сайт ГосУслуги.ру¹³, который представляет перечень документов и инструкций для разных жизненных ситуаций.

Интернет также упрощает политическое взаимодействие индивидов, которые, имея сходные взгляды, ограничены географическими и временными рамками.

В числе политических PR-технологий, реализуемых посредством Интернета, выделяют следующие функции использования возможностей Интернета в политической сфере:

- 1) демонстрация в массмедиа приобщения политической структуры к Интернету как символу прогресса;
- 2) предъявление средствам массовой информации позиции политика в Интернете, адекватной его положению в политической жизни;
- 3) конструирование (имитация) в Интернете действующего политического субъекта;
- 4) создание видимости поддержки политика интернет-аудиторией;
- 5) использование Интернета как канала коммуникации, не имеющего жестких содержательных, стилистических, форматных и иных ограничений традиционных СМИ;
- 6) легитимация информации посредством ее публикации в Интернете и ретрансляции в традиционных СМИ;

7) удовлетворение информационных запросов различных аудиторий о политике (политической кампании, структуре) посредством Интернета¹⁴.

В последнее время блоги из множества каналов политической коммуникации в Интернете стали основными.

Создание блогов – новый шаг в общении с населением, он свидетельствует о продолжении демократизации во всех сферах общества. Любой избиратель может зайти на страницу интересующего его политика и высказать свое мнение по поводу его работы, идей, задать конкретные вопросы и даже обратиться за помощью, поскольку такой формат позволяет отслеживать ситуацию в регионах намного эффективнее обычных, не виртуальных коммуникаций, так как во время таких коммуникаций стираются временные и географические преграды.

В связи с этим современные исследователи выделяют пять уникальных возможностей ведения блога политиком:

- 1) формирование нужного положительного образа власти в главной сфере гражданского общества – свободной сети Интернет;
- 2) отслеживание настроений граждан буквально в режиме «онлайн» и быстрое реагирование на их изменения;
- 3) оперативное решение региональных проблем, информация о которых предоставляется в комментариях;
- 4) комментирование в блоге рождает участие граждан в дискуссиях по актуальным проблемам государства;
- 5) президент становится абсолютным менеджером (телевидение, газеты, теперь и Интернет)¹⁵.

Блоги рассматриваются политиком как средство взаимодействия с ближайшим окружением политического актора (с целевыми аудиториями), то есть всеми теми, кто получает информацию о нем.

Среди главных особенностей блоггеров – их недоверие к информации, поступающей из официальных каналов коммуникаций. Это делает блогосферу площадкой для альтернативного доступа к актуальной политической информации и обсуждения повестки дня в процессе формирования своего взгляда на то, какой должна быть современная политика¹⁶.

Интернет-блоги и персональные сайты также упростили общение политиков и избирателей, стали одним из главных инструментов обратной связи. Штаб любого кандидата в депутаты может провести контент-анализ обращений и комментариев пользователей и создать портрет сторонника, выявить наиболее важные для него вопросы. Благодаря Интернету политики начали диалог со своими избирателями в удобном для обеих сторон формате, с непредставимой ранее простотой общения. Личный сайт, блог играет качествен-

ную роль в политической жизни актора – он служит источником персональной информации для журналистов или активистов-однопартийцев, которые могут распространять ее. Так, например, конгрессмен Р. Пол в США стал политиком федерального масштаба именно благодаря Интернету¹⁷. Таким образом, Сеть может помочь преодолеть отсутствие необходимых ресурсов. Главное, чтобы дела политика не расходились с его словами, опубликованными в блоге или на сайте.

Среди российских чиновников – участников Сети, ведущих личную страницу в Живом Журнале: губернатор Кировской области Никита Белых¹⁸, экс-замминистра промышленности и торговли Станислав Наумов¹⁹, руководитель департамента по развитию конкуренции и конъюнктуры рынка Минэкономразвития Александр Пироженко²⁰.

Также политики зарегистрированы и в другом популярном канале связи – Twitter (Н. Белых²¹, С. Наумов²², А. Пироженко²³). Н. Белых верит, что «информационная открытость власти через блогосферу дает возможность легко отслеживать выполнение всех обещаний и заявлений»²⁴. Сенатор от Амурской области Амир Галлямов тоже «решил поддаться велению времени – быть более открытым», о чем он и пишет не только на своем личном сайте²⁵, но и в ЖЖ, который он регулярно ведет. Олег Чиркунов (губернатор Пермского края), имея странички в Facebook²⁶ и Twitter²⁷, активно развивает свою страницу на Wordpress²⁸.

Вокруг блогов и сайтов наиболее заметных политиков, а также партий сформировались целые сообщества поклонников и противников, на них разворачиваются жаркие дискуссии вокруг самых разнообразных тем. Например, независимое интернет-издание «ПолитПсков»²⁹ (независимый информационный ресурс г. Пскова) позволяет в рамках открытой дискуссии свободно обсуждать политические проблемы региона, так как телевидение и иные СМИ фактически цензурятся либо не заинтересованы в открытом разговоре о власти.

Но первое место здесь принадлежит Президенту РФ. Д.А. Медведев использует множество каналов связи: личный сайт и ЖЖ, а с июня 2011 г., после посещения Кремниевой долины, и Twitter³⁰. Президентская аудитория растет: у ЖЖ Медведева, который стартовал в октябре 2008 г., почти 15 500 читателей, а у его Twitter более 135 000 подписчиков. Пришлось даже заводить еще один – для более формальных сообщений.

Новый блог Д.А. Медведева в «Живом Журнале» создали для увеличения возможностей ранее существовавшего кремлевского блога. Необходимо заметить, что по популярности кремлевский

блог Президента РФ Д.А. Медведева превосходит блоги многих известных политиков. Он один из немногих блоггеров в России, в сообществе которого зарегистрировалось более 10 тысяч человек, и количество людей, подписавшихся на обновления блога, с каждым днем растет сотнями³¹.

Несмотря на премодерацию поступающих на сайт комментариев, их количество с течением времени постоянно растет. Д.А. Медведев дает пользователям повод высказаться в темах про спорт, оставляя граждан дискутировать друг с другом и высказывать идеи и мнения; «выслушивает» их советы, критику, недовольство и споры на поднятую им тему финансового кризиса. Представляя свои прогнозы для России и меры по улучшению экономики, образования, спорта, гражданского общества, Президент встречает и отрицательные комментарии и положительные высказывания с предложением своих методов, информированием о ситуации в определенном регионе, обращая взгляд государства на проблемы и через Интернет.

В Интернете возможности продвижения политического актора, если и не равны, то не так сильно различаются, как вне Сети. Методы работы с виртуальными, онлайн-СМИ совпадают с реальными: новостные поводы, аналитические статьи, финансовые отчеты, пресс-релизы, комментарии лидеров мнений к текущим событиям, обзоры политического рынка публикуются на сайтах СМИ и др.³²

Примечания

- ¹ См.: *Смирнов А.И.* Информационная глобализация и Россия: вызовы и возможности. М., 2005. С. 18; *Коллин К.К.* Информационная глобализация общества и гуманитарная революция. – Режим доступа [<http://spkurdyumov.ru/D37Kolin.htm>] свободный.
- ² *Анохин М.Г., Комаровский В.С.* Политика: возможности современных технологий. М., 1998. С. 230–246.
- ³ См.: *Панарин И.Н.* Информационная война и власть. М.: Мир безопасности, 2001. С. 126.
- ⁴ См.: *Войскунский А.Е., Бабанин Л.Н., Солдатова Г.У.* Опыт изучения политических предпочтений пользователей Интернета в России // Гуманитарные исследования в Интернете / Под ред. А.Е. Войскунского. М.: Можайск-Терра, 2000. С. 250–266.
- ⁵ См.: *Рогин Д.* О влиянии Интернета на политику, 16.10.2002. – Режим доступа [<http://www.runet.ru>] свободный.
- ⁶ См.: *Дмитриев А.В., Латынов В.В., Яковлев И.Г.* Политика, политология, Интернет. М.: Современный гуманитарный университет, 2002. С. 36.

- 7 См.: Светоград: Структура электронного правительства. – Режим доступа [<http://www.svetopolis.ru/projects/e-government/structure>], свободный.
- 8 См.: Постановление Правительства РФ от 28 января 2002 г. № 65.
- 9 См.: *Дрожжинов В.И.* Предисловие редактора // Совершенствование государственного управления на основе его реорганизации и информатизации. М., 2002. С. 5.
- 10 *Горохов В.М.* Средства массовой информации в системе политических коммуникаций // Концепция современной политологии. М., 1993. С. 28–29.
- 11 Сервис микроблогов. – Режим доступа [<http://twitter.com>], свободный.
- 12 Микроблог партии ЛДПР. – Режим доступа [http://twitter.com/#!/ldpr_online], свободный; Микроблог партии КИРФ. – Режим доступа [<http://twitter.com/#!/kprf>], свободный; Микроблог партии «Единая Россия». – Режим доступа [http://twitter.com/#!/er_2011], свободный.
- 13 Портал государственных и муниципальных услуг. – Режим доступа [<http://www.gosuslugi.ru>], свободный.
- 14 *Иванов Д.В.* Виртуализация общества. СПб., 2000. С. 74.
- 15 См.: *Калькинен Г.* В сети начался политический сезон: Правые осваивают новую медийную площадку // Независимая газета. 2002. № 193.
- 16 Public Relationships. Communications in the age of personal media / Edelman and Technocrati, 2006. – Режим доступа [http://www.edelman.com/summit07/uploads/BloggerSurvey_FINAL_Public_Relationships.pdf], свободный.
- 17 См.: K2K News, Конгрессмен Рон Пол выгреб из «паутины» три миллиона долларов, 06.11.2007. – Режим доступа [<http://www.k2kapital.com/articles/16/26567>], свободный.
- 18 Блог Н. Белых. – Режим доступа [<http://belyh.livejournal.com>], свободный.
- 19 Блог С. Наумова. – Режим доступа [<http://stanislavnaumov.livejournal.com>], свободный.
- 20 Блог А. Пироженко. – Режим доступа [<http://alex-pirojenko.livejournal.com>], свободный.
- 21 Твиттер Никиты Белых. – Режим доступа [<http://twitter.com/#!/NikitaBelyh>], свободный.
- 22 Твиттер Станислава Наумова. – Режим доступа [<http://twitter.com/#!/naumovstanislav>], свободный.
- 23 Твиттер Александра Пироженко. – Режим доступа [<http://twitter.com/#!/alexnewsrb>], свободный.
- 24 Блог Никиты Белых. – Режим доступа [belyh.livejournal.com], свободный.
- 25 Личный сайт Амира Галлямова. – Режим доступа [angallyamov.com], свободный.
- 26 О Чиркунов в Facebook. – Режим доступа [<http://www.facebook.com/chirkunov>], свободный.
- 27 О Чиркунов в Twitter. – Режим доступа [<http://twitter.com/chirkunov>], свободный.
- 28 Личный сайт О. Чиркунова. – Режим доступа [<http://chirkunov.me>], свободный.

Е.В. Барышев

- ²⁹ Независимое интернет-издание «ПолитПсков». – Режим доступа [<http://www.politpskov.ru>], свободный.
- ³⁰ Дмитрий Медведев в Твиттере. – Режим доступа [<http://twitter.com/#!/MedvedevRussia>], свободный.
- ³¹ Блог Д.А. Медведева. – Режим доступа [<http://blog-medvedev.livejournal.com/40126.html>], свободный.
- ³² *Татарников О.* Тенденции развития российского Интернета / Журнал Компьютер Пресс, Москва, 2008. – Режим доступа [<http://www.compress.ru/article.aspx?id=19565&iid=905>], свободный.

Л.В. Смехов

ЖАНР КРИЗИСНОЙ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ РИТОРИКИ КАК СРЕДСТВО ОБЪЕДИНЕНИЯ НАЦИИ

В статье рассматриваются функции кризисной американской президентской риторики. После трагических событий 11 сентября 2001 г. американцы находились в подавленном и растерянном состоянии – террористических актов такой силы и масштаба страна еще не знала. Президент США обратился к своему народу в конце того дня с речью, главной целью которой было объединить нацию, убедив ее в несокрушимости страны, в их защищенности и неотвратимом возмездии террористам. Данное выступление Президента США Джорджа У. Буша наглядно демонстрирует консолидирующую функцию кризисной президентской риторики.

Ключевые слова: президентская риторика, кризис, 9/11, речевое воздействие, риторическое президентство, обращение к нации, США, Джордж У. Буш.

Президентская риторика как часть риторики политической является ее особой ветвью и представляет собой, как правило, разновидность политического ритуала.

Президентская риторика – инструмент власти, который, помимо убеждения аудитории, выполняет ряд следующих функций:

1. Укрепление легитимности президентской власти (президент выступает, не выходя за рамки своего образа; он убедителен и легитимен в своих суждениях и действиях; являясь чиновником, он говорит так, как должен и может говорить только президент). Речь президента является способом легитимации собственной власти. Во всем государстве только президент имеет право говорить от имени нации.

2. Функция «втягивания» во власть (где под термином «власть» мы понимаем термин «круг ответственности»; в любом государстве

власть всегда рассредоточена и распределена между элитами; президент своей речью может включать в свою зону ответственности других представителей власти, перекладывая ответственность за какие-либо события на них).

3. Формирование образа президентской власти (осуществляется с помощью «народности» в словах, стиле, одежде, образе жизни).

4. Персонификация образа и личных качеств оратора.

Следует отметить, что президентство не всегда было публичным. В XIX в. американцы видели своих президентов, но не слышали их. На многих выборах того времени кандидаты в президенты произносили всего несколько слов в пользу своих интересов, иначе их могли обвинить в чрезмерной амбициозности и демагогии. В своем исследовании «Риторическое президентство» (“Rhetorical presidency”) Дж. Тулис пишет, что «риторическое президентство XIX в. представляет собой отход от конституционного президентства того времени, которое было заложено и определено еще отцами-основателями»¹. Он также пишет о том, что президенты могли бояться говорить напрямую с народом на политические темы, так как, например, Эндрю Джонсон был подвергнут процедуре импичмента после того, как совершил свой “speaking tour” по стране. Однако, помимо Джонсона, был в XIX в. по крайней мере еще один президент, который совершал такие же «туры», во время которых общался с народом на тему политики – Вильям МакКинли. С 1898 по 1901 г. он совершил несколько таких поездок, говоря на различные темы – от проблем внутренней экономической политики до вопросов, связанных с территорией Филиппин. МакКинли был убит в 1901 г. в Баффало после того, как он выступил перед пятидесятитысячной аудиторией на тему торговой политики. Но факт его усилий быть публичным не был рассмотрен в книге Тулиса.

Согласно другим исследованиям в XIX в. в США было, по крайней мере, восемь президентов, которые стали применять новые методы связи с общественностью: вместо того чтобы выступать с речами, они использовали газеты, руководство которых поддерживало идею оповещения читателей о позициях президента по тому или иному вопросу.

В XX в. с развитием технологий президенты США используют новые средства донесения своих соображений до народа. По мнению Тулиса, понятие «риторическое президентство» – феномен именно XX в. Оно «начало выделяться благодаря Т. Рузвельту, кристаллизовалось благодаря администрации Уилсона и институционализировалось Франклином Рузвельтом». Рузвельт и Уилсон были сторонниками риторического президентства, так как идея публичности, согласно их мнению, являлась прекрасным рито-

рическим инструментом для усиления власти с самого начала их президентства.

От уровня публичности напрямую зависит открытость принимаемых решений. Институт президентства США становится к 2000 г. не только публичным: от власти теперь требуют прозрачности в принятии решений. Закрытость в принятии решений вызывает недоверие.

Развитие СМИ наложило также определенный отпечаток на стиль президентской речи: так как большую часть аудитории теперь составляют телезрители и радиослушатели, президенту необходимо говорить с ними максимально просто и понятно, используя в своей речи элементы языка СМИ.

Так как политическая жизнь президента и его выступления подчиняются строгому протоколу, а президентская риторика является политическим ритуалом, она также подчинена строгим правилам – жанрам. Наиболее полным описанием жанров президентской риторики нам представляется труд «Presidents Creating the Presidency – Deeds Done in Words» американских исследователей К. Корс-Кэмпбелл и К. Джэймисон, к которому мы и будем обращаться в нашей статье при жанровом анализе президентской речи.

Для того чтобы наилучшим образом отобразить особенности жанра кризисной президентской риторики, мы рассмотрим их реализацию на материале одной из самых важных кризисных речей за время правления президента Джорджа Уокера Буша – обращения к нации 11 сентября 2001 г.

11 сентября 2001 г. в Соединенных Штатах Америки произошел ряд террористических актов, повлекших за собой гибель 2974 человек (не включая террористов), граждан США и еще 91 государства. Были захвачены четыре самолета, два из которых впоследствии врезались в здания Всемирного Торгового центра, один – в здание Пентагона, еще один упал в поле возле города Шенксвилл в Пенсильвании, так как пассажиры и члены экипажа самолета пытались перехватить управление самолетом у террористов. Произошедшие события вызвали широкомасштабный информационный хаос на всей территории США.

Вечером 11 сентября президент США Джордж Уокер Буш выступил на телевидении с обращением к гражданам страны. Так как произошедшее днем 11 сентября имело масштаб национальной трагедии, у нас есть основания предположить, что президент США обратился к своему народу с речью, соответствующей жанру национальной панихиды, или, как его называют исследователи американской президентской риторики К. Корс-Кэмпбелл и К. Джэймисон, «national eulogy». Дословно это словосочетание переводится как

«национальный панегирик», т. е., по сути, хвалебная речь. Но реальность такова, что панегирики произносятся и по поводу траура: эта практика была заимствована еще древними греками у египтян, предполагая произнесение панегирической речи известным человеком. Логично было бы утверждать, что «национальный панегирик» является разновидностью кризисной риторики. Несмотря на это, существуют теории, в которых кризисная риторика рассматривается отдельно от “national eulogy”. На наш взгляд, панихиды национального масштаба являются именно кризисными для страны и народа ситуациями, а произнесение президентом речи в жанре «национальный панегирик» представляет собой в определенной степени констатацию некоего трагического свершения, ставшего венцом кризисной ситуации. Таким образом, в данной статье мы будем рассматривать жанр “national eulogy” как жанр кризисной президентской риторики, к которому обратился президент США 11 сентября 2001 г.

Корс-Кэмпбелл и Джеймисон пишут, что, как и инаугурационная речь, национальный панегирик – это часть эпидейктического дискурса, в котором жизненно важным является надлежащее исполнение. Если данный риторический акт исполнен хорошо, то президент «накапливает резерв» риторического капитала, народного уважения и благодарности, что может впоследствии быть использовано им в качестве опоры для последующих инициатив: например законодательных или военных².

Рассмотрим обращение президента США Джорджа Уокера Буша к американскому народу вечером 11 сентября 2001 г. как произведение, созданное в жанре кризисной риторики. «Кризисная речь предполагает риторическую интерпретацию кризисной ситуации главой государства с целью присоединения населения страны к позиции руководителя страны»³. Американские исследователи К. Корс-Кэмпбелл и К. Джеймисон в своей работе «Presidents Creating the Presidency – Deeds Done in Words» пишут, что речь, относящаяся к жанру «национальный панегирик», имеет несколько ключевых моментов: в первую очередь, она должна демонстрировать, что потрясенная кризисным событием страна выдержала его, что государство не повержено и остается крепким и защищенным:

«Terrorist attacks can shake the foundations of our biggest buildings, but they cannot touch the foundation of America. These acts shatter steel, but they cannot dent the steel of American resolve»⁴.

[Террористические атаки могут сотрясти фундаменты наших самых больших зданий, но они никогда не смогут затронуть фундаментальные основы Америки. Эти атаки разбивают сталь вдребезги, но они не смогут оставить вмятин на стальной американской решимости.]

«Our financial institutions remain strong, and the American economy will be open for business as well».

[Наши финансовые институты остаются сильными, и американская экономика все также будет открыта для бизнеса, как и всегда.]

Затем президент с помощью кризисной риторики помогает гражданам постичь произошедшие события, излагая им свое, а значит и государственное видение того, что произошло, позволяя увидеть эти события в более широком свете. Одна из функций риторики – убеждение, и президент чаще всего прибегает именно к этой функции, замещая мнение аудитории своим мнением. Он интерпретирует реальность, формируя у аудитории необходимое представление о свершившемся:

«America was targeted for attack because we're the brightest beacon for freedom and opportunity in the world. And no one will keep that light from shining».

[Америка была выбрана как цель для атак, потому что мы – ярчайший маяк свободы и возможностей в мире. И этот свет никто не заставит погаснуть.]

Концепт «свобода» в современном американском понимании является одной из базовых и главных ценностей, поэтому Буш связывает произошедшее именно с тем, что Америка – «ярчайший маяк свободы». Таким образом он интерпретирует реальность и объединяет нацию, потому что для большинства американцев понятия «свобода» и «США» являются синонимичными.

Согласно рассматриваемому нами жанру, в своей речи глава государства должен объяснить, как и почему произошло данное событие, какое значение оно имеет для страны. В национальном панегирике утверждается мысль о том, что те, кто погиб, символизируют лучших сыновей нации, и они являются для нации примером. Это утверждение дает президенту право трансформировать символ разрушения в символ возрождения и обновления: с помощью этого риторического средства гражданам дается некая позитивная идея, которая поможет воодушевить нацию. Рассмотрим, как Буш использовал данные функции в своей речи 11 сентября 2001 г.:

«These acts of mass murder were intended to frighten our nation into chaos and retreat. But they have failed. Our country is strong. A great people has been moved to defend a great nation».

[Эти акты массового убийства были призваны повергнуть наш народ в хаос и бегство. Но они потерпели неудачу. Наша страна сильная. Великие люди вышли, чтобы защитить великую нацию.]

«Today, our nation saw evil, the very worst of human nature, and we responded with the best of America, with the daring of our rescue

workers, with the caring for strangers and neighbors who came to give blood and help in any way they could».

[Сегодня наш народ увидел зло, самое худшее в человеческой природе, и мы отреагировали лучшим, что есть у Америки: отвагой наших спасателей, заботой о незнакомых людях и соседях, которые пришли отдавать свою кровь и оказывать помощь настолько, насколько они могут.]

Разумеется, враг должен понести заслуженное возмездие. И глава государства должен убедить свой народ в том, что это возмездие состоится при любых условиях. Решительность ответных действий и их жесткость демонстрируются президентом в следующих словах:

«The search is underway for those who are behind these evil acts. I've directed the full resources for our intelligence and law enforcement communities to find those responsible and bring them to justice. We will make no distinction between the terrorists who committed these acts and those who harbor them».

[Ведутся поиски тех, кто стоит за этими актами зла. Я представил все ресурсы нашей разведке и правоохранительным органам, чтобы найти виновных и привлечь их к ответственности. Мы не будем делать различия между террористами, которые совершили эти акты, и теми, кто их укрывает.]

«This is a day when all Americans from every walk of life unite in our resolve for justice and peace. America has stood down enemies before, and we will do so this time».

[Это день, когда все американцы всех слоев общества объединяются в нашей решимости добиться правосудия и мира. Америка уже уничтожала врагов ранее, и сделает это и сейчас.]

Если не считать некоторые исключительные обстоятельства, во всех остальных случаях национальный некролог призван объяснить, каким образом президент и правительство убедят народ в том, что трагедия больше никогда не повторится. Концепт «мы» проходит через всю речь, объединяя народ и власть, всю нацию.

«Our first priority is to get help to those who have been injured and to take every precaution to protect our citizens at home and around the world from further attacks».

[Нашим главным приоритетом является оказание помощи тем, кто был ранен, и принятие всех мер предосторожности, чтобы защитить наших граждан дома и во всем мире от дальнейших атак.]

В рассматриваемом нами жанре президент еще и выступает как духовный отец нации, говоря языком, который более характерен для гомилетических речей проповедника. Обращение к цитатам из Библии или к религиозной теме в целом очень важно для аудитории, которая находится в состоянии стресса:

«Tonight I ask for your prayers for all those who grieve, for the children whose worlds have been shattered, for all whose sense of safety and security has been threatened. And I pray they will be comforted by a power greater than any of us spoken through the ages in Psalm 23: “Even though I walk through the valley of the shadow of death, I fear no evil, for You are with me”».

[Сегодня я прошу вас помолиться за всех тех, кто скорбит, за детей, чей мир был разбит вдребезги, за всех тех, чье ощущение безопасности и защищенности оказалось под угрозой. И я молюсь, чтобы они были утешены силой, более великой, чем любая из тех, о которой мы читаем уже в течение столетий в двадцать третьем Псалме: «Даже если иду долиной тьмы – не усташусь зла, ибо Ты со мной».]

Президент, произнося такого рода речь, «...имплицитно подразумевает, что он знает новую ситуацию лучше, чем кто-либо другой. Таким образом, политическое руководство персонализируется; курс национальной политики риторически концентрируется на решении одного человека»⁵.

Необходимо отметить, что произнесенная президентом Бушем речь 11 сентября 2001 г., скорее всего, ответила ожиданиям американского народа, так как популярность президента резко возросла: «Согласно последнему опросу, проведенному газетой Washington Post и агентством ABC News, 91% американцев поддерживают сегодня позицию президента Джорджа Буша по разрешению кризиса, сложившегося в стране после террористических актов 11 сентября. Они положительно оценили действия президента по руководству страной в этот трагический для всей нации момент и его желание дать “решительный ответ” виновным. Более того, как показал опрос, рейтинг президента Буша даже увеличился после трагических событий 11 сентября. 9 из 10 опрошенных американцев (86%) одобряют работу президента, а это на 31 позицию выше, чем показатели опроса Washington Post–ABC News от 8–9 сентября»⁶.

Таким образом, мы видим, что данная кризисная речь построена в соответствии с законами создания национального панегирика. Джордж Буш использовал все возможности жанра, интерпретировав произошедшее, воздав хвалу тем, кто оказывал помощь людям после теракта, показав решительность ответных действий. Но главное, что в сложившейся ситуации он сумел своей речью консолидировать нацию, произнеся именно те слова, которые ей были необходимы – и это являлось одной из главных (если не основной) целей речи в жанре президентской кризисной риторики.

Необходимо также отметить, что сразу после трагических событий 11 сентября администрация Буша объявила о необходимости

Л.В. Смехов

поимки Осамы Бен Ладена и других руководителей Аль-Каиды, чтобы они предстали перед американским правосудием как организаторы произошедших террористических актов. Таким образом, было объявлено о начале «Войны с терроризмом». Вместе с тем непосредственно после терактов периодически появлялась информация, которую озвучивали официальные представители правительства США, что к атакам мог быть причастен и Саддам Хусейн. Несмотря на то что данная информация так и осталась неподтвержденной, она сыграла значительную роль при формировании общественного мнения относительно вторжения в Ирак в 2003 г.

Примечания

- ¹ *Tulis J.K.* Rhetorical Presidency, Princeton University Press, 1988.
- ² *Cohrs-Campbell K., Jamieson K.* Presidents Creating the Presidency. – Deeds Done in Words. 2008. P. 75.
- ³ *Смоленкова В.В.* Риторика Сталина военного времени. Приказ № 70: <http://www.portal-slovo.ru/philology/37417.php>
- ⁴ *George W. Bush.* 9/11 Address to the Nation “A Great People Has Been Moved to Defend a Great Nation” 2001. <http://www.americanrhetoric.com/speeches/gwbush911addresstothetnation.htm>
- ⁵ *Тазмина А.Т.* Проблемы современной американской президентской риторики. Абакан, 2001.
- ⁶ Press-Обозрение «Рейтинг Буша резко вырос после терактов в США», 2001. <http://press.try.md/item.php?id=7990>

И.М. Шатин

МОНОЛОГ В СЕТИ: СОВМЕСТНОСТЬ
ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНИЦИАТИВАХ
РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ

В статье предпринимается попытка описания информационно-коммуникативных инициатив российской власти с позиций совместности, представленной в виде отношений между взаимодействующими субстанциями, такими как общество и власть. Основная задача – на основе анализа процесса общественного обсуждения закона «О полиции» на специально созданном портале, через применение коммуникативных моделей определить тип коммуникативных взаимоотношений между властью и обществом, с точки зрения их расположения на плоскости между социативностью и комитативностью. В результате размышлений и анализа материалов автор формулирует выводы о качественных характеристиках инициированного российской властью общественного обсуждения законопроектов.

Ключевые слова: власть, общество, коммуникация, Интернет, технологии.

«Исследования социально-политической сферы в XXI в., разделяясь и дифференцируясь на отдельные дисциплины, вплотную подошли к той стадии, когда особое внимание уделяется поиску унифицирующих принципов и законов»¹, – заявляет немецкий ученый Г. Хакен. Это стремление заставляет обращаться к принципам совместности как способу изучения сложных и самоорганизующихся социальных субстанций, таких как общество и власть в их коммуникативном взаимодействии.

Как утверждает философ и коммуникативист Ю. Хабермас, «задача современной мысли заключена в том, чтобы вычленил, как бы высветить их [коммуникативные аспекты] в реальной коммуникации людей, помогая современному человеку пестовать механизмы

согласия, консенсуса, убеждения, без которых не может быть нормального демократического процесса»². Это обстоятельство обуславливает интерес к изучению новых коммуникативных практик взаимодействия общества и власти.

Совместные субстанции предполагают три основных типа различных отношений: «субъект–субъект»; «субъект–объект»; «объект–объект». В соответствии с определением социативности как «равноправного» отношения между совместными субстанциями ее категория исключает тип отношений «субъект–объект», комитативность включает в себя все три типа. Наше внимание сосредоточено на анализе информационно-коммуникативных технологий, используемых российской властью в формировании медиапространства политической коммуникации российской власти и общества с позиций совместности.

Особо важным в этой связи представляется анализ практики общественного обсуждения законопроектов в Интернете. На основе анализа их потенциала, с точки зрения изменений в моделях политической коммуникации российского общества и власти, мы постараемся ответить на вопрос о том, является ли инициатива общественного обсуждения законопроектов в Интернете сознательной попыткой политической элиты изменить коммуникативные практики отношений с обществом и найти новые содержательные и равноправные формы коммуникативного взаимодействия или это всего лишь новая информационная оболочка для субъектно-объектной коммуникации?

По данным Всемирного экономического форума, Россия занимает 77-е место из 138 стран, участвующих в рейтинге информатизации. Лидерами являются Швеция и Сингапур³. Россию нельзя причислить к странам, готовым к активному внедрению современных информационных технологий в область политики. Однако политическая элита придает немалое значение использованию информационных технологий.

Президент Д. Медведев регулярно общается с гражданами посредством видеоблога и «Твиттера». В ходе пресс-конференции в Сколково президент заявил: «Нужно стремиться к тому, чтобы в повседневной жизни использовались [информационные] технологии, чтобы легко было получить свидетельство о праве собственности, зарегистрировать необходимые документы, договоры, – для того чтобы общение с бюрократическими инстанциями проходило... через компьютер, через айпад»⁴.

Публичное обсуждение законопроектов в Интернете – не первая инициатива политической элиты в области современных коммуникаций. Однако, учитывая вызванный проектом сравнительно

высокий общественный резонанс, он наиболее интересен с точки зрения анализа типов и схем коммуникативного взаимодействия власти и общества.

В августе 2010 г., на совещании по реформе МВД, президент анонсировал создание специального сайта – zakonproekt2010.ru, – заявив, что «законопроект, затрагивающий интересы каждого гражданина, выносится на широкое обсуждение впервые»⁵. Отдельно подчеркивалась важность обсуждения закона в Интернете наряду с традиционной дискуссией⁶. В заявлении президента указывалось также, что эта практика будет закрепляться и воспроизводиться в дальнейшем⁷.

9 февраля 2011 г. президент подписал указ «Об общественном обсуждении проектов федеральных законов». Согласно тексту указа проекты федеральных законов, затрагивающие основные направления государственной политики в области социально-экономического развития страны, по решению президента могут быть вынесены на общественное обсуждение⁸.

Ответственность за процесс обсуждения возлагается на государственные органы, разработавшие законопроект. Указ обязывает их «размещать в сети Интернет на своих официальных или специально созданных сайтах тексты законопроекта, пояснительной записки и финансово-экономического обоснования к нему, а также информацию о порядке направления гражданами на соответствующий сайт замечаний и предложений по законопроекту с указанием времени, в течение которого будет проводиться его общественное обсуждение»⁹.

Контроль за ходом дискуссии и ответственность за обеспечение граждан «возможностью ознакомиться с поступившими на соответствующий сайт замечаниями и предложениями по законопроекту»¹⁰ также ложатся на министерства и ведомства, отвечающие за разработку законопроекта.

«По истечении 90 дней со дня завершения общественного обсуждения законопроекта представлять Президенту Российской Федерации доклад о результатах его обсуждения»¹¹. Этот пункт призван усилить внимание разработчиков к результатам общественного обсуждения. Однако на практике, как видно из общественного обсуждения закона «О полиции», результатом становится, по сути, сведенные после процедуры обсуждения воедино главы и пункты законопроекта и анализ хода дискуссии.

Интересно, что в указе не упоминается о созданной площадке для обсуждения законопроектов (в том числе закона «О полиции»). Это позволяет предположить, что прописанная в указе схема может претерпевать изменения, а его цель – законодательно

И.М. Шатин

закрепить ответственность чиновников за процесс обсуждения законов.

Анализ структуры и материалов сайта «zakonoproekt2010» (сегодня домен «zakonoproekt2011») позволяет рассматривать процесс обсуждения как форму коммуникативного взаимодействия общества и власти.

Предусмотрено, что тексты законопроектов выкладываются в открытый доступ на сайте. Для участия в обсуждении необходимо пройти процедуру регистрации (возможность отказа в регистрации допускается только в том случае, если имя или прозвище содержат нецензурные выражения). Участникам предлагается высказывать «конкретные замечания и предложения к отдельным статьям, частям статей, а также к главам законопроекта и документу в целом»¹².

В августе 2010 г. участники получили возможность голосовать за понравившиеся комментарии. Однако правила умалчивают об этой возможности и не дают гарантий, что набравший большинство голосов комментарий будет учтен. Чуть подробнее на их роли в процессе обсуждения мы остановимся ниже.

Инициатива общественного обсуждения законов на специально созданном портале вызвала значительный интерес при запуске проекта, однако впоследствии он значительно снизился. Для сравнения: обсуждение законопроекта «О полиции» вызвало 20 915 откликов, а законопроекта «Об образовании» – вдвое меньше, 10 912. При этом второй законопроект обсуждался дольше (сроки обсуждения были продлены из-за общественного недовольства результатами дискуссии)¹³. Итоги публичной дискуссии по законопроекту «Об образовании» так и не были представлены на сайте.

Узнать статистику посещаемости сайта «zakonoproekt2011.ru» не представляется возможным, на нем не размещены счетчики посещаемости, а общедоступные сервисы, предоставляющие информацию о посещаемости сайтов, сообщают о невозможности доступа к статистике. Единственным источником данных является аналитический доклад, составленный по результатам обсуждения закона «О полиции». В нем утверждается, что «в обсуждении законопроекта приняли участие не менее 16 тысяч человек, а число выраженных мнений (комментарии и голоса за них) превысило 40 тысяч»¹⁴. Авторы доклада в своих выводах отталкиваются от *количества голосов, отданных за комментарии*. Очевидно, что такой способ оценки посещаемости ресурса вызывает массу вопросов. Невозможно узнать, проводился ли модераторами ресурса учет и последующий анализ социального и экономического статуса респондентов, их образовательного уровня, а также того, сколько времени пользователи проводили на сайте, из каких регионов чаще

фиксируются обращения к сайту. Сообщалось ли президенту о статистике посещений, которая, несомненно, является важным показателем заинтересованности граждан в данной инициативе? Однако об этом ни разу не упоминалось ни в заявлениях президента, ни в итоговом аналитическом докладе.

Примечательно то, кого президент назначил ответственными за процедуру обсуждения закона «О полиции». В их числе были названы «организационный комитет по подготовке проекта закона и экспертный совет МВД по вопросам нормотворчества, а также Администрация президента...»¹⁵. Это обстоятельство позволяет предположить, что общественное обсуждение законопроекта «О полиции» имело своей главной целью формирование лояльности граждан, основанной на законодательных изменениях в социально значимой сфере, принятых в популярной форме.

Возможность отслеживать процесс дискуссии имели и представители общественности, как следует из заявления члена Общественной палаты адвоката А. Кучерены: «Поток обращений, который поступает, достаточно велик. Мы вроде нашли форму, спасибо руководству Министерства внутренних дел, они к этому вопросу подключили даже научно-исследовательский институт»¹⁶. Однако основной процесс анализа и обработки результатов общественной дискуссии контролировался МВД.

Еще одним обстоятельством, указывающим на субъектно-объектную коммуникативную направленность инициативы, выглядят заданные рамки дискуссии, не предполагающие обсуждения необходимости закона как такового, а также его смысловых проблемных зон. По словам Д. Медведева, дискуссия «должна быть не общей, а абсолютно конкретной, посвященной отдельным разделам, главам, параграфам и соответствующим статьям закона...»¹⁷. Это пожелание отражено в упомянутом выше пункте правил обсуждения. Подобный формат налагает существенные ограничения на процесс общественного участия в дискуссии. Большое значение придано самому факту обсуждения, исключая возможность ведения проблемной дискуссии, затрагивающей базовые принципы Закона, широту его юрисдикции, а также его положения в общей иерархии нормативно-правовых документов. Неслучайно важнейшим замечанием экспертов, следивших за ходом реформы МВД, стали упреки в отсутствии концептуальной полноты и завершенности законопроекта¹⁸.

«Непрозрачность и закрытость процесса учета поступивших предложений»¹⁹ отражается в том, что правилами обсуждения не были описаны и установлены принципы, на основе которых предложения граждан учитывались в окончательном варианте законопроекта.

Обозначенные характеристики процесса общественного обсуждения указывают на то, что новые средства коммуникации, предложенные властью, направлены не на реальное включение общества в качестве равноправного субъекта во взаимодействие в процессе решения важнейших социальных вопросов, а на легитимацию собственных инициатив власти путем ведения декоративной дискуссии.

Несмотря на декларируемую попытку прямого обмена информацией между обществом и политическими элитами, коммуникативная схема общественного обсуждения представляет собой картину классической линейной или циклической моделей коммуникации, описанных Г. Лассуэлом и К. Шенноном и У. Уивером, иначе говоря, «субъектно-объектный» тип связи.

С точки зрения циклической модели, президент, выступающий с инициативой общественного обсуждения законопроектов в Интернете, является коммуникатором, отправляющим сообщение через определенный канал. Граждане – представители различных социальных групп и слоев (выступают в роли реципиента) – декодируют сообщение, в результате чего производится некий эффект, провоцирующий дальнейшую коммуникацию. Важную роль здесь играет «шумовой эффект», рассматриваемый в коммуникативных моделях Шеннона–Уивера.

Источником сообщения здесь также выступают участники общественной дискуссии на сайте, в роли передатчика – модераторы сайта, которые пропускают комментарий на сайте в публичное пространство, каналом коммуникации является портал «Общественное обсуждение законопроектов». Модераторы, образующие первый «шумовой барьер», отсекают те сообщения, которые по какой-то причине не должны стать публичными, контролируя процесс их появления в открытом доступе. Второй «шумовой барьер» – это аналитики, готовящие отчет о результатах обсуждения, представляемый президенту и общественности. В их юрисдикции находятся анализ и выделение ключевых точек общественного внимания, возникших в ходе обсуждения. В конечном итоге контекст дальнейшего обсуждения законопроекта зависит от них.

Примечательно, что под действие обоих «шумовых барьеров» попадают не только участники, которые лишены возможности вести прямой диалог между собой и выражать напрямую свое мнение, поскольку любое сообщение проходит премодерацию и может быть отфильтровано, но также и президент с его инициативой и заинтересованностью в итогах общественного обсуждения. Хотя президент и имеет возможность непосредственно направлять сообщения, предназначенные для общества, получаемая им информация обратного отклика проходит через два барьера.

Это позволяет сделать вывод о том, что в рамках процесса обсуждения законопроекта в Интернете предлагается не диалоговая модель коммуникации, связующая равноправных субъектов коммуникации (соответствующая логике Интернета как интерактивной информационно-коммуникативной технологии), а вещательная модель, где тип связи скорее можно описать как «субъектно-объектный».

Общественное обсуждение законопроектов в Интернете как коммуникативная инициатива политической власти представляет собой попытку заполнить коммуникативную пустоту между собой и обществом неким дискурсом, роль которого берет на себя даже не сам законопроект, а факт его обсуждения на сайте. В данном случае перед элитой стоит задача, заключающаяся не в том, чтобы предложить обществу равноправную дискуссию по поводу качества и реальной эффективности готовящегося закона, а в том, чтобы привлечь общественное внимание к собственной инициативе, создав видимость учета общественного мнения.

Учитывая все вышесказанное, в качестве целей данного коммуникативного проекта можно выделить:

- популяризацию инициатив власти в русле проведения необходимых реформ;
- попытку формирования лояльности среди граждан, необходимой для законодательных изменений в значимых социальных областях (структуры охраны правопорядка).

К числу задач данного проекта можно отнести:

- попытку выяснения общественного мнения о проекте и влияния на него;
- создание видимости интереса к законотворческой инициативе власти и учета мнений граждан (т. е. легитимация политических решений).

Иными словами, вынося проект закона «О полиции» на публичное обсуждение, Д. Медведев решал задачи, связанные с подготовкой «почвы» для продвижения законопроектов в важных социальных областях.

Анализ моделей и практик коммуникации, используемых политической властью с позиций совместности, а также оценка существующих форм взаимодействия между обществом и властью в медиапространстве российской политики позволяют сделать вывод о том, что, несмотря на внешние попытки демократизации коммуникативных практик и связей, последние сохраняют свой «субъектно-объектный», вещательный характер. Если анализировать действие информации на политическую систему, то, согласно подходу Г. Хакена, «смысл сигналу можно приписать только в том

И.М. Шатин

случае, если мы примем во внимание отклик того, кто принял сигнал»²⁰.

Из проанализированной нами практики общественного обсуждения законопроектов в Интернете видно, что отклики граждан по поводу законопроекта не привели к конструктивному и равноправному диалогу, что позволяет говорить о преобладании линейной коммуникации с сохраняющейся «субъектно-объектной» спецификой.

Примечания

- ¹ *Хакен Г.* Информация и самоорганизация: Макроскопический подход к сложным явлениям / Пер. Ю.А. Данилова. М.: Мир, 1991. С. 59.
- ² *Habermas J.* The Theory of Communicative Action / Transl. by Th. McCarthy. Boston: Beacon Press, 1984.
- ³ См.: *Тарасевич Г.* Научная карта: Кто готов к цифровому будущему? // Русский репортер. 2011. № 19 (197). С. 43.
- ⁴ Высокие технологии должны облегчить жизнь россиянам, считает Медведев [Электрон. ресурс] // Лента новостей, РИА Новости. URL: <http://ria.ru/technology/20110518/376359423.html> (дата обращения: 18.05.2011).
- ⁵ Проект закона о работе МВД будет обнародован для обсуждения [Электрон. ресурс] // Президент России. URL: <http://президент.рф/news/8587> (дата обращения: 20.06.2011).
- ⁶ Президент России Дмитрий Медведев о проекте Федерального закона «О полиции» [Электрон. ресурс] // Общественное обсуждение законопроектов, 6 августа 2010. URL: <http://zakonoproekt2011.ru/#item/1> (дата обращения: 20.07.2011).
- ⁷ Президент России Дмитрий Медведев о проекте Федерального закона «О полиции» [Электрон. ресурс] // Общественное обсуждение законопроектов. URL: <http://zakonoproekt2011.ru/#item/1> (дата обращения: 06.08.2011).
- ⁸ Подписан Указ об общественном обсуждении проектов Федеральных законов [Электрон. ресурс] // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/acts/10288> (дата обращения: 09.02.2011).
- ⁹ Указ об общественном обсуждении проектов федеральных законов [Электрон. ресурс] // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/acts/10288> (дата обращения: 09.02.2011).
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же.
- ¹² См.: Некоторые замечания, рекомендации и правила общественного обсуждения проектов федеральных законов [Электрон. ресурс] // Общественное обсуж-

- дение законопроектов. URL: <http://zakonoproekt2011.ru/rules> (дата обращения: 09.02.2011).
- ¹³ См.: Правительство хочет продлить публичное обсуждение закона об образовании [Электрон. ресурс] // Новости мира образования. URL: <http://www.eduhelp.info/page/pravitelstvo-hochet-prodlit-publichnoe-obsuzhdenie-zakona-ob-obrazovanii> (дата обращения: 22.06.2011).
- ¹⁴ Аналитический доклад по результатам обсуждения Федерального закона «О полиции» [Электрон. ресурс] // Общественное обсуждение законопроектов. URL: <http://zakonoproekt2011.ru/#doc/police/10> (дата обращения: 09.07.2011).
- ¹⁵ Президент России Дмитрий Медведев о проекте Федерального закона «О полиции» [Электрон. ресурс] // Общественное обсуждение законопроектов. URL: <http://zakonoproekt2011.ru/#item/1> (дата обращения: 06.08.2011).
- ¹⁶ Слушания по проекту Федерального закона «О полиции» в Общественной палате Российской Федерации [Электрон. ресурс] // Общественное обсуждение законопроектов. URL: <http://zakonoproekt2011.ru/#doc/police/> (дата обращения: 8.08.2011).
- ¹⁷ Президент России Дмитрий Медведев о проекте Федерального закона «О полиции» [Электрон. ресурс] // Общественное обсуждение законопроектов. URL: <http://zakonoproekt2011.ru/#item/1> (дата обращения: 06.08.2011).
- ¹⁸ См.: Заявление Рабочей группы правозащитных организаций по реформе МВД: закон «О полиции» не отвечает интересам общества [Электрон. ресурс] // Общественный вердикт. URL: <http://www.publicverdict.org/topics/police/9026.html> (дата обращения: 07.03.2011).
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ *Хакен. Г.* Указ. соч. С. 86.

А.В. Белинский

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЗИТИВНОГО ИМИДЖА СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИКА

В период, когда выборы стали нормой политического процесса большинства стран мира, политиков всех уровней заботит их облик в глазах потенциальных избирателей. Особенно острой проблема создания привлекательного имиджа политика становится в момент кризиса традиционной парламентской демократии, когда партийные программы и лозунги не оказывают нужного воздействия на избирателя. В этих условиях все большее значение приобретает личность политика, точнее его имидж, который создается с помощью привлечения средств массовой информации (периодическая печать, телевидение, Интернет), политтехнологов, имиджмейкеров. На примере избирательной кампании в бундестаг 1998 г. мы постарались рассмотреть вопрос о том, как с помощью средств массовой информации создать положительный образ современного политика.

Ключевые слова: политический имидж, избирательные технологии, выборы.

Вопрос о том, каким должен быть политик, чтобы пользоваться уважением и любовью сограждан, возник не сегодня и не вчера. Аристотель в «Политии», Макиавелли в «Государе» и многие другие мыслители, так или иначе, обращались к проблеме создания положительного имиджа государственного деятеля. Приход на смену монархическим и диктаторским режимам парламентских демократий, массовых политических партий и движений, казалось бы, если и не поставил под сомнение роль личности в истории, то уж точно отодвинул ее на задний план.

Но с середины 1980-х годов многие исследователи стали отмечать кризис традиционной парламентской демократии. С утверж-

дением после Второй мировой войны типа рыночного социально ориентированного государства ушли в прошлое ожесточенные политические дискуссии о путях развития государства. Прежние противостояния между «консерваторами», «либералами» и «социалистами» теряют свою актуальность. Следствием этого становится размывание партийной идентификации у избирателей. И если старшее поколение сохраняет верность традициям, голосуя за одну и ту же партию, то молодежи, особенно тем, кому предстоит в первый раз прийти на избирательный участок, довольно сложно выбрать между ХДС и СДПГ. В таких условиях традиционная партийная пропаганда слабо воздействует на людей. Выходом из данной ситуации становится смещение акцентов с партии на личность кандидата, его политический имидж. А в совокупности с широким применением в ходе выборов СМИ это и приводит к «американизации» политического процесса.

Персонализация политического процесса заставляет и кандидата, и политтехнологов, работающих в предвыборном штабе, искать новые технологии для создания эффективного имиджа.

В последнее время и в западной, и в отечественной политологии появилось немало работ, посвященных политической имиджелогии. Однако они, как правило, затрагивают теоретические аспекты формирования имиджа, что, конечно же, не умаляет их достоинств. Основная цель данной статьи – рассмотреть на примере выборов в бундестаг 1998 г. ключевые аспекты формирования имиджа современного политика. Для достижения поставленной цели необходимо:

- выявить факторы как социально-экономического, так и политического характера, оказавшие решающее влияние на формирование политического имиджа кандидатов на пост канцлера;
- изучить способы и приемы формирования имиджа политического лидера, выявить особенности их применения;
- определить характер и роль СМИ в процессе создания политического имиджа.

Предметом исследования стали имиджи Г. Коля и Г. Шредера во время выборов в бундестаг 1998 г. Наш выбор объясняется двумя факторами. Во-первых, согласно проведенному Алленбахским институтом демоскопии исследованию степень персонификации (упоминаний о кандидатах на пост канцлера, цитируемость их в прессе) является одной из самых высоких. Во-вторых, личности самих кандидатов. И Шредер и Коль согласно социологическим опросам были самыми популярными политиками в стране. Таким образом, хронологически исследование охватывает период с февраля по 27 октября 1998 г. Нижняя рамка границ определяется

А.В. Белинский

началом предвыборной кампании, верхняя – самими выборами в бундестаг.

В качестве основного источника исследования была использована общенациональная пресса, которая представляет основной спектр политических сил ФРГ: «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг» (ХДС), «Ди Вельт» (ХДС), «Бильд» (ХДС), «Шпигель» (леволиберальный журнал, близок к СДПГ), «Франкфуртер Рундschau» (СДПГ), «Зюддойче Цайтунг» (СДПГ).

С самого начала предвыборной кампании обе партии сделали ставку на «раскручивание» своих кандидатов в СМИ. Это отчетливо видно из табл. 1, в которой суммируется количество упоминаний о Коле и Шредере во время предвыборной кампании¹.

Таблица 1

Оценка личности кандидатов на пост канцлера во время избирательной кампании 1998 г. в средствах массовой информации

Источники	Г. Коль			Г. Шредер		
	Личность	Полит. деятельность	Всего	Личность	Полит. деятельность	Всего
Межрегиональные ежедневные газеты	775	630	1405	763	353	918
Восточно-германские региональные газеты	218	185	403	150	97	247
Еженедельники	394	141	527	292	56	348
Всего	1387	948	2335	1205	506	1454

Однако стратегия и тактика (и соответственно действия СМИ) значительно отличались друг от друга. Основой предвыборной кампании Г. Коля послужила так называемая стратегия баланса достижений. Для нее характерно постоянное подчеркивание реальных и мнимых достижений. Такую стратегию часто используют политики, находящиеся у власти. В центре внимания прессы, сочувствующей правым консерваторам, была апелляция к прошлым успехам, в первую очередь к объединению Германии. Так, «Ди Вельт» часто именовала Г. Коля «канцлером единства», постоянно подчеркивая его заслуги в деле объединения Германии. «Он (Г. Коль. – А.Б.) постоянно брал на себя ответственности больше, чем нужно, делал

все время больше, чем он был должен. Тот, кто собирается писать о нем, должен сначала побольше узнать о нем»². «Франкфуртер Альгемайне»: «Объединение Германии, экономическая стабильность, усиление позиций как в Европе, так и в мире. Все это результат многолетней деятельности Коля на посту канцлера»³. Как видно из вышеприведенных статей, консервативно настроенная пресса пыталась связать внутренние и внешнеполитические успехи ФРГ с личностью канцлера. Фактически Г. Коль продолжил играть роль «канцлера единства», олицетворяющего собой стабильность и единство общества. Тем самым читателей подводили к выводу об отсутствии необходимости политических перемен.

Подобная тактика была уже успешно опробована в 1994 г. и принесла тогда «черно-желтой» коалиции победу на выборах в бундестаг. Однако в 1998 г. ни на западе, ни на востоке страны уже не ощущалась эйфория от объединения. Экономические трудности, связанные с переходом «новых» земель на путь капиталистического развития, необходимость вложения огромных средств в хозяйство Восточной Германии вызвали у граждан разочарование в политике Христианско-демократического союза и его лидера. Авторитетный журнал «Шпигель» с нескрываемой тревогой писал еще в 1995 г.: «Лишь 19% считают социализм “обреченной на гибель системой”, 15% все еще желают возвращения ГДР. А большинство полагают, что во времена ГДР с обеспечением жильем, медициной и школами дело обстояло лучше, чем сейчас»⁴.

За неимением новых успехов во внутренней политике и Коль, и поддерживающая его пресса продолжали апеллировать к старым победам, не предлагая избирателям новых идей. Возможным вариантом в этой ситуации было бы переключение внимания избирателей на внешнеполитические успехи Коля, в частности на укрепление позиций Германии в Евросоюзе. Однако, как показывает анализ прессы, этой теме не уделялось должного внимания.

Второй линией, по которой выстраивался имидж Г. Коля, было обращение к его личным качествам. Как уже было сказано выше, за период с февраля по сентябрь 1998 г. вопрос о личных качествах Коля затрагивался в общенациональной прессе 775 раз. Такая частота упоминаний была отнюдь не случайной. Во-первых, при персонализации предвыборной кампании обращение к личности кандидата становится необходимостью, во-вторых, накануне выборов не только независимые эксперты, но и члены партии заговорили о том, что Коль устал от бремени власти и не может больше быть кандидатом на пост федерального канцлера. Поэтому среди личностных качеств основное внимание уделялось лидерству, способности руководить (около 67% всех сообщений в прессе о качествах Коля). Поскольку наше исследо-

вание ограничено рамками статьи, мы приведем лишь несколько примеров того, как в прессе рассматривался вопрос о лидерских качествах кандидата от ХДС. Так, «Ди Вельт» в статье от 24 марта 1998 г. «Коль призывает союз к борьбе» так описывает съезд христианских демократов, посвященный грядущим выборам: «Шеф фракции ХДС Хайнер Гайсслер в интервью “Штерн” заявил: “Коль должен посоветоваться сам с собой. Все находится в его руках” <...>. Коль попросил своего конкурента занимать ясные предметно-политические позиции в предвыборной кампании: «Наш вопрос будет таков: “Господин Шредер, за что Вы выступаете, чего Вы хотите конкретно?”»⁵.

Из вышеприведенного отрывка можно с определенной долей уверенности сделать два вывода. Во-первых, подчеркивается тот факт, что у председателя партии все еще сохраняются лидерские качества («Все находится в его руках»), во-вторых, присутствует наступательная стратегия, которая проявилась в попытках посредством ряда риторических вопросов подчеркнуть неуверенность, некомпетентность оппонента.

Своего пика эта линия достигла в феврале-марте 1998 г., когда в симпатизирующей Колю прессе было зафиксировано около 185 упоминаний личностных качеств канцлера.

При этом усилилась эмоциональная составляющая сообщений в печати. Основной темой сообщений стало сравнение характеров обоих претендентов на пост федерального канцлера. Как и прежде, «Ди Вельт», «Франкфуртер Альгемайне», «Бильд» подчеркивали харизматичность, опытность Коля. Но при этом положительные качества канцлера соседствовали с отрицательными чертами Шредера: отсутствие четкой политической программы, популизм и т. д.⁶

Не успев начаться, кампания в печати тут же заглохла. Начиная с апреля 1998 г. в консервативной прессе стали появляться статьи под следующими заголовками: «Надежда на чудо», «О проклятии и восхвалении “шредеризации”». Ниже мы приводим отрывок из последней статьи: «В пятницу этим вечером в Бохуме, в самом сердце социал-демократии, партия примет его (Шредера. – А.Б.) в свои объятия. Огромные портреты улыбающегося Шредера с надписью “Я готов”, тысячи людей, скандирующих “Коль должен уйти”. Триумф СДПГ и лично Шредера»⁷. Фактически это было признание провала предвыборной кампании Коля.

Сложно сказать, что послужило причиной этого провала. Если говорить о самой тактике и стратегии, то и предвыборный штаб Коля, и пресса, поддерживающая ХДС/ХСС, отказались от выдвижения каких-либо новых идей, которые могли бы привлечь внимание избирателей. Фактически они переоценили популярность канцлера и его успехи, за что, собственно, и поплатились в сентябре 1998 г.

Гораздо больший интерес для политологов и имиджмейкеров представляет предвыборная кампания Герхарда Шредера. Берлинская «Тагесшпигель» точно подметила сущность его предвыборной кампании. «Никто не знает, по каким правилам Шредер делает политику и с какими партнерами он будет играть; он сам, скорее всего, не знает этого, но он владеет правилами игры средств массовой информации»⁸. Как отмечают специалисты, предвыборную кампанию Герхарда Шредера и СДПГ можно отнести к образцовым. Как и ХДС/ХСС, социал-демократы делали ставку не на социально-экономическую программу партии, мало отличавшуюся от идей их оппонентов, а на личность своего кандидата.

В отличие от Гельмута Коля Шредер практически не использовал «стратегию баланса успехов». По всей видимости, это было связано с двумя обстоятельствами. Во-первых, Шредер до своего канцлерства никогда не занимал постов общенационального масштаба. До 1998 г. он являлся министром-президентом федеральной земли Нижняя Саксония. Во-вторых, успехи Шредера на этом посту были достаточно скромны, чтобы стать основным козырем в предвыборной гонке. Наше предположение прямо подтверждается данными из табл. 1. Количество упоминаний о политической деятельности Шредера в СМИ составило 506 против 948 у Г. Коля.

Вместо этого упор был сделан на личные качества кандидата от СДПГ в прессе. Анализ прессы, симпатизирующей левоцентристским партиям («Шпигель», «Тагесшпигель», «Зюддойче Цайтунг», «Франкфуртер Рундшау», «Ди Вельт»), показал следующие результаты (см. табл. 2).

Таблица 2

Оценки личности Г. Шредера в период предвыборной кампании 1998 г. в общенациональной прессе (количество упоминаний)

Тематическая область	Положительные	Отрицательные	Нейтральные
Лидерские качества	41	24	26
Соответствие должности	39	25	19
Уверенность в себе	67	28	29
Оптимизм	45	20	26
Искренность	43	34	32
Всего	386	171	206

Как видно из приведенных в табл. 2 данных, количество положительных и нейтральных сообщений о личности Шредера значительно преобладает над негативными. Это во многом было связано с тем, как преподносился образ кандидата от СДПГ в печати. Здесь нужно сделать одно важное замечание. Сам Шредер в период предвыборной кампании часто давал интервью различным печатным изданиям и тем самым имел возможность влиять на создание своего имиджа.

Собственно, этот имидж можно условно разделить на несколько составляющих.

«Человек из народа», понимающий нужды простых людей. Биография Шредера как нельзя лучше подходила для этого. Сын рабочего, погибшего на фронте в 1944 г., в 14-летнем возрасте работал помощником продавца, затем строителем. Все эти факты очень удачно обыгрывались в прессе.

«Последний шанс» («Шпигель». 23.03.1998): «На пути к успеху Шредеру пришлось преодолеть много трудностей. Родившись в бедной семье, он достаточно рано познал, что такое нужда и труд»⁹.

Шредер в интервью тому же «Шпигелю» постоянно подчеркивал, что ему, как и простым гражданам, не чужды такие качества, как порядочность, искренность, открытость.

– Господин министр-президент, над трибуной, на которой Вы выступали, было написано «Это тоже человеческое». Является ли занятие политикой, в том виде, в котором Вы ей занимаетесь, жестоким.

– Я бы так не сказал. Я полагаю, что политика принципиально мало чем отличается от других профессий. В этом плане я являюсь таким же работником, который стремится максимально хорошо справляться со своими обязанностями.

– Начиная со времени Вашего членства в молодежной организации СДПГ ходят толки, что Вы беззастенчиво используете людей, а затем, когда они становятся не нужны, избавляетесь от них.

– Меня постоянно пытаются представить человеком, который идет по трупам. Однако за моей спиной нет ни одного.

– Недавно Вы в своем выступлении сказали, что человек не должен забывать о том, откуда он родом. Что делаете Вы, чтобы подтвердить свое происхождение? Поддерживаете ли вы контакты со старыми коллегами из хозяйственных магазинов в Лемго и Геттингене?

– В первую очередь, я стараюсь поддерживать связь со своей матерью и сестрами. Я вижу их, наверное, два раза в год, не больше. Когда я посещаю свою деревню, я могу сыграть в скат или даже в футбол со старыми знакомыми¹⁰.

Отрывок из интервью Шредера наглядно показывает, как посредством заранее подготовленных вопросов и ответов создается образ простого политика, близкого народу, лишённого начисто признаков интриганства и высокомерия.

Второй составляющей имиджа Шредера было подчеркивание его волевых качеств, которые должны доказать его соответствие посту федерального канцлера.

«На посту главы правительства Шредер зарекомендовал себя решительным руководителем, не боящимся брать на себя ответственность постоянно» («Зюддойче Цайтунг»)»¹¹.

«У Шредера совершенно нет никакого страха перед своим оппонентом» «Тагесшпигель»¹².

«Кандидат от социал-демократов уверен в своих силах и согласно социологическим опросам обгоняет своего оппонента на 11%» «Зюддойче цайтунг»¹³.

Дабы подчеркнуть это превосходство Шредера над Колем, журналисты часто печатали их фотографии: улыбающийся, излучающий силу и энергию Герхард Шредер явно больше импонировал избирателям, чем постаревший, осунувшийся Коля.

Неменьший интерес представляла для исследователей и следующая составляющая имиджа Г. Шредера. Очень часто в газетных публикациях можно было встретить такие семантические ряды: «Шредер – перемены», «Шредер – реформы», «СДПГ – политика “новой середины”», «Шредер – модернизация». Журнал «Штерн» очень хорошо уловил сущность этой стратегии: «Люди хотят видеть новые лица». Действительно, к 1998 г. большинство жителей просто устали от 16-летнего правления ХДС/ХСС и Г. Коля. А Шредер олицетворял грядущие перемены в стране.

Комбинированная стратегия, учет настроений различных слоев населения и грубые просчеты соперника не замедлили сказаться на результатах выборов. К началу сентября 1998 г. рейтинг Г. Шредера составлял около 50%, рейтинг Г. Коля – 31%. Выборы, состоявшиеся 29 сентября 1998 г., принесли уверенную победу СДПГ и «Зеленым» над христианскими демократами. Эти выборы показали, как персонализация предвыборной кампании и грамотная стратегия в СМИ могут повлиять на исход выборов. Фактически кампания 1998 г. дала толчок к дальнейшему усилению роли личности кандидата на пост федерального канцлера в предвыборной гонке и разработке новых PR-стратегий в СМИ.

Какие выводы можно сделать из этого сравнения избирательных кампаний Г. Шредера и Г. Коля? Одним из важнейших условий создания положительного имиджа в глазах избирателя является его соответствие сложившейся на тот момент обста-

новке. Образ консервативного патриархального канцлера, каким тогда и являлся Г. Коль, вряд ли мог быть приемлемым для избирателей. И напротив, молодой динамичный политик, выступающий за дальнейшие перемены и модернизацию страны, каким был представлен в СМИ Г. Шредер, сумел завоевать доверие многих немцев. Согласно социологическим опросам за кандидата от СДПГ готовы были проголосовать 52% опрошенных, за его оппонента – лишь 30%.

Что касается методики формирования имиджа, то и здесь Шредер превзошел Коля по многим показателям. Председатель ХДС ограничивался критикой своего соперника, что, конечно, было достаточно слабым аргументом в глазах общественности и СМИ. Шредер же, напротив, стремился сосредоточить внимание на позитивных моментах своей программы модернизации. «Он прекрасно знает о том, что в груди у гражданина две души: надежда на смену политической партии и страх перед переменами», – отмечала «Ди Цайт». Знание психологии обывателя, умение сыграть на его чувствительных струнах, предстать человеком, разделяющим нужды простых сограждан, делало фигуру Шредера весьма популярной в обществе. Большую роль в становлении имиджа реформатора сыграла пресса, с которой кандидат СДПГ находился в тесном контакте. Нельзя сказать, что Коль и ХДС игнорировали работу со СМИ, однако Шредер делал это гораздо активнее, постоянно раздавая интервью, приглашая нужных журналистов на конференции и партийные собрания. В итоге это и принесло ему победу.

Примечания

- ¹ См.: *Майн Г.* Средства массовой информации Федеративной Республики Германия. Констанц: УВК, 2004. С. 34.
- ² *Klingemann H.-D., Kaase M. (Hg.)*. Wahlen und Wähler: Analysen aus Anlass der Bundestagswahl 1998. Wiesbaden. Westdeutscher Verlag, 2001.
- ³ Was der Wahlkampf bewirkt hat: Anhänger der Union halten dem Meinungsklimadruck stand. Von E. Noelle-Neumann // FAZ. Nr. 221, vom 23. September 1998. S. 5 [Dokumentation 5954].
- ⁴ Stolz aufs eigene Leben // Der Spiegel. 1995. 03.07. S. 40.
- ⁵ Die Frage nach dem Erfolgskonzept des Kanzlers bleibt offen // Stern. 1998. 11.02.
- ⁶ Schäuble: Kohl bleibt Kandidat // FAZ. 1998. 23.03.
- ⁷ Kohl ruft Union zum Kampf auf // Welt. 1998. 13.03.
- ⁸ Absage an Große Koalition // Bild. 1998. 1.04.

Формирование позитивного имиджа...

- ⁹ Vom Fluch und Segen der Schröderisierung // Welt. 1998. 5.04.
- ¹⁰ In Niedersachsen klare Gewinne für Schröders SPD // Tagesspiegel. 1998. 2.03.
- ¹¹ Der letzte Chance // Spiegel. 1998. 23.03.
- ¹² Die Legende soll leben: Gerhard Schröder über das Private und die Politik, über seine Karriere, die Kanzlerschaft und Helmut Kohl // Spiegel. 1998. 23.04.
- ¹³ Alles wird anderes // Süddeutsche Zeitung. 1998. 2.05.

М.А. Штейнман

МАТРИЦЫ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ И МЕХАНИЗМЫ СОЗДАНИЯ ОБЩНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ XXI В.

Существует заговор,
который напрямую никому не адресован.

К/ф «V – значит Вендетта» (2006)

Современный социум действительно переживает определенного рода дефицит общности. Это, в свою очередь, ведет к потребности создания объединяющих моделей. Крайне важно, что подобные модели создаются зачастую самопроизвольно. Это явление уже неоднократно фиксировалось в работах различных исследователей.

В данном случае, однако, больший интерес представляет феномен сближения дискурсивных моделей политики, массовой культуры и – в определенной степени – рекламы. Задача настоящей статьи – проследить изменения в восприятии матриц массовой культуры и их отражения в политическом дискурсе от стойких ассоциаций с тоталитаризмом до столь же устойчивых ассоциаций с нонконформизмом и революцией.

Ключевые слова: политический дискурс, массовая культура, антиутопия, идеология, механизмы создания общности.

На протяжении XX века принято было считать, что идеология активно использует массовую культуру в своих целях. И в этом случае элитарная, высокая культура расценивалась как удел интеллектуального меньшинства, тогда как менее образованное большинство представляло собой целевую аудиторию для воздействия пропагандистской машины (как правило, репрессивно-государственной).

Классическим примером подобного подхода является роман антиутопия Д. Оруэлла «1984», написанный в 1949 г., где Министерство правды занимается преимущественно тем, что продуцирует ложь, подтасовывает факты и создает легко запоминающийся развлекательный контент для малообразованных потребителей, на-

зываемых пролами (прол – сокращение от «пролетарий»): «Целая система специальных отделов занималась пролетарской литературой... Выпускались пустые газетенки, сенсационные пятицентовые детективы, грязные кинофильмы на сексуальные темы и сентиментальные песенки...»¹.

Та же логика прослеживается и в более позднем романе Р. Бредбери «451 градус по Фаренгейту» (1953). Текст представляет собой вариацию на заданную Оруэллом тему, но с некоторыми уточнениями. Бредбери доводит ситуацию до гротеска – чтение и хранение книг запрещено вообще, а найденные книги подлежат сожжению. Интеллектуальная жизнь сведена к минимуму, а семейные развлечения сублимированы в просмотр телесериалов. И здесь крайне интересен тот факт, что автор четко выстраивает соотношение между массовой культурой, массмедиа и идеологией. Складывается ощущение, что Бредбери сознательно помещает отсылки на книгу В. Бенямина «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» (1936).

Один из антагонистов в романе Бредбери характеризует упадок высокой культуры, называя его – в духе Оруэлла – расцветом: «Настоящий расцвет наступил только с введением фотографии. А потом, в начале двадцатого века, – кино, радио, телевидение. И очень скоро все стало производиться в массовых масштабах»². Сравним у Бенямина: «Фотография впервые освободила руку в процессе художественной репродукции от важнейших творческих обязанностей, которые отныне перешли к устремленному в объектив глазу»³. И далее: «Художественная репродукция и киноискусство оказывают обратное воздействие на искусство в его традиционной форме»⁴.

За десять лет до книги Бенямина Х. Ортега-и-Гассет в эссе «Дегуманизация искусства» (1925) подчеркивал: «С социологической точки зрения для нового искусства... характерно именно то, что оно делит публику на два класса людей: тех, которые его понимают, и тех, которые не способны его понять»⁵.

Обратим внимание на интересное соответствие: эссе Ортеги-и-Гассета вышло в 1925 г., работа Бенямина была написана в 1936 г., роман Оруэлла опубликован в 1949 г., а книга Бредбери – в 1953 г. Все эти даты так или иначе совпадают с существованием тоталитарных политических режимов. И в каждом из перечисленных произведений массы рассматриваются как угроза, как часть репрессивной системы, как питательный бульон и одновременно как целевая аудитория идеологии. Массам соответственно противопоставлен интеллеktуал-одиночка, обреченный бунтарь, решившийся бросить вызов системе.

Более того, можно говорить о том, что роман «451 градус по Фаренгейту» в некоторой степени превосходит концепцию медиа как внешних расширений человека Маршалла Маклюэна, изложенную в «Understanding Media» (1964).

Так, Маклюэн утверждает, что потребность «более или менее постоянно иметь при себе радио и телевизор» доказывает тот факт, что люди отдали свои чувства и нервные системы в полное распоряжение корпорациям, которые ими манипулируют⁶. Этой концепции Маклюэна у Бредбери соответствует образ «говорящей гостиницы», где стены превращены в гигантские телевизоры и где иллюзорная коммуникация с героями сериалов вытесняет собой реальное общение мужа и жены. Важно, что коммерческие интересы корпораций, производящих сами телевизоры и предлагающих услуги телесериалов, находятся на службе тоталитарной идеологии, видящей в чтении прямую угрозу себе. Чтение, таким образом, маркирует принадлежность к элитарной культуре, тогда как просмотр телесериалов и пролистывание комиксов – к массовой.

В книге Маклюэна (1964), однако, политический дискурс уступает место социокультурному. В медийных расширениях человека он, как и Бредбери, видит угрозу, но связывает ее уже не с тоталитарной системой, а с корпорациями, т. е. с экономическим фактором. Характерно, что Ролан Барт в своих «Мифологиях», написанных в 1957 г., уже подчеркивает, что источником идеологии может быть не только государство, но и частный бизнес⁷.

Итак, в XX в. массовая культура, во-первых, воспринималась как часть тоталитарной системы, а во-вторых, достаточно негативно оценивалась с позиции существовавшей тогда иерархии «высокая культура»/«низкая культура». Особенно это заметно на примере эссе Дуайта Макдоналда. Он, в частности, размышляет об угрозах, которые сосредоточены в массовой культуре по отношению к культуре «высокой». Ее задача, подчеркивает Макдоналд, заключается в том, чтобы развлекать толпу любым способом. При этом подразумевается, что массовая культура заимствует элементы высокой культуры и вульгаризирует их⁸.

В XXI в., однако, ситуация существенно меняется. Под влиянием целого ряда факторов (и не последний из них – доминанта постмодернистского сознания и так называемой мозаичной культуры) массовая культура перестает восприниматься как маргинальная. Более того, постепенно утрачивается сама актуальность подобной градации.

Развлекательный элемент массовой культуры начинает приобретать конститутивный характер, причем развлекательность становится частью зрелища, а зрелище (в трактовке Ги Дебора –

спектакль⁹), в свою очередь, пронизывает собой все уровни социальной и политической жизни. Наиболее важен здесь тот факт, что массовая культура становится не просто эффективным каналом коммуникации и транслятором идеологических сообщений. Зачастую именно массовая культура сама продуцирует их.

Более того, массовая культура сформировала и нового героя – борца против тоталитарного режима. В начале XXI в. именно в среде развлекательного кино рождается особый тип дискурса. Причина подобного феномена – в той максимально широкой платформе, которую массовая культура предоставляет для формирования идентичности. И сам факт потребления смыслов путем их копирования занимает здесь принципиально важное место.

Для нас крайне важен тот факт, что если по отношению, например, к живописи Беньямин признает девальвирующее влияние копии, то кино в системе его эстетических и этических категорий занимает совершенно иную позицию: «Для прогрессивного отношения характерно при этом тесное сплетение зрительского удовольствия, сопереживания с позицией экспертной оценки. Такое сплетение представляет собой важный социальный симптом»¹⁰.

Если для живописи копирование и последующее потребление ведут к утрате социального значения искусства, то в кино критическая и гедонистическая установки совпадают. Более того, именно реакция публики является в данном случае решающей: а сама реакция публики, по выражению Беньямина, есть сумма реакций отдельных людей. Вывод прост: «Массы – это матрица, из которой в настоящий момент всякое привычное отношение к произведениям искусства выходит перерожденным». Таким образом, именно в кинематографе количество перешло в качество: «Значительное приращение массы участников привело к изменению способа участия»¹¹.

Основное преимущество современных матриц (моделей) массовой культуры заключается именно в том, что они позволяют потребителю (пользователю) получить платформу для самоидентификации. Д. Шварцмантель утверждает, что время глобальных идеологий миновало. Им на смену приходят локальные конструкты и локальные движения¹². В этом случае остается предположить, что массовая культура обладает максимально широкими возможностями именно по конструированию идентичности для определенных (прежде всего молодежных) групп.

В качестве примера обратимся к феномену движения “Оссиру Wall Street”, зафиксированного в сентябре 2011 г. и за несколько месяцев распространившегося по миру (среди участников протестного движения – граждане таких стран, как США, Австралия, Ита-

лия, Германия, Великобритания, Эстония, Канада, а также Южная Корея, Филиппины и Китай).

Формально его началом считается 17 сентября 2011 г., когда активисты вышли к Уолл-стрит с плакатами, протестующими против «корпоративной алчности». За три минувших месяца это движение приобрело общемировой характер и, что особенно важно, получило свой слоган и логотип. Слоган движения – «Нас 99%» – отсылает к противопоставлению 1 % самых богатых людей планеты 99% остального населения. А вот стихийно выбранным логотипом стала маска Гая Фокса из кинофильма «V – значит Вендетта» (“V for Vendetta”). В фильме ее носит главный герой, чье имя обозначается только литерой V (аллюзия на знак Victory – победа).

Гай Фокс – историческое лицо, участник Порохового заговора 1605 г. Однако герой фильма V представляет собой образ бунтаря-одиночки, а по сути – террориста. Таким образом, перед нами трансформированный знак в понимании Ролана Барта, т. е. миф.

Миф этот, однако, рожден именно массовой культурой. Кинолента «V – значит Вендетта» (2005) была снята по сценарию братьев Вачовски, которые также выступили продюсерами. Сценарий основан на одноименном комиксе Алана Мура и Дэвида Ллойда (1982–1985). Комикс (или, следуя англоязычной традиции, графический роман) был изначально политизирован. Полемика была направлена против политики кабинета Маргарет Тэтчер. Автор сюжета Алан Мур в предисловии к переизданию комикса называл себя и своего соавтора Кассандрами, предсказавшими смену правительства¹³. Эти графические серии были столь популярны, что в 1999 г. «V – значит Вендетта» был внесен в список «Сто комиксов столетия»¹⁴.

Фильм братьев Вачовски, по сути, продолжает их антиутопическую трилогию «Матрица», однако акцент на этот раз сделан не на абстрактно-антиутопическом будущем, а на тоталитарной системе, берущей начало в XX столетии.

В центре сюжета находится противостояние тоталитарной системы и героя-одиночки. И герой, и его враги действуют одним и тем же методом – насилием. Собственно, на это указывает и слово «вендетта», помещенное в заглавие фильма. Даже любовная линия подменена жесткой инициацией, которую готовит герой для своей возлюбленной, чтобы сделать ее участником своего плана по уничтожению существующей системы управления государством. Главный акцент, тем не менее, сделан в фильме не на анархизме, а на «пробуждении» граждан к социально значимым поступкам. Герой «Вендетты» стимулирует протестные настроения англичан – в том числе и путем повышения осведомленности о себе и своих действиях. Он также рассылает колоссальное количество костюмов

Гая Фокса жителям Лондона, копирующих его собственный облик. В результате в ночь на 5 ноября (канун исторического «Порохового заговора» в Лондоне) на улицы выходят тысячи людей в костюмах и масках Гая Фокса. Полиция отказывается в них стрелять. В соответствии с планами главного героя на воздух взлетает здание Парламента, что символизирует и крах тоталитарной системы. В этот момент люди на площади снимают маски, становясь не толпой, а собранием личностей. Так сценаристы и режиссер пытаются обозначить тему личной ответственности каждого за будущее страны, гражданами которой они являются.

Алан Мур в своем интервью обвинил авторов фильма в том, что они «были слишком робкими, чтобы создать политическую сатиру в адрес Буша», и потому адаптировали английский комикс, извратив при этом его смысл. Изначально в центре сюжета находились «не американские либеральные ценности – он рассказывал о фашизме, он рассказывал об анархизме, он рассказывал об Англии»¹⁵. Таким образом, и фильм, и комикс прочно увязываются с современным политическим дискурсом, причем это делают не комментаторы, а один из его создателей.

Еще более значим тот факт, что интервью, озаглавленное «Последний сердитый человек», вышло на телеканале MTV, транслирующем сугубо развлекательный контент.

Именно фильм, однако, сделал маску Гая Фокса, которую постоянно носит главный герой, необыкновенно популярной. Изначально выпущенная в рамках промо-акции, маска главного героя была использована группой активистов, протестующих против действий Церкви сайентологии в 2008 г. в Лондоне. Именно тогда маска, прочно ассоциирующаяся с нонконформизмом и протестными настроениями, впервые фигурировала в рамках реальной акции. Характерно, что сами протестующие относили себя к движению интернет-хакеров «Anonymus» («Аноним»), что опять-таки соотносится с идеями фильма. Дело в том, что именно маска создает иллюзию групповой сплоченности и ощущение личной безопасности, неузнанности и – что является вопросом времени – безнаказанности.

Неудивительно, что именно эта маска стала символом движения «Occupy Wall Street» и подобных ему протестных акций по всему миру. Начиная с сентября 2011 г. продажи маски Гая Фокса, копирующей ту, которая фигурировала в фильме «V – значит Вендетта», на сайте Amazon.com достигли показателей нескольких сотен тысяч. Закономерная ирония данной ситуации заключается в том, что продажи каждого экземпляра маски обогащают одну из корпораций, против существования которой и протестуют ее покупатели.

патели, – компанию Warner Brothers. Именно она продюсировала фильм, она выпускает маски и издает газету “Times”, которая пишет о протестах против корпораций. Иначе говоря, сам символ протеста оказывается результатом действий тех, против кого протестуют.

Более того, один из создателей этой маски, художник Дэвид Ллойд, выразил свою радость по поводу того, что «маска Гая Фокса теперь стала брендом и удачным обозначением протеста против тирании. И я счастлив, что люди используют ее. Она стала единственной иконой популярной культуры, используемой подобным образом»¹⁶.

При этом не стоит утверждать, что маска из комикса превратилась в идеологически маркированный символ сугубо анархического сопротивления олигархическому капитализму. Сюжет «V – значит Вендетта» настолько легко расшифровывается потребителем смыслов массовой культуры, что от него невозможно скрыть негативные коннотации образа. По сути, сам факт ношения маски уже окрашен значительным количеством постмодернистской иронии. Однако на этот раз ирония поставлена на службу протестным настроениям.

Дальнейшее функционирование маски Гая Фокса как обозначение протеста связано с целым рядом медийных лиц. Здесь, в частности, надо назвать имена Джулиана Ассанжа и действующего президента США Барака Обамы.

Во время массовых выступлений 15 октября 2011 г. в Лондоне Джулиан Ассанж, основатель сайта «Wikileaks», появился с маской Гая Фокса на лице. Полицейские потребовали снять маску. Ассанж подчинился, но в ответ произнес импровизированную речь, где, в частности, заявил: «Теперь нельзя носить маску в Лондоне, нельзя закрывать лицо. Людям отказывают в их праве на анонимность. Может быть, это и законно. Но мы с этим не согласимся до тех пор, пока швейцарский банк не откроет имена своих вкладчиков. Мы требуем прозрачности иностранных банков»¹⁷.

Характерно, что автор информационного материала называет маску по имени движения “Anonymous”. Так название движения хакеров вытесняет изначальную культурную и историческую принадлежность маски. Она постепенно становится обозначением политического протеста в чистом виде.

Еще более показательна ситуация с ироническим обыгрыванием плакатов, используемых в избирательной кампании Б. Обамы.

Американский дизайнер и художник поп-арта Ш. Фейри создал в 2008 г. плакат с портретом Барака Обамы в красно-сине-белой гамме. На плакате была также помещена надпись «Hope» («Надежда»). Этот плакат быстро приобрел популярность среди сторонников Обамы. Сам Ш. Фейри заявил, что все полученные деньги

(около 400 000 долларов) он перечислил на счет избирательной кампании Барака Обамы.

Однако в октябре 2011 г. Фейри присоединяется к движению “Occupy Wall Street”, а спустя месяц создает новый плакат. На этом плакате, копирующем широко известный постер, лицо Барака Обамы закрыто маской Гая Фокса. Слоган «Hope» внешне сохранен, но к нему добавлены несколько слов мелким шрифтом, составляющие фразу “We are the Hope” («Надежда – это мы»). Вместо значка избирательной кампании президента изображен логотип движения с надписью “We are 99%. Occupy Wall Street” («Нас 99%. Оккупируй Уолл-стрит»)¹⁸. Таким образом, было создано четкое сообщение: надежды на президента Обаму больше нет, но остается надежда на движение «Оккупируй Уолл-стрит». Более того, плакат можно расценивать и как завуалированную угрозу, адресованную Обаме: ему предлагается уйти, оставив победу за «99%» населения.

Спустя несколько дней художник был вынужден изменить слоган на обращение к президенту Обаме с более корректным высказыванием: “Mister President, we hope you’re on our side”¹⁹ («Господин президент, мы надеемся, что вы на нашей стороне»). Смягчив изначальный смысл сообщения, художник не поступил главным, оставив маску без изменений.

Таким образом, можно говорить о том, что маска Гая Фокса из кинофильма «V – значит Вендетта» стала составной частью политического дискурса. Как точно подмечает Ч. Боттичи в своей книге, посвященной политическому мифу, «политический миф предоставляет колоссальные возможности для масштабирования социальной реальности»²⁰. Политический миф существенно упрощает социальную жизнь, сводя сложные и многоуровневые конфликты к узнаваемым сюжету и образу.

Это подтверждает высказываемую в последнее время гипотезу, что в современном политическом дискурсе все заметнее становятся черты так называемого *politainment* (гибрид слов “politics” – политика и “entertainment” – развлечение). Действительно, в этом случае «публичное пространство превращается в одну из форм развлекательного зрелища»²¹.

Подобная ситуация свидетельствует о развитии перформативного элемента в современном политическом дискурсе, причем само событие моделируется на основе сюжета, порожденного массовой культурой. С другой стороны, не следует забывать, что протесты в 2008 г., и в особенности в 2011 г., носят не изначально срежиссированный, а спонтанный характер. Причем их успех во многом обусловлен фактом узнаваемости, перманентно существующей ссылкой к сюжету кинофильма. Таким образом, концепция «общества

М.А. Штейнман

спектакля» Ги Дебора в XXI в. претерпевает не менее существенные изменения, чем концепция массовой культуры. Будучи вовлеченными в новую модель политического дискурса, обе они утрачивают связь с государственной системой в ее тоталитарных проявлениях и, по сути, оборачиваются против нее.

Примечания

- ¹ Оруэлл Д. 1984 // Оруэлл Д. 1984; Скотный двор. Пермь: КАПИК, 1992. С. 37.
- ² Бредбери Р. 451 градус по Фаренгейту // Бредбери Р. О скитаньях вечных и о Земле. М.: Правда, 1987. С. 53.
- ³ Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости: Избранные эссе. М.: Медиум, 1996. С. 25.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства // Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2003. С. 216.
- ⁶ См.: Маклюэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. М.: Канон-пресс, 2003. С. 81.
- ⁷ См.: Барт Р. Мифологии. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. С. 269.
- ⁸ Macdonald D. Against the American Grain. L.: Victor Gollancz LTD, 1963. P. 37.
- ⁹ См.: Дебор Г. Общество спектакля. М.: Логос, 2000. С. 29.
- ¹⁰ Беньямин В. Указ. соч. С. 31.
- ¹¹ Там же.
- ¹² См.: *Schwarzmantel J.* Ideology and Politics. L.: SAGE, 2008. P. 111.
- ¹³ См.: Moor A. Introduction: "V for Vendetta". N.Y.: DC Comics, 1990.
- ¹⁴ См.: The Comics Journal. 1999. № 210. February. P. 44.
- ¹⁵ См.: Alan Moor: The Last Angry Man // MTV. Retrieved. 2006. 30.08 // http://www.mtv.com/shared/movies/interviews/m/moore_alan_060315
- ¹⁶ Цит. по: Waites R. V for Vendetta mask: Who's behind them? // <http://www.bbc.co.uk/news/magazine-15359735>
- ¹⁷ См.: Messieh N. Julian Assange shows up at Occupy London wearing an Anonymous mask // <http://thenextweb.com/uk/2011/10/16/julian-assange-shows-up-at-occupy-london-wearing-an-anonymous-mask>
- ¹⁸ См.: Wilson S. Shepard Fairey designs "Occupy Hope" poster, replaces Obama's face with "V for Vendetta" mask // http://blogs.laweekly.com/informer/2011/11/shepard_fairey_designs_occupy.php?page=2
- ¹⁹ См.: http://blogs.laweekly.com/informer/2011/11/shepard_fairey_designs_occupy.php
- ²⁰ См.: Bottici Ch. A Philosophy of Political Myth. Cambridge Univ. Press, 2007. P. 179.
- ²¹ См.: Черных А.И. Медиа и демократия. СПб.: Университетская книга, 2011. С. 109.

Abstracts

G.V. Ambrosieva

EXPERIENCE OF DEVELOPMENT OF POLITICAL INSTITUTIONS IN POST-SOVIET MOLDOVA

This article describes an example of reforming the state apparatus in the Republic of Moldova. In the post-Soviet period cultural, economic and political potential led to instability of democratic transit. This allowed to the representation of the United Nations Development Program (UNDP) in Moldova to propose and implement a model of institutional development of state institutions. It emphasizes importance of comprehensive and systematic approaches that take into account the interdependence of different actors involved.

Key words: political institutions, democratic transit, post-Soviet area, political instability.

I.B. Antonova

CONCEPTS OF COMMON AND STATE VALUES IN THE CONTEMPORARY POLITICAL DISCOURSE: THE NATURE OF COHESIVE AND NON-COHESIVE

The article is aimed at discussing concepts of common and state values widely used in the contemporary political discourse. In most cases they fix the point of view expressed by the political leaders of the country – President, his proponents and their opposition. These concepts sometimes suggest and sometimes just impose on the masses a certain point of view that gives way to interpreting or reinterpreting political reality. The author examines certain examples of (1) original *non-cohesiveness* of understanding national common values by the authority and the society; (2) frequent *non-cohesiveness* between the true and the imposed (by the authorities) meaning of one and the same concept; (3) contextual *non-cohesiveness* between the content and style of the political discourse to the toposphere of the mass audience, and finally (4) local (which is, limited to the former Soviet Union only) *non-cohesiveness* between the official style of the state language and the “low” style of everyday speech. The author argues that common and state

values correspond the best with the mass mentality of the US, whereas public political rhetoric of the US presidency does not correspond with their political actions. As a conclusion, the author offers a hypothesis, according to which the concepts of common and state values in the contemporary political discourse serve as a kind of criteria to define an election campaign discourse, not a discourse of power that is aimed at arguing for the necessity of further political steps.

Key words: political discourse, concepts of common and state values, cohesive; non-cohesive, “playing with concepts”, “struggle for concepts”, language policy.

D.I. Axenovsky

INTEGRATIVE PROJECTS OF THE COMPETITIVE POWER

This article is about the failure observed today in the state projects, directed at answering the main challenges of the present – overcoming the limits of growth and integration into the world community. As well as the global state projects (the USA, EU, Japan), setting universal tendencies of development, tens of the local state projects mastering these tendencies in terms of realities and interests, and attempts to establish in separate territories the state innovative zones (clusters) – all of them appeared to be vulnerable in their own way. Such a situation has revealed dependences, that have been poorly recognized before, and actualized the need to build up an international mechanism of integration to deal with the innovations by means of various traditions.

Key words: The global state project, the local state project, cluster policy, logistics of innovative projects.

E.V. Baryshev

MODERN OPPORTUNITIES OF POLITICAL INTERNET

The formation of new communication channel – computer networks at the turn of the XX century lead government to losing information monopoly. This issue examines the opportunities of modern Russian Internet space in politics.

Key words: Political information, Internet, political parties' sites, blogs.

E.V. Barysheva

THE IDEA OF THE “COHESIVE”
IN POLITICAL RITUALS (1920–1930ies)

The article emphasizes the impact of Soviet bank holidays on the process of social mass communication and on the construction of the united social field by means of exchanging bits of socially significant political information.

Bank holidays are being considered as Soviet rituals that construct and transmit the illusion of “smoothing away” social differences and conflicts demonstrating solidarity and unity non-existent in real life. Thus, the people accepted the legitimacy of power and showed their loyalty to the regime, whereas the power put on the mask of the “master” caring about his nation.

Key words: mobilization, unity, Soviet bank holidays, mass communication, information transmission.

A.V. Belinsky

GERMAN MEDIA IN THE MODERN
POLITICAL PROCESS

In the past two decades Germany is witnessing a major change in the party landscape. There is a certain crisis of the old concepts of party, party identity crisis but at the same time obvious and the search for new answers to new challenges. Accordingly, there is a change in profiling the parties at the present moment and tactical problems, which are reflected in the party programs and documents. In this regard, especially demonstration programs of the Christian Democratic Union, adopted in 2007 in Hanover, and the program of the Social Democratic Party of Germany, adopted at the congress in Hamburg in 2007. Analyses of these programs are very clearly shows the erasure of differences between the two major parties of the country. In turn, this leads to the search for new strategies to attract potential voters. And here in the party struggle to come to the fore the media, which form an attractive image of politics or party. Many researchers are talking about the “Americanization” of German politics (pre-election debate, reminiscent of the talk show, the emphasis on the personal qualities of the candidate, etc.) or even the substitution of parties by the media.

Key words: “The Americanization of the media” of Germany, the new communication strategy, personalization policy.

N.A. Borisov

NATIONAL IDEOLOGY AND THE LEGITIMACY
OF POLITICAL REGIME (IN CASE WITH
THE BELORUSSIAN STATE IDEOLOGY)

Belarus is the unique state in the post-Soviet area which established its state ideology at the official level. The article considers the basic components of the Belorussian state ideology in terms of political power legitimacy. The author focuses on the representations of national history and sources of national statehood, prominent historical figures, national symbols, and on the country future. Belorussian ideology is aimed at building up a freakish combination of Soviet and national Belorussian identity, the first prevailing. The ideological grounds for the legitimacy of Belorussian political regime are closely connected with personal legitimacy. The main subject to formulate and introduce the new ideology is the President of the Republic. The prevalence of personal legitimacy over the ideological and structural ones makes legitimacy and stability of the political regime dependent of the President which threatens the stability of the political regime.

Key words: Belarus, ideology, legitimacy, national statehood, identity.

G.B. Gavrish

THE IDENTITY OF THE POLITICAL TEXT
IN SOVIET TRADITION

The article considers the phenomena of the Soviet political text and its impact on constructing the Soviet political environment. The author presents the typology of political texts in the Soviet Union, emphasizing the factors that made the typology possible. The nature of political leader's text and its special features are analyzed. The main emphasis is made on the role of the XX Congress of the CPSU and Perestroika as the main factors to reform the political text.

Key words: political text, leader, bureaucratic rhetoric, political journalism, Soviet ideological cliché, liberalization of the media in the USSR, Perestroika.

I.A. Gordeeva

COEHISIVENESS AND VIOLATION: CARTESIAN SUBJECT
IN SOVIET RUSSIA IN THE 1920–1930

The article deals with self-identification of “independent Christians” (better known as the “Tolstoyans”) movement under the conditions of rising Soviet collectivist ideologies and practices in the 1920s – early

1930s. It was before the October revolution that the “Tolstoyans” conceived their public ideal in terms of radical pacifism, confirming values of nonviolence and defending freedom of conscience, asserting the notion of man as spiritually free human being, regarding the general “fraternity in Christ” to be the foundation of human community. After a short period of collaboration with Soviet authorities the values of “independent Christians” ran against the Bolsheviks’ versions of “togetherness”. The main point for debate was whether it was acceptable to use violation while building up different types of communities. An “independent” religious outlook succeeded in both, denying violence and bringing up an individual with a non-traditional for Soviet Russia level of nonconformity, and the ability to resist discourses controlled by the authorities.

Key words: “Tolstoyans”, modernization, individualization, communitarian movement, cooperation, collectivization, radical pacifism, antitatism.

O.G. Guseynov

THE COMPATIBILITY OF CIVIL GOVERNMENT AND ARMY IN TURKEY: A GAME-THEORETIC ANALYSIS

The author regards compatibility as a set of potential points of equilibrium, having both positive and negative coordinates. The author compares the interaction between Justice and Development Party, on the one hand, and the Turkish army, on the other, within two different periods, which enables him to determine what has an actual impact on the nature of compatibility.

Key words: repetitive game, coordinating game, focal point, trigger strategy, Nash equilibrium, bad equilibrium, correlation of forces.

A.A. Kalmykov

ON EMERGING OF NEW AGENCIES IN THE NOWADAYS POLITICAL FIELD

The article considers on-line and social media communities to be the emerging political force in modern society. The author puts forward the idea that this force comprises different resources and, furthermore, can be treated as the field where new self-sustainable agencies appear and act. The author suggests a row of parameters to classify the emerged agencies on the background of “open–close”, “vertical–horizontal” structures.

Key words: social media, political actors, agencies, social system.

M.S. Kruglov

CONTEMPORARY FORMS OF CIVIC ACTIVITY
IN THE POLITICAL PROCESS OF RUSSIAN FEDERATION

There is a system increase of mass public and network civil protests and initiatives in political process of contemporary Russia. Civil personal and network activity in contemporary Russia is becoming a critical resource for social transformation, a way to overcome the authoritarian traditions. The main foundations of civil society are articulated at the local level of civil initiatives, which are transformed into more complex forms of democratic social order. Successful cases of civil activity can become an obvious example for others activities with a higher probability of success than was possible at the initial stage. Civic activity that goes beyond the own selfish purposes of participants is rapidly moving toward the political with the relevant requirements and the impact. Groups of interests in the political process of Russian Federation have become a significant channel for the articulation of public interests that can have an impact on the policy making process, claiming to be the replacement of traditional institutions. Contemporary forms of civic activity contain major potential of structural transformation of the political system in Russian Federation in the direction to the democracy.

Key words: civic activity, political transformation, logic of collective action, political institutions, groups interests, rational choice.

G.A. Lugovoy

THE INTEGRATION POTENTIAL OF PAN-TURKISM
IDEOLOGY

Pan-Turkism is one of the ideological concepts that spread in the Ottoman Empire at the beginning of XX century as a response to separatist nationalist movements on the borders of Empire. It offered the opportunity to establish new national identity among ethnic Turks living in the Minor and Central Asia. During the XX century the Pan-Turkism ideology transformed from the concept based on the idealistic national views of the Turkish intellectuals into a pragmatic doctrine legitimizing both internal and foreign political and economic processes. Today Pan-Turkism is a form of social integration based on ideological views of its adepts, and as a part of social processes it has roots in social movements existing in Turkish society. The goal of this research is to identify key factors of Pan-Turkism's development in modern Turkish society and its integration potential.

Key words: Turkey, Pan-Turkism, integration, ideology.

N.A. Medushevsky

REDEFINING THE “THINK TANK” TERM MEANING
IN THE CONTEXT OF CONFRONTATION BETWEEN
MULTICULTURALISM AND THE “MELTING POT”
CONCEPTS.

Existence of two alternative concepts of political and social development – the concept of multiculturalism and the concept of the “melting pot”, – has given rise to a whole range of issues of two alternative solutions.

One of the most pressing contemporary issues associated with this confrontation is the formation of expert policy communities in different countries and adopting a certain “think tanks” model as their main structure element.

This article compares two dominant approaches, drawing the American prototype of think tanks, one of which is based on a traditionalist perception of think tanks and presented by J. McGan, while the other relates to multimodal approach, and is presented in Lily Wang’s articles.

Key words: multiculturalism, “melting pot”, think tank, multimodal approach, the expert community.

Mezhieva A.K.

POLITICAL AND COMMUNICATIVE PRACTICES
IN THE ACTIVITIES OF THE RUSSIAN PRESIDENTIAL
ADMINISTRATION (2000–2008)

The object of consideration in this article is the specificity of the political and communicative practices in the activities of the Russian Presidential Administration, as well as the process of initiating and broadcast communication strategies fulfilled in the political sphere in contemporary Russia.

Issues raised in the article are relevant to modern communication and political science in terms of an analytical approach to issues of political reform and political functioning of an institution of power as the President’s Administration. There is an attempt to comprehend the strategic goals and challenges facing the Administration in Post-Soviet Russia for the period of Putin’s presidency.

How the state body, providing the president’s powers, became chief executive of the authority? What are the projects of the President’s Administration more workable to strengthen the authority and trust the president? How the Russian public political sphere was monitored?

Key words: political communication practices and technologies, political reform, presidential power, Presidential Administration, internal policy, the interaction between authorities and public communication system, civil society.

O.A. Pichugina

PERFORMANCE IN SOCIO-POLITICAL DISCOURSE
IN MODERN RUSSIA

For the organization of political communication authorities use the model of performance which is similar to those applied to promote celebrities. The interactive contact between the participants of communication, in which the process of encoding and decoding of symbolic figures presented in the texts, speeches, gestures, postures, symbols, kinetics, sounds and images. Performance model makes the communication process “authority-society” in the show. Performance has all the attributes of theatricality: the involvement of the recipient in the communication; infecting the recipient’s ideas and feelings, persuasion, suggestion, indoctrination, comments, memories and secondary images show (through the imprint of text and electronic formats and further quotations). However, such a communicative model only emphasizes the mediated communication process between the political leaders and the public. At present show technology is actively used not only to organize traditional interaction with society (TV-shows and ext.), but within the framework of contacts with the audience through Internet (blogs, tweets, social network). In this context, enhanced the effects of ownership and interactivity moves to a new level.

Key words: performance, show, political communications, interactivity, blogs, tweets, social networking, theatricality, mediated communication, authority, society.

A.B. Shatilov

STAGES OF RULING ELITES` DEVELOPMENT
IN THE POS-SOVIET RUSSIA: FROM LIBERALIZATION
TO INNOVATIVENESS

The author gives his own version of the process of restoration and development of the ruling elite in RF since 1991 in the context of political and economic transformations of the country. The author

makes a particular observation of the issue of public “request for modernization” and response to it from different elite groups. Moreover, the author resumes that the shift of the elite strata took place due to the actualization of this or that modernization variant which shouldn’t necessarily correlate with the demand of the classical “democratic transit”. The author also considers the reform scenario in 1990–2000 through the prism of competition between the advocates of the “reflected” and “spontaneous” modernization. On the first stage of the post-soviet transformations the first ones had a better hand, but later, especially since 1991 the second ones took the leadership. This became a consequence both of the shift in public mood and in ideological priorities of the Russian elite. As a result the notion “liberalization” gives way to the notions “technological renewal” and “innovativeness” that do not have a specific political capacity.

Key words: elite, spontaneous modernization, reflected modernization, request for modernization, democratic transit, elite groups, recruitment of elites.

I.M. Shatin

MEDIA-SPACE OF POLITICAL COMMUNICATION
BETWEEN SOCIETY AND POWER IN RUSSIAN POLITICS:
PUBLIC DISCUSSION OF THE LEGISLATIVE DRAFTS
IN THE INTERNET

The development of modern mass media and new means of communication, their widespread in Russia, and the attention to the new information technology, which is highly noticed on the governmental level, involves Internet technologies in lawmaking process. It brings communication between civil society and power in legislative process. Two legislation acts “Police law” and “Educational law” has already passed throughout the public discussion in Internet before being presented and submitted to the State Duma. Their texts were presented on the special web portals by the initiative of the President. The article provides analysis of the political communication between Russian society and the political power using the examples public law discussions. The author considers the key issues of this phenomenon and its influence on the dynamics of the Russian politics and political culture.

Key words: political communication, information technology, politics, Russian politics, law, politics and media, the political culture.

M.A. Shteynman

MASS CULTURE MATRIX AND MEANS OF BUILDING
UP OF COMMUNITY IN THE POLITICAL DISCOURSE
OF XXI CENTURY

Nowadays modern societies are facing a deficit of community based upon the crisis of global ideology. So there appears the necessity of uniting models. It is really important that such models may appear on their own accord. Such phenomenon was marked by a number of scientists, but they paid no attention to mass culture as an actor, producing such models (or matrixes).

In this article the issue of convergence of discoursing models will be considered. Special attention will be paid to politics, mass culture and partly advertisement. The main task of the article is to observe the changes in perception of mass culture – from totalitarian associations to non-conformism and revolution.

Key words: political discourse, mass culture, anti-utopia, ideology, Occupy Wall Street movement.

L.V. Smekhov

GENRE OF CRISIS PRESIDENTIAL RHETORIC AS THE
AGENCY INTEGRATION OF THE NATION

The article examines the functions of the crisis presidential rhetoric. The Americans were highly suppressed and absolutely lost after the tragedy of September, 11, 2001 – the most terrifying acts of terrorism which the country had never been faced with before. At the end of the day the president of the USA spoke to the people to unite them, to assure them of the indestructibility of the country and of their safety; he promised to punish the terrorists at all costs. The speech of George Walker Bush can be regarded as a good example that demonstrates a consolidating function of the crisis presidential rhetoric.

Key words: presidential rhetoric, crisis, speech influence, rhetorical presidency, address to the nation, USA, George W. Bush.

E.V. Sushy

IDENTITY AS THE FACTOR
OF POLITICAL TRANSFORMATION

The article considers the peculiarities of psychosocial culture of national-governmental education. Human identity is supposed to be exposed to the historical alteration which is the key element

of subjective reality and dialectic relation within society and its institutions. Consequently, the solution to the problem might be found while distinguishing complex harmonization psychosocial, cultural-symbolic and institutional factors that determine the system development of “person-society-state”. The interpretation of social alterations of the processes is constructed on the basis of archetypical approach, revealing a regular character of such alterations in their deep (archetypical) level. The experience of “archetypical” researches of identity is analyzed by Russian, Belarusian and Ukrainian scientists as an essential possibility to research theory and history of public administration and local self-administration.

Key words: archetype, archetypical approach, public administration, identity, social and societal identity, psychosocial culture.

S.V. Volodenkov, A.L. Zverev

FEATURES OF MODERN ONLINE RESOURCES AND HOW THEY DIFFER FROM TRADITIONAL MEDIA IN THE POLITICIAN

This article focuses on comparative analysis of modern information resources online and traditional media. The author analyses the key traits of modern media resources in the Internet and their potential for the political practice.

Key words: online resources, traditional media, interactivity, horizontal communication, media, targeting, information designing.

A.A. Zhurukhina

COMMON HISTORICAL PAST AS THE SUBJECT OF POLITICAL DISCOURSE

The article deals with distinguishing historical past common for Russia and Ukraine in the post-Soviet period. The key issue of the article is the Kievan Rus legacy in the political discourse of modern Ukraine. According to modern Ukrainian historians and politicians, there is every reason to attribute Kievan Rus to the history of Ukraine. The center of the Kievan state was the territory that included modern Ukrainian lands. The name “Rus” first of all was

extended to the Middle Dnieper lands. The most prominent cultural monuments were erected in Kyiv. However, the Belarusians and Russians are also relevant to the legacy of Kievan Rus, as their lands were its part. Various interpretations of the common historical past made by the three fraternal nations are the foundation for building up their national identity.

Key words: political discourse, post-Soviet Ukraine, national identity, political conscience, Kievan Rus.

Сведения об авторах

Аксеновский Дмитрий Иванович – кандидат философских наук, доцент кафедры социальных коммуникаций и технологий факультета истории, политологии и права РГГУ; axenovsky@mail.ru

Амбросьева Галина Владимировна – аспирант кафедры теории и практики общественных связей факультета истории, политологии и права РГГУ; ambrosievagv@gmail.com

Антонова Ирина Борисовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и практики общественных связей факультета истории, политологии и права РГГУ; heidel@rambler.ru

Барышев Егор Владимирович – аспирант кафедры культуры мира и демократии факультета истории, политологии и права РГГУ; baryshev.egor@gmail.com

Барышева Елена Владимировна – кандидат исторических наук, доцент факультета истории, политологии и права РГГУ; ebarysheva@yandex.ru

Белинский Андрей Викторович – аспирант кафедры теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права РГГУ; belinskii_andrei@mail.ru

Борисов Николай Александрович – кандидат политических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права РГГУ; nborisov@rggu.ru

Володенков Сергей Владимирович – кандидат политических наук, доцент кафедры государственной политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова; s.v.cyber@gmail.com

Гавриш Глеб Борисович – аспирант кафедры культуры мира и демократии факультета истории, политологии и права РГГУ; gavrish.gleb@gmail.com

Гордеева Ирина Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Нового времени Историко-архивного института РГГУ; nepl@yandex.ru

Гусейнов Орхан Гасанхан оглы – аспирант кафедры культуры мира и демократии факультета истории, политологии и права РГГУ; guseynov.orkhan@gmail.com

Журухина Анастасия Александровна – аспирантка факультета истории, политологии и права Российского государственного гуманитарного университета; stay_c@bk.ru

Зверев Андрей Леонидович – кандидат политических наук, доцент кафедры социальных коммуникаций и технологий факультета истории, политологии и права РГГУ; zveandr@mail.ru

Калмыков Александр Альбертович – доктор филологических наук, кандидат педагогических наук, доцент. Член Союза писателей России, участник Международной конфедерации журналистских союзов, действительный член Русского географического общества РАН, общества психологов и философского общества РАН; alex.kalmykov@gmail.com

Круглов Максим Сергеевич – аспирант кафедры теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права; kruglov_m@list.ru

Луговой Григорий Андреевич – аспирант факультета истории, политологии и права РГГУ; greglug@yandex.ru

Медушевский Николай Андреевич – кандидат политических наук, преподаватель факультета истории, политологии и права РГГУ; lucky5659@yandex.ru

Межиева Айна Кюриевна – аспирантка факультета истории, политологии и права РГГУ; aina_pr@mail.ru

Пичугина Ольга Анатольевна – преподаватель кафедры социальных коммуникаций и технологий факультета истории, политологии и права РГГУ; o-pichugina@yandex.ru

Смехов Леонид Владимирович – аспирант кафедры культуры мира и демократии факультета истории, политологии и права РГГУ; lsmekhov@gmail.com

Суший Елена Владимировна – кандидат философских наук, докторант кафедры государственной политики и управления политическими процессами Национальной академии государственного управления при Президенте Украины; a_s_y2000@yahoo.com

Шатилов Александр Борисович – кандидат политических наук, доцент, декан факультета «Социология и политология» Финансового университета при Правительстве РФ, заместитель директора Института проблем эффективного государства и гражданского общества Финансового университета, заместитель директора ЦПКР; absh71@yandex.ru

Шатин Илья Михайлович – аспирант кафедры теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права РГГУ; elijah.shatin@gmail.com

Штейнман Мария Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики общественных связей факультета истории, политологии и права РГГУ; philology@mail.ru

General data about the authors

Ambrosieva Galina V. – post-graduate at the Department of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities; ambrosievagv@gmail.com

Antonova Irina B. – Ph.D (Methods of Teaching), Associate Professor at the Department of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities; heidel@rambler.ru

Axenovsky Dmitriy I. – PhD (Philosophy), Associate Professor at the Department of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities; axenovsky@mail.ru

Baryshev Egor V. – post-graduate at the Division of Theory and Practice of the Political Science, Department of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities; baryshev.egor@gmail.com

Barysheva Elena V. – Ph.D (History), Associate Professor, Head of the Chair at the Department of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities; ebarysheva@yandex.ru

Belinsky Andrei V. – post-graduate at the Chair of Theoretical and Applied Political Science of the Department History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities; belinskii_andrei@mail.ru

Borisov Nikolay A. – PhD (Political Science), Associate Professor at the Department of theoretical and applied political science, Russian State University for the Humanities; nborisov@rggu.ru

Gavrish Gleb B. – post-graduate at the Department of History, Political Science and Law (the Chair of Culture of Peace and Democracy); gavrish.gleb@gmail.com

Gordeeva Irina A – Ph.D (History), Assistant Professor at the Department of History, Political Science, and Law, Russian State University for the Humanities; nepl@yandex.ru

Guseynov Orkhan G. – post-graduate at the Chair of Culture of Peace and Democracy of the Department of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities; guseynov.orkhan@gmail.com

Kalmykov Alexander A. – PhD (Journalism and Media Studies), Professor, Communication Studies and Public Affairs Department, Department of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities; alex.kalmykov@gmail.com

Kruglov Maxim S. – post-graduate at the Chair of Theoretical and Applied Political Science of the Department of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities; kruglov_m@list.ru

Lugovoy Grigory A. – post-graduate at the Department of history, political science and law, Russian State University for the Humanities; greglug@yandex.ru

Medushevsky Nikolay A. – Ph.D (Political Science), lecturer at the Department of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities; lucky5659@yandex.ru

Mezhieva Ayna K. – post-graduate of the Department of History, Political Science and Law of the Russian State University for the Humanities; aina_pr@mail.ru

Pichugina Olga A. – lecturer at the Division of Social Communications and Technologies, Department of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities; o-pichugina@yandex.ru

Shatilov Alexander B. – PhD (Political Science), Associate Professor, head of the “Sociology and Political Science” department in the Financial University under the Government of the Russian Federation, deputy director of the Institute for Problems of Effective State and Civil Society at The Financial University, deputy director of the Center for Current Politics in Russia; absh71@yandex.ru

Shatin Ilya M. – post-graduate at the Division of Theory and Practice of the Political Science, Department of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities; elijah.shatin@gmail.com

Shteynman Maria A. – PhD, Associate professor at the Division of Theory and Practice of Public Relations of the Department of History, Political Science and Law; philology@mail.ru

Smekhov Leonid V. – post-graduate at the Division of Culture of Peace and Democracy, Department of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities; lsmekhov@gmail.com

Sushy Elena V. – PhD (Philosophy), doctoral student, National Academy of Public Administration, the President of Ukraine; a_s_y2000@yahoo.com

Volodenkov Sergey V. – PhD (Political Science), Associate Professor, Moscow State University; s.v.cyber@gmail.com

Zhurukhina Anastasia A. – post-graduate at the Department of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities; stay_c@bk.ru

Zverev Andrey L. – PhD (Political Science), Associate Professor, Russian State University for the Humanities; zveandr@mail.ru

Заведующая редакцией *И.В. Лебедева*
Художник *В.В. Сурков*
Художник номера *В.Н. Хотеев*
Корректор *Л.И. Корнеева*
Компьютерная верстка *Е.Б. Рагузина*

Формат 60×90¹/₁₆.
Усл. печ. л. 16,5. Уч.-изд. л. 17,0.
Тираж 1050 экз. Заказ № 35.

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rgggu.ru
www.knigirgggu.ru